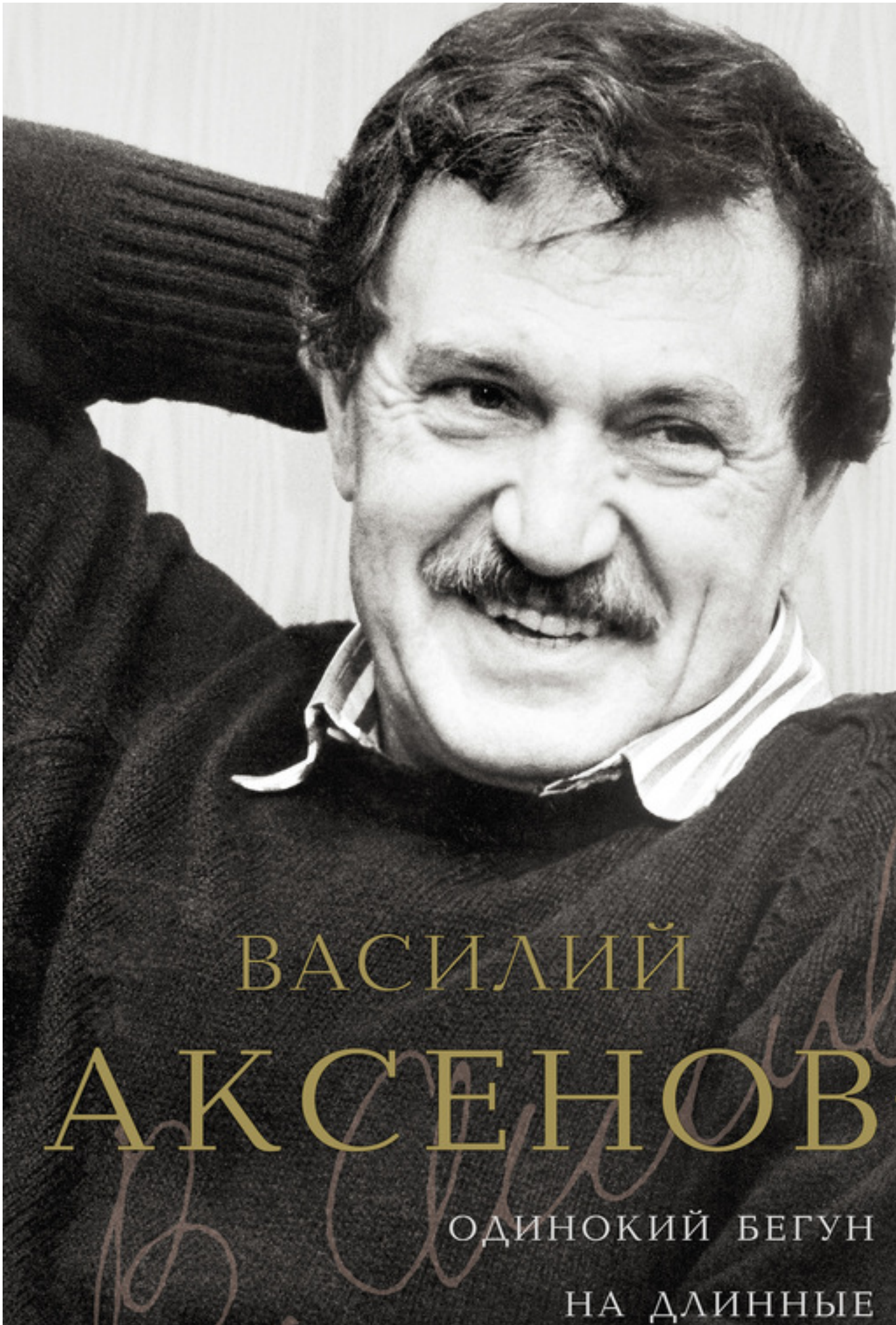
ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ
ОДИНОКИЙ БЕГУН
НА ДЛИННЫЕ

Виктор Михайлович Есипов

Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6991672
Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / сост., пре-дисл. В. Есипова.: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45170-6

Аннотация

Кумир шестидесятых годов прошлого века, самый яркий представитель так называемой городской прозы, один из самых популярных отечественных писателей, Василий Аксенов предстает в первом разделе этой книги в воспоминаниях-очерках своих многочисленных друзей, живущих не только в России, но и далеко за ее пределами. Причем это не только коллеги по ремеслу, писатели и поэты, но также люди других профессий: художники, музыканты, режиссеры кино и театра, журналисты, физики. Некоторых из них, к сожалению, как и Василия Аксенова, уже нет среди нас, но сохранились их строки о нем.

Во втором разделе книги представлена переписка Василия Аксенова с друзьями и близкими людьми.

Третий раздел составляют интервью с ним, взятые российскими и зарубежными журналистами с 1980 по 2008 год.

Книга открывает перед читателем панораму общественной и литературной жизни Советского Союза, эмиграции и современной России.

Литературно-художественное издание предназначено для широкого круга читателей.

Содержание

Четыре жизни Василия Аксенова 5
Современники о Василии Аксенове 11
Марк Розовский 11
Дух юности и тайна гвинейского попугая 11
Георгий Садовников 17
Мой одноклассник Вася 17
Анатолий Гладилин 36
Аксеновская сага[17] 36
Аксенов в Лувре[20] 40
Анатолий Найман 42
[К 70-летию][21] 43
[К 75-летию][22] 44
Владимир Виттих[23] 46
Воспоминания о Василии Аксенове 46
Белла Ахмадулина 49
Веселье дружбы[27] 49
Василию Аксенову 51
Экспромт в честь вечера Василия Аксенова 11 января 1999 года[28] 52
Евгений Сидоров 55
Аксенов в «Юности» 55
Аркадий Арканов[33] 60
Алексей Козлов 63
Владимир Войнович 69
Нас объединяли возраст и общность судьбы 69
Бенедикт Сарнов 72
И тут Вася сказал… 72
Евгения Гинзбург 79
(Из путевых записей 1976 г.)[47] 79
Андрей Вознесенский 85
Соловей асфальта[79] 85
Зоя Богуславская 87
Василий Аксенов[80] 87
Майя Аксенова 89
Записи 10 сентября, 20 сентября, 20 ноября 1980 года 89
Джон Глэд[97] 91
Людмила Оболенская-Флам[104] 95
О встрече с Аксеновым 95
Владимир Нузов[110] 98
Жаль, что его нет больше с нами[111] 98
Валерий Маевский[117] 102
Три жизни Василия Аксенова 102
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции Составление и предисловие В. Есипова

В книге использованы фотографии из семейного архива В.П. Аксенова, А.В. Аксенова, А.П. Аксеновой, из личного архива В.М. Есипова, Е.А. Попова и А.А. Кабакова, а также работы М.Н. Пазия, В.М. Есипова, В.Ф. Плотникова

Составление, предисловие **Виктора Есипова**

Примечания, кроме оговоренных особо, – *В.М. Есипова, О.А. Муравьевой, С.В. Младовой*

© Все права на произведения, помещенные в этой книге, принадлежат авторам и их наследникам, 2012

© Есипов В.М, составление, предисловие, 2012

© Издательство «Астрель», 2012

Четыре жизни Василия Аксенова

Биография писателя Василия Аксенова, широко известного не только в России, но и в мире, настолько богата событиями, будто он прожил несколько жизней. Родился в 1932 году в Казани в благополучной советской семье: отец – председатель горсовета, мать – преподаватель пединститута и завотделом культуры газеты «Красная Татария». Счастливые первые годы. Затем арест родителей, спецприемник для детей «врагов народа», многодетная семья тетки, в 1948-м поездка в Магадан к находящейся на поселении матери (по существу знакомство с ней). В Магадане Василий оканчивает среднюю школу и с аттестатом зрелости возвращается в Казань, где в 1950-м поступает в мединститут: профессия врача самая безопасная и житейски полезная для сына лагерников и, значит, потенциального лагерника.

В марте 1953-го умирает Сталин. Вдруг буквально ниоткуда появляются так называемые стиляги, первая субкультура в Советском Союзе. Стиляг привлекает все западное: они любят западное кино и джаз, восхищаются Америкой. Это стихийная, не вполне осознаваемая ее участниками форма протеста против советского тоталитаризма. Василий увлечен этим новшеством: у него прическа с коком, вычурная одежда, он не упускает случая послушать джаз. В том же 1953 году он переводится в Ленинградский медицинский институт им. И.П. Павлова, который оканчивает в 1956-м. Работает врачом в Ленинградском морском порту, в поселке Вознесение на Онежском озере, в Московском областном туберкулезном диспансере. В 1957 году женится на красавице Кире Менделевой.

Жизнь в стране начинает меняться. После прошедшего в апреле 1956 года XX съезда правящей коммунистической партии, на котором лидер коммунистов Никита Хрущев разоблачил преступления сталинского режима, идет массовая реабилитация незаконно репрессированных. Начинается политическая оттепель. В литературе одно за другим появляются новые имена. Возникают новые журналы и альманахи, открываются новые театры. Выходят кинофильмы, появление которых еще несколько лет назад было бы невозможно.

С изменениями этими совпали и изменения в жизни молодого врача Василия Аксенова. Так, в 1959 году известный советский писатель Валентин Катаев, главный редактор недавно созданного журнала «Юность», публикует в нем два рассказа безвестного медика. Рассказывали, что Катаев подписал их в номер, даже не дочитав до конца, восхитившись двумя метафорами начинающего прозаика. А вскоре, в 1961 году, там же выходят повести «Коллеги» и «Звездный билет». В советской литературе появляется новый герой[1] – с нравственными исканиями, презирающий советские штампы, тянущийся к западной культуре, в частности к джазу. У этого героя своя лексика с оттенками иронии и критическими нотками по отношению к окружающей его действительности. Зоя Богуславская отметила в свое время: то ли Аксенов внес в литературу городской молодежный сленг начала шестидесятых, то ли молодежь заговорила языком его героев. Наверное, и то, и другое: лексика героев аксеновских повестей и язык улицы – это были как бы два сообщающихся сосуда…

Аксенов обретает известность, он буквально врывается в литературу так называемых шестидесятников и становится одним из лидеров нового поколения. Нового во всем: в отношении к творчеству, в художественном стиле, в стиле жизни, в одежде и манере поведения.

Александр Кабаков в недавно изданной совместно с Евгением Поповым книге «Аксенов» описал это вхождение их героя в литературную среду весьма экспрессивно: «И вот Вася оказывается среди этих не худо одетых, но совершенно ему чуждых монстров, богатырей совписа. А с другой стороны – и ровесники Васины не отстают, шлюзы оттепелью открыты

[1] Справедливости ради следует заметить, что впервые такой герой появился года на два раньше у Анатолия Гладилина, но у Аксенова это получилось ярче.

<…> Вот, пожалуйста, – Евгений Александрович Евтушенко. В этом случае, конечно, не столько об элегантности следует говорить, сколько об экстравагантности, но экстравагантности первосортной … А Андрей Андреевич Вознесенский! Человек, показавший всему СССР, что такое шейный платок! А Белла Ахмадулина в скромненьком черном платьице, которое вечно в моде и называется «маленькое черное платье», в точно таком же платье, как Эдит Пиаф! <…> И тут: здрасьте, я Вася. А что происходит дальше? А дальше Вася становится номер один – ну, или около того, – среди них как автор, и Вася становится номер один среди них как стиляга! Суть вот в чем: Аксенов может жить только номером первым, он просто сориентирован с молодости на это, он возмещает Казань, нищету, всю эту как бы второсортность сына «врага народа» – и теперь он номер один».

Так началась вторая жизнь Василия Аксенова. Он много пишет и печатается, его рассказы, повести и романы с восторгом принимаются читателями, особенно молодежью: «На полпути к Луне» («Новый мир», 1962, № 7), «Апельсины из Марокко» («Юность», 1963, № 1), «Товарищ Красивый Фуражкин» («Юность», 1964), «Катапульта» («Советский писатель», 1964), «Пора, мой друг, пора» («Молодая гвардия», 1965), «На полпути к Луне» («Советская Россия», 1966), «Затоваренная бочкотара» («Юность», 1968, № 3), «Жаль, что вас не было с нами» («Советский писатель», 1969). Но этот успех сопровождается неослабевающими нападками ревнителей лживой коммунистической морали и драматическими эпизодами непосредственного общения с властью. Например, с Никитой Хрущевым во время встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле в марте 1963 года, где глава государства кричал и топал ногами на него и на Андрея Вознесенского.

Между тем время благотворных перемен в истории страны, время политической оттепели закончилось быстро: в октябре 1964 года был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС инициатор оттепели Никита Хрущев, 29 марта – 8 апреля 1966 года прошел XXIII съезд КПСС, вернувший в Устав партии сталинские названия (Политбюро и Генсек), в том же году в Москве прошел первый политический судебный процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, за ним последовали суды над правозащитниками и диссидентами, несогласных с режимом отправляли в лагеря и психбольницы. В августе 1968-го советские танки вошли в Прагу.

Для значительной части писателей, к которой принадлежал и Василий Аксенов, иллюзии о возможности существования «социализма с человеческим лицом» окончательно развеялись. Становится ясно, что любое свежее и правдивое слово будет появляться в печати с большими трудностями. Начинается эпоха застоя. Аксенова печатают все реже. В 1968 году выходит пародийно-фантастический роман «Джин Грин – неприкасаемый» (в соавторстве с Григорием Поженяном и Овидием Горчаковым), да еще в 1971-м в «Политиздате» (серия «Пламенные революционеры») повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству». А через несколько лет – с перерывами – детская научно-фантастическая дилогия «Мой дедушка – памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976).

Аксенов, словно забыв о существовании цензуры, начинает писать новый роман «Ожог», роман совершенно антисоветский, вырывающийся за пределы традиционного реализма. Стремление воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью происходящего весьма характерно для творчества зрелого Аксенова и является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из более поздней по времени книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предуведомление: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появ-

ляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике…

Но вернемся к истории «Ожога». Он был окончен в 1975 году, и Аксенов, понимая, что на родине роман не может быть опубликован, переслал его на Запад. Это было опасно: могли последовать репрессии властей. Но, с другой стороны, таким образом автор мог сохранить роман, что бы ни случилось теперь с ним самим. Кроме того, Аксенов не исключал при определенных условиях возможности публикации «Ожога» за границей; в таком случае, получив широкую известность на Западе, роман мог защитить его самого: западная общественность поднялась бы на защиту писателя.

Так называемым компетентным органам эта акция Аксенова становится известной. Не желая допустить публикации «Ожога» за рубежом, власти в отношениях с Аксеновым идут на определенные послабления. Ему все еще разрешаются заграничные командировки и даже чтение лекций в зарубежных университетах. Допускаются отдельные публикации в периодической печати: в 1976 году в «Литературной газете» («Вне сезона»), в 1978-м в «Новом мире» («В поисках жанра»). Окончательный разрыв происходит в 1979 году, когда выходит неподцензурный альманах «Метро́поль», негласным лидером которого был Аксенов. Альманах задумывался как вполне лояльное по отношению к власти издание, в него даже не приглашали из тактических соображений уже преследуемых в то время писателей-диссидентов, например, Владимира Войновича и Георгия Владимова. Тираж «Метрополя» всего 12 машинописных экземпляров (4 закладки бумаги на пишущей машинке), но сам факт выхода издания, не прошедшего советскую цензуру, а также передача одного из экземпляров «Метрополя» в Америку, вызывает бурную реакцию писательского начальства. Из Союза писателей исключают двух молодых участников альманаха Виктора Ерофеева и Евгения Попова, в ответ на это Аксенов демонстративно выходит из Союза. В июле 1980 года писатель вместе с семьей[2] вылетает в Париж. Перед отъездом за границу на него совершается покушение, когда он вместе с женой Майей возвращается из Казани, простившись с отцом.

Начинается третья жизнь Василия Аксенова – эмиграция. Недолго пробыв в Европе, Аксеновы 10 сентября 1980 года прилетают в Нью-Йорк. Там они находят приют и поддержку в Анн Арборе (штат Мичиган) у известных американских славистов Карла и Эллендеи Профферов, посвятивших себя служению русской литературе. В издательстве Профферов, знаменитом «Ардисе», выходят главные книги Аксенова советского периода – романы «Ожог» (1980) и «Остров Крым» (1981), которые не могли быть напечатаны на родине. Кроме того, тот же «Ардис» выпускает в свет роман «Золотая наша Железка», издательство «Эрмитаж» (Анн Арбор) – сборник пьес «Аристофаниана с лягушками» (1981), а «Серебряный век» (Нью-Йорк) – повести «Затоваренная бочкотара» и «Рандеву» (1980). Но эти издания не могли обеспечить материальной независимости автору: слишком малы были их тиражи. Отношения же с отечеством были окончательно разорваны: 21 января 1981 года решением Верховного Совета СССР писатель был лишен советского гражданства.

Эмигрантская жизнь продолжалась. Аксеновы поселились в Вашингтоне. Там Аксенов начинает преподавать русскую литературу и отдается этому с удовольствием. Впоследствии он признается, что многолетнее преподавание сделало его «интеллектуалом». Профессор Василий Аксенов преподает в Вашингтонском институте Кеннана (1981–1982), университете Дж. Вашингтона (1982–1983), Гаучерском колледже и университете Джона Хопкинса (1983–1988), а с 1988 года – в расположенном неподалеку от Вашингтона (г. Фейрфакс, штат

[2] Вторая жена Майя, ее дочь Алена и внук Иван.

Вирджиния) – университете Джорджа Мейсона. Здесь он проработает 16 лет, вплоть до своего возвращения в новую Россию в 2004 году.

Параллельно Аксенов продолжает много писать. В первое десятилетие эмиграции написаны и изданы сборник рассказов «Право на остров» (1983), романы «Бумажный пейзаж» (1982), «Скажи изюм» (1985), «В поисках грустного бэби» (1986), «Желток яйца» (1989)[3].

Рассказы, воспоминания и эссе Аксенова печатаются в эмигрантских изданиях «Новый американец», «Третья волна», «Russika», «Страна и мир», «Грани», «Континент».

Между тем на родине вновь происходят серьезные изменения. Михаил Горбачев объявляет политическую перестройку. В 1989 году, на девятом году эмиграции, Василий Аксенов впервые посещает Советский Союз. Но эта поездка оказалась возможной отнюдь не по воле руководства страны, а по приглашению посла США в Москве Джека Мэтлока, который дружил с русским писателем-эмигрантом. И жили Василий и Майя Аксеновы в тот приезд в резиденции посла Спасо-хаусе, а не в московской гостинице.

Однако политическая ситуация менялась довольно быстро, и в 1990 году Аксенову вернули советское гражданство. Отныне он мог свободно приезжать на родину. В Москве издали «Ожог» и «Остров Крым», что было невозможно себе представить еще год назад. В августовские дни 1991 года Аксенова не было в Москве, здесь была Майя, она по телефону обсуждала с Василием стремительное развитие революционных событий. В 1992-ом и он приезжает в столицу новой России. Исторические дни августа 1991 будут запечатлены Аксеновым позднее в романе «Новый сладостный стиль»[4] (1997). В нем будут интересные предвидения: незабвенный соавтор сталинского гимна СССР, С.В. Михалков, шлепая в «верблюжьих тапочках» по площади Восстания, сочиняя на ходу, бормочет про себя слова нового гимна, гимна демократической России («Борцов демократии, сильных, свободных / Сплотила навеки великая Русь…»).

В 1993 году московские власти предоставляют Майе квартиру в высотном доме на Котельнической набережной – взамен отобранной у нее после отъезда в эмиграцию квартиры ее умершего мужа Романа Кармена. Впоследствии этот дом станет центром повествования в романе «Москва-ква-ква». На родине издаются новые книги Аксенова: трилогия «Московская сага» (1993–1994), сборник рассказов «Негатив положительного героя» (1996), упомянутый уже роман «Новый сладостный стиль». В 1995 году журнал «Юность», постоянным автором которого был молодой Василий Аксенов, издает его пятитомное собрание сочинений. В многочисленных интервью Аксенову все чаще задают вопросы об окончательном возвращении на родину.

В 2001 году писатель приобретает небольшой дом в Биаррице на французском побережье Бискайского залива и вскоре переезжает туда с женой. В том же году в Москве выходит его новый роман «Кесарево свечение», который Аксенов считает своим высшим достижением. Теперь жизнь его проходит между Россией (куда он регулярно приезжает с середины 1990-х) и Францией. Это можно считать началом четвертой, самой короткой, жизни писателя. Он, правда, еще сохраняет за собой весенние семестры в университете Джорджа Мейсона. Лишь в 2004 году он закончит свою преподавательскую деятельность и окончательно покинет Америку.

В Биаррице Аксенов работает в тиши и покое, в Москве общается с друзьями и прессой. Внимание прессы и других СМИ он привлекает своей яркой биографией и необычайной творческой активностью.

---

[3] Написанный по-английски и затем самим автором переведенный на русский язык.

[4] Время написания 1994–1996 гг.

Анатолий Гладилин совершенно справедливо заметил по этому поводу: Аксенов совершил то, что суждено немногим. Он вернулся и «вновь стал популярным писателем у себя на родине»[5].

Его книги выходят в Москве одна за другой:

2004 – «Десятилетие клеветы. Радиожурнал писателя» – это аксеновские радиоочерки, которые регулярно с 1980 по 1991 год звучали в эфире радио «Свобода»;

2004 – «Американская кириллица»;

2004 – роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки»;

2005 – «Зеница ока», книга, включившая в себя публицистические выступления писателя по самым животрепещущим вопросам жизни России – в еженедельнике «Московские новости» и журнале «Огонек» с января 1996 по октябрь 2004;

2006 – роман «Москва-ква-ква»;

2007 – роман «Редкие земли»;

2007 – «Ква-каем, ква-каем… Предисловия, послесловия, интервью».

Кроме того, в 2004 году по центральному телевидению демонстрируется телевизионный сериал по трилогии «Московская сага».

За роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» Аксенов получает «Русского Букера» – первую крупную литературную премию за все годы его служения литературе. Роман переведен на французский язык и издается в Париже. В 2005 году Василий Аксенов награждается Орденом литературы и искусства, одной из высших наград Франции. Это его единственная государственная награда. В России же в день своего 75-летия он удостаивается лишь поздравительных телеграмм от президента и премьер-министра.

Тот факт, что во Франции заслуги Аксенова оцениваются выше, чем на родине, объясняется независимостью его гражданской позиции: в России такая независимость всегда только раздражает власть. Зато родная Казань встречает его с любовью и почетом во время первого «Аксенов-феста», который был устроен в его честь в октябре 2007 года и с тех пор проводится каждую осень. Возможно, идея фестиваля и его подготовка пробудили яркие воспоминания о его казанском детстве и стали стимулом для написания нового романа. Во всяком случае, ко времени приезда в Казань, роман был уже начат. К сожалению, Аксенов не успеет его закончить: 15 января 2008 года за рулем автомобиля его настигнет инсульт, после которого ему не суждено будет оправиться. Смерть наступит 6 июля 2009 года.

После смерти писателя, в 2010 году, вышли еще три его новые книги: «Логово льва. Забытые рассказы», «Таинственная страсть» и «Ленд-лизовские». На двух последних следует остановиться особо.

«Таинственная страсть» – роман об аксеновском поколении, о писателях и поэтах, вошедших в литературу в конце 50-х, начале 60-х годов прошлого века. Название взято из стихотворения Беллы Ахмадулиной 1959 года, где есть такая строфа:

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи…

«Не в этом ли, – задавался вопросом в статье, посвященной «Таинственной страсти», автор настоящего предисловия, – идея романа: поколение предало само себя, не сумев сохранить человеческое и творческое единение в противостоянии бесчеловечной власти. Страх перед железобетонной властью и личные амбиции разъединили их».

[5] К этим немногим, безусловно, относятся А.И. Солженицын, В.Н. Войнович, в какой-то степени и сам А.Т. Гладилин.

Роман горький и честный – о дружбе, о служении призванию, о предательстве. Он написан с той же искренностью и вдохновением, что были свойственны молодой прозе Аксенова. Роман, как выяснилось после смерти автора, писался с середины 2006 по середину 2007 года.

А всю вторую половину 2007 года Аксенов был занят уже новым романом – о своем казанском детстве, о голоде, об американской помощи воюющей России – романом, который получил издательское название «Ленд-лизовские». Роман не завершен: окончена первая часть и начата вторая, а состоять он должен был из трех частей. Он написан в совсем иной манере, чем «Таинственная страсть». Здесь – то стремление к полному авторскому освобождению, которое прослеживается во всех его последних романах, но достигает воплощения только сейчас. Если когда-то в «Ожоге» Аксенов полностью освободился от соображений о проходимости или непроходимости написанного в условиях советской цензуры, то в «Ленд-лизовских» он перестал думать о читателе: например, о том, поймет или не поймет читатель написанное им. Перестав ориентироваться на читателя, даже самого просвещенного, он обрел полную свободу самовыражения. Как будет оценена в будущем эта экспериментальная проза, покажет время…

Настоящая книга посвящена памяти Василия Аксенова: 20 августа 2012 года ему исполнилось бы 80 лет. Книга состоит из трех частей. В первой части собраны поздравления друзей Аксенова с его прижизненными юбилеями, публиковавшиеся в тех или иных изданиях, а также воспоминания о нем российских и американских авторов, написанные специально для этой книги, отклики на его преждевременный уход из жизни, заметки и записи близких ему людей, найденные в его архиве.

Во второй части публикуется переписка Аксенова с близкими людьми, где особое место занимают переписка Василия и Майи Аксеновых с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером, два письма Василия Аксенова Иосифу Бродскому и письма отца Павла Васильевича Аксенова к сыну.

В третьей части читатель найдет наиболее интересные и содержательные, на взгляд составителя и редактора, интервью с Василием Аксеновым, в том числе последнее интервью, взятое у него 12 января 2008 года, за три дня до случившегося с ним несчастья.

К сожалению, представленные здесь материалы, не могут охватить всех этапов многосторонней и яркой жизни замечательного писателя и человека Василия Павловича Аксенова. Тем не менее составитель и издательство выражают самую горячую признательность всем авторам этой книги за согласие участвовать в ее создании.

Виктор Есипов

Современники о Василии Аксенове

Марк Розовский

Дух юности и тайна гвинейского попугая

Память придуривается – пытается сохранить образ Васи в каких-то благоглупостях, деталях и кадрах быстротекущей жизни.

Вот мы играем в пинг-понг в подвальном помещении Центрального дома литераторов, и Вася злится, не любит проигрывать. Я ему: «Пинг-понг – спорт смелых!» А он мне: «Вот потому ты и тыркаешь! Научись бить!» Это после восьмой проигранной им подряд партии!

Вот на Семинаре творческой молодежи в пионерском лагере в Пахре мы сражаемся в футбол и баскетбол с комсомольскими работниками (капитан Камшалов, секретарь ЦК ВЛКСМ), теперь уже злятся они, тоже проигрывать не любят. Но, представьте, проигрывают.

Вот уже играем мы меж собой (слезли с теплохода, где «Юность»[6] отмечала свой очередной юбилей на какой-то лесной поляне) в тот же доморощенный дворовый футбол – Фазиль Искандер в воротах, Вася, Стасик Красаускас, Женя Сидоров и я – бегаем как сумасшедшие, кирные, в трусах и плавках…

Вот те же и другие юбилеи «Юности», где блещут капустными пародиями на Евтушенко и «Звездный билет» Гриша Горин и Аркаша Арканов. Вася выпивает (он тогда еще хорошо выпивал).

А вот я пишу пародию на «Письмо ялтинских шоферов», опубликованное в «Известиях» с целью оклеветать Василия Павловича, – это наш ответ «Юности» на официозные нападки. За это получаю разнос в «Комсомольской правде» и донос в докладе первого секретаря Павлова на Пленуме ЦК ВЛКСМ.

А вот мой рассказ «Вася, живи», посвященный Аксенову в 80-м году – в момент «Метрополя» – и опубликованный в «Антологии сатиры и юмора»[7] совсем недавно, но Вася успел его прочесть до проклятого инсульта, прямо на своем вечере-презентации романа «Редкие земли» на Винзаводе. И благодарно пожал мне руку, сказав:

– Жить постараюсь, но не обещаю.

Как в воду глядел. Вероятно, он хотел сказать «долго не обещаю», но слово «долго» пропустил, и получилось по-аксеновски, и горько, и весело.

А вот самое стародавнее воспоминание. Мы встретились в Болгарии, на Золотых Песках, и был чудный вечер вдвоем на берегу Черного моря – ели какую-то на наших глазах зажаренную рыбку, и Вася был невероятно красив: я впервые видел на нем шорты, большая новость в те времена, сам приехал на курорт в каких-то допотопных шароварах, и Вася, глядя на меня, смеялся:

– Каждый Рабинович хочет выглядеть Тарасом Бульбой!

И наконец отъезд в США. Финал истории «Метрополя». Всем грустно, многие бабоньки плачут, а Вася ходит меж именитых гостей и друзей и угощает всех нескончаемым

---

[6] «Юность» – литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодежи. Выходит в Москве с 1955 г. Журнал был основан по инициативе Валентина Катаева, который стал первым главным редактором и был снят с этой должности за публикацию повести Василия Аксенова «Звездный билет».

[7] Марк Розовский. «Антология сатиры и юмора России XX века». Том 51, издательство «Эксмо», 2007 г.

шампанским. На дворе – год 1980-й. Эпоха Андропова, диалектично переходящая в эпоху Черненко. Или – наоборот.

Вот незадолго до трагедии в автомобиле Вася пришел в театр «У Никитских ворот» на премьеру «Крокодильни» по Ф.М. Достоевскому, и – тут случился казус: после интерактивного обращения лично к нему одного из персонажей Аксенов-зритель, вместо того чтобы прочесть вслух по бумажке фразу «Снести Казанский собор», прочел «Спасти Казанский собор». Оговорка, как говорится, по Фрейду! Многозначащая и заставляющая сделать вывод о том, что настоящего русского писателя-гуманиста голыми руками не возьмешь.

А вот еще одна наша встреча, нашедшая не однажды упомянутая в переписке Аксенова с Бродским. Она состоялась в родном их городе Ленинграде скоро после возвращения Иосифа из пресловутой ссылки. Я тогда работал в БДТ над «Историей лошади», и ко мне в гости приехала из Москвы на пару дней прекрасная девушка по имени Юля Варшавская, и приехала не одна, а… с гвинейским попугаем на плече. Я встретил ее на Московском вокзале, и не было человека, который бы не оборачивался на нас. И тут же, в гостинице, мы нос к носу столкнулись с Васей Аксеновым.

Он сказал:

– Шикарно!.. Вечером давайте отужинаем вместе!

Сказано – сделано. Договорились встретиться в «Европейской», там был наверху ресторан под названием «Крыша», где хорошо кормили и классно играл какой-то клевый джазик.

– С нами Рыжий посидит, не возражаешь? – спросил Вася еще на входе.

– Какой Рыжий?

– Бродский Ося.

Ого!.. Я не был знаком с известным опальным поэтом, а тут такой представился случай!

И вот мы сидим за столом втроем – действительно рыжий Бродский, Аксенов, я – и с нами моя прекрасная девушка Юля с попугаем на плече. Конечно, этот попугай был главным действующим лицом в тот вечер!..

Шутили, скабрезничали:

– У вас что, любовь втроем?

– Нет, – отвечал я. – Он не мужик. Он импотент.

Юля краснела. Объясняла:

– Я не могла его в Москве одного оставить.

Сейчас эту ситуацию назвали бы «приколом».

– А вы не боитесь, что он улетит? – спросил Бродский.

– Боюсь. Он форточку клювом все время открывает.

– А почему бы его не посадить в клетку?

Вопрос из уст Бродского, недавнего «зэка», показался мне смешным.

– Что вы, он совершенно ручной и послушный… В клетке он только спит, а по квартире гуляет и летает как хочет. Свободная птица.

– Дайте поносить! – улыбнулся Бродский. И попугай тотчас перекочевал с плеча Юли на плечо Иосифа, будущего лауреата Нобелевской премии.

Однако в тот момент он был для нас просто «Рыжий».

Вася посмеивался:

– Смотри, как бы он тебя не обделал!.. А впрочем… это будет хорошая реклама Бродскому в Ленинграде!

– Мне реклама не нужна! – заявил Иосиф совершенно серьезно, и мы с Василием переглянулись.

Вот так трепались о чем угодно, только не о литературе, жрали шашлыки и слушали ресторанных лабухов. На великих людей здесь никто не смотрел, и даже гвинейский попугай не обращал на себя внимание.

А потом была волшебная белая ночь на теплоходике, прокатившем нас по Неве. Бродский оказался открытым, общительным парнем, говорившим без умолку, захлебами, подробно – о каждом доме на набережной, меня поразили эти его знания.

– Город-музей, – сказал Вася. – Здесь каждый поэт может работать экскурсоводом.

Интересно, что дружбаны-шестидесятники, на интерес и нежность которых в тот момент было любо-дорого смотреть, впоследствии, в обстоятельствах эмиграции, вдрызг рассорились, сделались литературными врагами, злыми и нетерпимыми. Их велеречивая, с подтекстами и взаимной пикировкой, американская переписка – тому грустное свидетельство. Разрушение произошло, и это факт нашей общей и довольно-таки глупой истории.

В неразберихе словесных эскапад, в нюансах изящных уколов сегодня нам видятся и слышатся два гениальных языкотворца, чье служение Литературе оказалось под влиянием всяких окололитературных интриг и слухов.

Жаль, конечно. Но тут уж ничего не поделаешь. «Милый Василий» и «любезнейшим Иосифом» разошлись как в море корабли. Не помог им даже гвинейский попугай.

По смерти Василия, как известно, вышел в свет последний его роман «Таинственная страсть»[8], посвященный «шестидесятничеству» и «шестидесятникам». В аннотации было объяснено издателями, что «таинственная страсть» – есть нечто, зовущее к творчеству, этакое вдохновение, делающее человека свободным. Между тем в стихе Беллы Ахмадулиной, четверостишие которого приводится в романе, строка звучит иначе: «Предательства таинственная страсть…» Совсем другой смысл!..

Василий Аксенов в своем последнем романе вовсе не сводит счеты с друзьями (в чем нас хотели убедить некоторые!), а с присущими ему юмором и образной символикой припечатывает «предательство» и «предателей» эпохи шестидесятничества, видя в этом глубинные причины распада дружества, крушения исторического духовного конгломерата. Вот о чем этот роман! Вот что волновало писателя!

Метафоры Аксенова еще предстоит раскрыть. И сверить их поэтические круги с документалистикой времени. Вот только кто этим займется?.. Кому это будет интересно сейчас?

…Нет ничего горше, чем говорить о Василии Павловиче Аксенове в прошедшем времени, нет ничего печальнее, чем, узнав о его кончине, со вздохом говорить: «Отмучился». Аксенов – был? Нет, он был и остается с нами. Мы – коллеги, по его раннему определению. Но он выше нас. Он «стальная птица» нашей юности – культуры шестидесятничества.

Может быть, у нас не было подобной потери с момента ухода Володи Высоцкого и Булата, с которыми Вася был одной животворящей плоти. Он сделал не меньше для рассвобождения общественного сознания нашей страны, чем Солженицын и Сахаров. Он был властитель дум. Не властителин каких-то надуманных псевдятин – колец, а властитель именно дум поколения реальных, конкретных людей, которым суждено было готовить и поддержать грядущую перестройку – снабдив новую эпоху Горбачева своим чистым и светлым, я бы сказал, внематериальным, то есть романтичным и одновременно ироничным отношением.

Вася, следует помнить, великий сын своей великой мамы – Евгении Гинзбург – этот женский ряд от Анны Андреевны и Надежды Яковлевны тянется к Ларисе Богораз и Наталье Горбаневской, имеет продолжение и сегодня – и никакое НКВД и КГБ их, этих великих женщин, не в силах победить.

---

[8] Последний роман В.П. Аксенова «Ленд-лизовские. Lend-leasing» вышел в 2010 г. «Таинственная страсть». Роман о шестидесятниках вышел в 2009 г.

Когда нас, «метропольцев», в самую тяжкую минуту поддержал Андрей Дмитриевич Сахаров, рядом с которым, помнится, стоял, прислонившись буквально к дверному косяку, еще один святой диссидент – из рабочих – Анатолий Марченко, Василий Аксенов сказал на этой встрече:

– Чем больше они боятся нас, тем больше они сажают вас!

На что Андрей Дмитриевич мрачно пошутил:

– Ничего. Скоро вы нас догоните.

Это я к тому, что Аксенов не занимался политикой. Он занимался литературой. Но в какой-то момент честная литература становится наичистейшей и наичестнейшей политикой. Почитайте тексты его выступлений у микрофона радио «Свобода» в самый разгар нашего застоя, и вы убедитесь, что эта публицистика – высший класс писательства, эти блестящие эссе российского мастера слова посылались нам из эмигрантского далека не зря и делали свое дело.

Автор целой серии романов, которые сложите в ряд – и будет эпос быстротекущей нашей жизни, ввергнутой в совок и из него вынырнувшей. Для меня Вася – гений прозы. Хотя при этом он, когда надо, становился и поэтом, и драматургом. Жаль, что в театре после фантастического успеха «Всегда в продаже» в ефремовском «Современнике» у него не сложилась судьба по большому счету.

Но театр он любил и постоянно писал для театра в надежде, что его там поймут и воспроизведут по-аксеновски мудро и озорно. Перед отъездом в Америку он вручил мне самиздатовски переплетенный огромный том под названием «Пьесы» с такой надписью: «Дорогому Марку Розовскому для разыгрывания в уме и в сердце. 19.VII.80. В. Аксенов». Я храню этот авторский экземпляр – свидетельство обреченности сей драматургии на жизнь вне сцены. Но к театру Аксенова тянуло, и я в долгу перед ним.

Помнится, он пришел на гастрольную премьеру «Истории лошади» и привел с собой в Театр им. Моссовета самого Олби, твердившего после спектакля:

– Конгратюлейшнс! Конгратюлейшнс!

А Вася с ухмылкой добавлял:

– Конгратюлейшнс-то конгратюлейшнс, а у вас такого на Бродвее нет!

А когда «История лошади» в виде «Страйдера» все же появилась на Бродвее – это уже было, когда Вася жил там, – он мне прислал в Москву открытку с оповещением об этой американской постановке. Она кончалась многозначительно:

– Конгратюлейшнс и «Как жаль, что вас не было с нами!»

И вдруг, через несколько лет, когда меня, наконец, выпустили из Союза и я перестал носить тайную кличку «невыездной», мы встретились в Монтеррее – Вася специально приехал туда на наш концерт – и это незабываемо: город американской разведки, эпицентр, можно сказать, шпионского обучения – и мы, «метропольцы», не имеющие с ними ничего общего и тем не менее с еще не снятым клеймом «антисоветчиков», «пособников американского империализма».

Много смеялись по этому поводу в тот вечер. Было ясно, что большевистская система дребезжит не без наших усилий.

«Двадцать лет им понадобилось на то, чтобы понять, что кока-кола – это обыкновенный лимонад!» – эта аксеновская фраза, подаренная им Вите Славкину в пьесу «Взрослая дочь молодого человека» (кстати, как и само название, – ибо первоначальное название «Дочь стиляги» было «не прохонже» через тогдашнюю цензуру), сделалась крылатой.

Тут надо сказать, что Вася – весь – из джаза. Да и все его творчество – «Весь этот джаз». Все его романы, повести, рассказы – это своеобразный литературный джаз, где тема и импровизации на тему – основа аксеновской звукоречи. Писателя Аксенова, как милого по походке, мы узнаем по его языку, где сленг и фэнтези реальной жизни сливаются в картину

ритмизованной полуабсурдистской натуральности, чья поэтика какофонична и абсолютно свободна и притом выплывает к гармонии, к неслыханной простоте правды характеров и сюжетов. Аксеновские герои – знаки пережитых нами исторических фантасмагорий, каждый вырос из подробностей узнаваемого быта и сделался фантомом эпохи.

Давайте вспомним хотя бы «Остров Крым» и «Москва-ква-ква», как все-таки по-снайперски точно Аксенов и мыслит, и живописует Время, – прекрасно разбираясь и в его прошлом, и в настоящем, и будущем. Аксенов – это школа.

Без Аксенова у нас не было бы ни Сорокина, ни Ерофеева, ни Пелевина, ни Акунина, ни Кабакова, ни Прилепина… Может, кто-то из них будет это отрицать, – что ж, Бог с ними, но я убежден, что расчистил для них площадку и дал идти своими дорогами именно Василий Павлович. Сначала он был свободен, они – после него.

Конечно, сам Аксенов, будучи мэтром, никому не лез в учителя и менторы. В последнее время, когда он обрушил на всех нас цикл новых романов, эта бальзаковская плодотворность стала кое-кого раздражать. Его пытались принизить, не замечая ни его активности, ни класса его последних работ. Но читатель разобрался, что к чему, быстро и чутко: Аксенов и сегодня среди лидеров у читающей публики. При слове «Аксенов» мы улыбаемся и ждем непредсказуемой речи и игры фантазии. С ним никогда не скучно. Он из тех титанов, которые умеют шкодничать и куролесить, и притом быть серьезными и глубокими.

Техника его письма удивительно легка и по-моцартовски вся в игре, в словесном многоцветье ярчайших, неожиданно выплеснутых сочетаний лексики, которую автор подчиняет своим целям весело и философично.

Чтение Аксенова приносит удовольствие, ибо озарено одновременно и вкусом, и хулиганством.

«Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро», —

советовал, как мы знаем, Пушкин.

В наше время можно было бы сказать: «Иль перечти хотя бы «Затоваренную бочкотару»! Да и «Апельсины из Марокко» тоже, я думаю, доставят высшее наслаждение ценителям.

Тут что еще интересно?

Аксенов – прекрасный стилизатор. И вот он, на дух не переносивший «почвенников» (по справедливости, и они платили ему тем же!), помнится, пишет, публикуя в «Новом мире», серию отменных рассказов из жизни «работяг» – да так, что и тезка Макарыч позавидовал бы.

Захочет Аксенов посоревноваться с самим Набоковым – и выйдет все в лучшем виде, неподражаемо, по-аксеновски. Да и с Кафкой может иной раз перемигнуться, и с Булгаковым… А вот этот пассаж – ни дать ни взять Хемингуэй… А вот этот период своей музыкой восходит к Андрею Платоновичу Платонову, а здесь происходит перекличка с Хармсом, с Хлебниковым, с Андреем Белым… Я что хочу сказать?

Аксенов, не будучи ни в коем разе подражателем, оставаясь всегда самим собой, а именно Василием Павловичем Аксеновым, – своими языковыми связями генерирует общекультурный пласт новой российской прозы и поэтики, живущей и плодоносящей на фундаменте нашей классики, в пространстве взаимоперетекающих и взаимопреображающих ценностей.

Только так и становятся классиками – как в баскетболе, которым Вася баловался всерьез, перебрасывая мячик от одного к другому, прежде чем забросить его в корзину, – как в джазе, которым Вася увлекался так же серьезно, где инструменты переговариваются меж

собой, иногда нарочно вступая в перепалку, чтобы затем излиться в мелодии коды в оркестровом «тутти», – как в литературе, где парит высоко-высоко дух незабвенной юности – журнала и лучшего времени в жизни, – вопреки всему, несмотря ни на что.

Георгий Садовников

Мой одноклассник Вася

В ту пору я жил в Краснодаре, откуда с начала шестидесятых частенько наезжал в Москву. В шестьдесят втором меня приняли в Союз писателей, выдали членский билет, открывающий двери в Центральный дом литераторов, и я в очередной приезд тут же воспользовался этим правом. И там, сидя за столиком в Дубовом зале, разглядывал жующих и пьющих писателей, гадал: кто же из них Василий Аксенов, – автор «Коллег» и «Звездного билета»? Интерес мой к этому писателю был не совсем литературный, он имел несколько мистический оттенок. Да, мне нравились его роман и повесть, особенно повесть, и можно было бы сказать – не более того, если бы не одно важное «но»: читая его сочинения, я чувствовал нечто общее, связывающее меня и автора. В войну я остался сиротой, в прямом смысле «казанским», был беззащитен, зависим от взрослых, и во мне возродилось чувство, присущее животным и ставшее у людей рудиментарным, оно подсказывало мне при встрече с людьми: держись от такого-то человека подальше, а этот для тебя свой.

Именно такое чувство, кто-то может назвать его интуицией, подталкивало меня: ищи этого человека, он тебе нужен. И я сейчас пристально всматривался в клиентов ресторана, стараясь вычислить Василия Аксенова. И, как мне показалось, все-таки вычислил! Пообедав, я пошел к гардеробу и там-то в последний момент его увидел. Лет он был моих, что и проистекало из нашей общности, такого я и искал, отсекая тех, кто постарше. У него, как, по-моему, и полагалось Аксенову, был респектабельный вид: ухоженная короткая прическа, элегантное длинное пальто, которое он в этот момент надевал возле гардероба. Крепко сжатые тонкие губы и волевой подбородок соответствовали моему представлению об Аксенове. Его портрет эффектно дополняла лежавшая на стойке стопка книг, не то взятых в клубной библиотеке, не то купленных здесь же в киоске. Ну, как можно представить Аксенова без книг?! Лично я не мог. Господь миловал, у меня не хватило духа подойти и завязать разговор, высказав комплименты «Звездному билету». Вскоре выяснилось: мой вариант Василия оказался критиком Анатолием Ланщиковым, активным борцом с аксеновской прозой!

И все же мое знакомство с подлинным Аксеновым состоялось, произошло сие принципиальное для меня событие осенью того же 62-го года. Еще летом я отдал новую повесть «Суета сует» в популярнейший тогда журнал «Юность», рукопись быстро прочли и приняли к публикации. В конце октября мне, в Краснодар, позвонила Мэри Лазаревна Озерова, «крестная литературная мать» Гладилина и Аксенова, и предложила приехать в Москву, дабы произвести кое-какую правку. Я быстро собрался и на следующий день предстал перед Озеровой. Она была не одна, – перед ней, спиной ко мне, сидел молодой человек в черном просторном свитере крупной вязки. На его светловолосой голове проглядывала ранняя небольшая плешь, – по тогдашним народным приметам признак таланта, что и соответствовало имиджу журнала. «Познакомьтесь: Анатолий Гладилин!» – сказала Озерова и представила меня. «Как же, как же, «Хроника Виктора Подгурского», – тут же вспомнилось мне. Знаменитость, повернувшись всего лишь вполоборота, показав голубой глаз, небрежно протянула левую ладонь. Мэри Лазаревна попросила меня погулять минут пятнадцать, я погулял, осуждая Гладилина за раннюю «звездную болезнь». Впрочем, его правая рука сжимала авторучку, на столе была распахнута верстка, но это не убавило моей обиды. Когда я вернулся, его уже не было. Получив свою рукопись и выслушав замечания редактора, я решил пообедать в ЦДЛ, пересек двор и устроился в Дубовом зале, выбрав свободный столик. Вскоре, тоже со стороны Воровского, в ресторан вошли Гладилин и плотный парень в свет-

лой распахнутой куртке, открывающей темно-синюю футболку, на его плече висела большая сумка с надписью «Аэрофлот». Они свернули направо и сели за стол возле лестницы, ведущей на антресоли. А я уже выучил меню назубок, но официантки обходили меня стороной, я был для них чужаком, кого и не грех потомить, все остальные были своими, звали официанток по именам. Я произносил внутренние гневные монологи и не заметил, как ко мне подошел Гладилин, только услышал, как он произнес на языке своих героев:

– Что сидишь, как сирота? – и, не подозревая, что попал прямо в яблочко, предложил: – Присоединяйся к нам! Баб не обещаем, но рюмку водки и хвост селедки тебе гарантируем!

Разумеется, ни в этом, ни в других, последующих эпизодах не велась стенограмма, и здесь, и далее я привожу реплики тех, о ком решился рассказать, в собственном изложении, стараясь как можно точней передать содержавшийся в них смысл и по мере возможности сохранить свойственную им манеру речи.

Итак, Гладилин пригласил за свой стол, а я не стал кочевряжиться и последовал за Анатолием.

– Фамилия этого человека Аксенов. Может, я заблуждаюсь, но, по-моему, он неплохой парень, – представил Гладилин своего товарища.

Парень, названный Аксеновым, поднялся, протянул ладонь и, дружелюбно глядя мне в лицо, коротко назвался:

– Вася!

Так мы впервые встретились втроем, с этого дня началась наша почти братская дружба. На другой день, вечером после затянувшегося обеда Толя затащил нас на танцплощадку в горьковском парке культуры и отдыха. Там с первыми тактами музыки мы с Васей оробели, приткнулись спинами к ограде, смотрели, как бойко фокстротирует и твистует наш товарищ. Теперь я почти каждый день встречался со своими новыми друзьями, путешествовал с ними по Москве, чаще всего по ресторанам творческих клубов. Помню: в Доме журналистов, домжуре, все столики были заняты, постояв посреди зала, мы собрались уходить, но Васю вдруг окликнули. Это был Марк Бернес, он позвал нас за свой стол, посреди которого красовался огромный поднос с горой красных раков. И такое случалось часто, и в Доме композиторов, и ресторане ВТО, – вроде бы после публикации «Звездного билета» минуло не так уж много времени, но мне казалось: Васю знает вся творческая Москва.

У него, ясное дело, была своя жизнь за рамками нашего общения. Я вопросов не задавал, считая: если ему понадобится, он расскажет сам. Но уже кое-что знал из рассказов Гладилина. Родители Васи при сталинском режиме были репрессированы, ныне реабилитированы, сам он окончил Ленинградский мединститут, будто бы имел какое-то отношение к питерским стилягам, поэтому его прошлое в моем сознании связывалось с Ленинградом. Этот город отразился и в «Коллегах». А сейчас у него была семья: жена Кира и сын Алеша, он же «Кит – маленький лакировщик действительности», и с ними я уже общался, и не раз, бывая в квартире Аксеновых. Они тогда жили в доме на Аэропортовской, на первом этаже. Как-то Вася положил на окно мокрые любимые плавки, их кто-то спер. «В первые минуты было грустно, словно я потерял брата», – посмеиваясь над собой, сказал нам с Толей их бывший владелец.

Но однажды он открылся мне другой, не питерской стороной, оказавшейся лично для меня ошеломляюще важной. Как-то утром в вестибюле своей гостиницы, да, именно в «Варшавской», я купил свежий номер «Недели», толстенького приложения к «Известиям», зашел в кафе и, сочетая завтрак с чтением, наткнулся в еженедельнике на новый рассказ Василия Аксенова «Завтраки сорок третьего года». А дочитав его до конца, вернулся к началу и прошелся заново по тексту. Я копался в рассказе, я его изучал, проверяя себя: верно ли понял автора. Тот ли Казак, главарь нашей шпаны? Та ли училка, нагло присвоившая наши скромные и все же вожделенные завтраки «сорок третьего года»? И был у нас свой Аксе-

нов. Его родители были арестованы как «враги народа», да не рядовые, а высокопоставленные. Видимо, поэтому его фамилия и осела в моей памяти. Словом, автор вернул меня в мое военное казанское детство, в мой класс, из которого я в конце этого сорок третьего ушел в Суворовское училище. А если я ошибаюсь? Наверное, в каждом классе имелся свой Казак, и мало ли было учителей, отнимавших завтраки у ребят? Город на Волге? Но сколько их, «приволжских», как мимоходом бросил автор, городов стоят на великой реке, от верховья до устья? И в каждой школе, наверно, было по Аксенову.

Во второй половине дня мы встретились в Пестром зале ЦДЛ, я выложил на стол «Неделю», раскрытую на странице с рассказом, и задал первый вопрос:

– Вася, «приволжский» город, случаем, не Казань?

– Казань, – признался автор.

– А школа, часом, не девятнадцать?

– Да, но откуда тебе это известно? – удивился Аксенов.

– Из твоего рассказа! Вася! Мы с тобой одноклассники. Учились вместе с первого по четвертый класс! – сказал я, возможно не удержавшись от театрального эффекта. – А потом я уехал в Астрахань, в Суворовское училище.

– Ты все это придумал, – усомнился Аксенов и обратился к Гладилину: – Признайся: ты снабдил его информацией? – Он счел Толю моим сообщником.

– Вася, о твоей школе я ни ухом, ни тем более рылом, – отрекся Гладилин: в детстве он тоже был причастен к Казани, однако недолгое время.

Признаться, у меня уже начала складываться репутация шутника, склонного к розыгрышам, этим я и объяснил Васино неверие и потому сразу бросил перед ним главный козырь:

– Если не веришь, я кое-что напомню. Урок: пословицы, поговорки и загадки. Ты посрамил нашу учительницу на глазах у всего класса. Ну, что? Теперь поверил?

– Я бы очень хотел, но не помню, чтобы мне такое удалось, – усмехнулся Вася.

То, что казалось забавным мне, возможно никогда не представляло для него особого интереса, а посему не задержалось в закромах его памяти. И я поведал ему его же собственную историю.

Да, темой того урока были пословицы, поговорки и загадки. Урок вела именно та учительница, что припечатана в его рассказе. Заканчивая урок, она сказала: «А сейчас задавать загадки будете вы сами, а мы, остальные, отгадывать!» И началось! Посыпались немудреные загадки, и каждая тут же легко разгадывалась. «Аксенов! А ты почему молчишь? – сурово спросила учительница. В классе было полным-полно ребят, к нам, казанским, добавились дети из эвакуированных семей, на последних партах безобразничало хулиганье во главе с Казаком, а она бдительно следила за яблоком, несомненно упавшим неподалеку от вражеской яблони, и чуть что к нему придиралась, как это сделала сейчас. – Аксенов, мы ждем твою загадку!» Помню, отпрыск «врагов народа» нехотя поднялся и, краснея, выложил свою загадку. Вот она: «Между двух высоких гор сидит дядюшка Егор, его не видно, а голос слышно. Кто он?» Личность дядюшки оказалась непосильной для нашего интеллекта, особенно старалась учительница, для нее-то, педагога, верный ответ был делом престижа, на нее с любопытством смотрел весь класс, но все ее старания разбивались об упорство зловредного ученика, Аксенов угрюмо бубнил свое: «Не, не то». Когда за дверью раскатился звонок, учительница недовольно сказала: «Аксенов, мы сдаемся. Кто он, твой Егор?» Вася и вовсе залился алой краской и выдавил из себя: «Задница». Наверно, эту эскападу Аксенова можно трактовать как дебют будущего автора «Звездного билета».

Но Вася и тут мне не поверил, пробурчал:

– Ты все это сочинил, в своем стиле.

Ну, коль на него не подействовало художественно оформленное доказательство, я обратился к самому простому: высыпал на Васю ворох фамилий: Газман, Плоткин, Белов,

Колюжный… Интуитивно припомнил Зою Харитонову, она с нами не училась, просто жила в моем доме, но как мне потом говорили, впоследствии пробудила в нем первые сердечные чувства.

И все же еще некоторое время Аксенов сопротивлялся, его никак не устраивала участь простака, попавшегося на изощренный и вместе с тем нахальный розыгрыш. Но вскоре в Москву приехали Газман и, если я не путаю, Белов. У Васи появилась возможность разоблачить самозванца, сведя его носом к носу с настоящими одноклассниками. Очная ставка состоялась в Доме литераторов. После оной Вася подарил мне свою фотографию с надписью «Моему однокласснику» и предложил вместе смотаться в Казань. Сам он наведывался в наш родной город едва ли не по нескольку раз в год, навещал отца. Я же не был в Казани со дня отъезда, там, на городском кладбище, описанном в «Ленд-лизовских», покоились мои родители, их кончина была для меня ужасной, пугала до сих пор, и я отказался, возможно, не совсем убедительно сославшись на какие-то причины. Аксенов повторял приглашения из раза в раз, собираясь в очередную поездку, а я увиливал, вновь придумывая некие помехи, – мне мешал все тот же психологический барьер. Думаю, Вася догадывался о моих комплексах, на четвертый, а может, и пятый раз он позвонил со словами: «Сегодня вечером мы с тобой выезжаем в Казань. Билеты куплены, время отправления такое-то, вагон такой-то. Встретимся у вагона. Все!» После чего положил трубку. И я отправился на родину. Попал в другой город, почти мегаполис второй половины двадцатого века, друзья детства обратились в солидных мужчин. Словом, не было Казани сорок третьего. И мы с Василием Павловичем уже были не дети.

Я поселился в гостинице, Вася остановился у своего отца. С Павлом Васильевичем я познакомился еще в Москве, в один из его приездов к сыну, и сейчас, заходя к ним здесь, в Казани, с удовольствием слушал их дружескую пикировку. Вася шутливо называл отца «социал-демократом».

Случилась эта поездка в конце шестидесятых. С тех пор прошли многие годы, ушел из жизни мой одноклассник Вася Аксенов. И вдруг в этом 2011-ом он из небытия будто подал мне свой голос, после рассказа «Завтраки сорок третьего года» вновь вернул меня в Казань моего военного детства, в ту столовую, где я, как и Акси-Вакси, герой «Ленд-лизовских», обедал по талонам для детей из особенно бедствующих семей, в наш класс, в пионерский лагерь «Пустые Моркваши»[9] с его одноруким военруком. В лагере Акси-Вакси ведет необычные беседы с одноклассником Валерой Садовским. Садовский, конечно, не Садовников, хотя у Валеры есть кое-что, свойственное моей скромной особе. Я бы, переборов тщеславие, опустил этот эпизод, боясь показаться нескромным. Но мне помешало важное, на мой взгляд, обстоятельство: Акси-Вакси и Валера обсуждают родословную Лермонтова, их интересуют шотландские корни поэта. Тем, кто был близок к Аксенову, известен его особый интерес к Михаилу Юрьевичу.

В последние годы мое общение с Аксеновым свелось к телефонным разговорам, – Василий, по его словам, приезжая в Москву, «попадал на карнавал», я избегал тусовок, вел, в сущности, жизнь отшельника, редко вылезая из дома. Однажды, позвонив, он без обычных «как живешь, что у тебя нового» сразу возбужденно заговорил:

– Проживи Лермонтов положенный каждому век, не будь этой жуткой дуэли, наша литература получила бы еще одного писателя масштабом с Толстого! Я уверен: никак не меньше! А что думаешь ты?

Я понял: он только что – уже в который раз! – перечитал Лермонтова, очевидно, «Героя нашего времени» – вот-вот закрыл книгу. И был, наверное, тоже в который раз, потрясен. Я с ним согласился, о чем и известил.

[9] Поселок, Татарстан.

Не думаю, что там, в «Пустых Морквашах», ученики начальных классов Акси-Вакси и его приятель и впрямь размышляли о шотландских корнях Лермонтова – не тот возраст и пока еще не те знания. Думаю, в этих строчках аукнулся эпизод, случившийся на самом деле через годы и годы и связанный с происхождением Михаила Юрьевича, к тому же одним из фигурантов этой истории оказался Садовников, имеющий нечто общее с Валерой Садовским.

А произошло это где-то посреди семидесятых. Мы тем летом работали в Доме творчества Переделкино. Потом Василий, отбыв отпущенные ему по путевке дни, вернулся в Москву, а я вместе с женой остался доживать свой срок. На другой день после его отъезда в нашу комнату постучались, я открыл дверь и увидел даму из иностранной комиссии, прозванной МИДом писательского союза, за ее спиной возвышался рыжеволосый мужчина средних лет. Не дав даме открыть рот, он на русском, но с заметным акцентом себя представил сам: «Я такой-то! (Мы услышали имя и фамилию из англоязычного мира.) Специалист по шотландскому поэту Михаилу Лермонтову!» В его голосе прозвучал вызов на тот случай, если я буду возражать. Видимо, на таковое сопротивление шотландец уже не раз нарывался в нашей стране. Но я-то не возражал, лишь выразил удивление его визитом, лестным и вместе с тем несколько неясным. И тут выяснилось: рыжий выходец из шотландских кланов приехал отнюдь не по мою душу, а к Василию Павловичу Аксенову, намереваясь с ним обсудить интересующие его проблемы. И, как видим, на день опоздал. Кто-то из администраторов, решив компенсировать его неудачу, направил шотландца к другу Аксенова, то есть в мою комнату. Таково было объяснение, разумеется, в переводе сопровождающей дамы. Я сказал, что к дискуссии не готов, но дабы их поездка не была и вовсе напрасной, предложил свою компенсацию: если гости желают, я и моя жена можем их сводить на могилу Пастернака, похороненного, как известно, здесь же, в Переделкино. Наше предложение было принято с радостью. Но у трех сосен (тогда их еще было три) мы застали чудовищную картину: вандалы разбили все вазы и стеклянные банки, предназначенные для цветов, земля вокруг знаменитой могилы была усеяна битым стеклом и растерзанными цветами. Пока Ирина и дама прибирали могилу, мы с шотландцем молчали, подавленные увиденным. Рыжеволосый Мак – помнится так начиналась его фамилия, – глядя на следы погрома, возможно, мысленно размышлял о том, что предки великого поэта сваляли распоследнего дурака, променяв прекрасную и свободолюбивую Шотландию на и впрямь «немытую» страну «рабов» и «господ».

О явлении шотландца в Доме творчества я не мог не рассказать Василию и, наверное, постарался описать в самых выразительных красках, однако, не помню, состоялась ли их встреча, а с ней и содержательный диспут, или им что-то помешало и в Москве, но несомненно эта история нашла отзвук в книге о детстве Акси-Вакси.

Но вернусь в начало шестидесятых. В январе шестьдесят третьего в «Юности» была напечатана повесть Аксенова «Апельсины из Марокко», во втором, февральском номере журнала появился гладилинский «Первый день Нового года», следом за ними, в марте, журнал опубликовал мою «Суету сует». Получалось, будто наша тройка выступила командой. Ну, а коли так, нас после мартовской встречи Хрущева с писателями начали идеологически сечь: Аксенова и Гладилина привычно, меня к ним подверстали, как новичка. Хотя на самом деле партийно-советских розог я сподобился отведать задолго до своих товарищей: еще в 1955 году меня обвинили в «зощенковщине», что в ту пору считалось едва ли не идеологической диверсией, и, не заступись за краснодарского студента сам Михаил Шолохов, еще не известно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба. Но на всесоюзной плахе для меня это действительно явилось дебютом. Сборник моих повестей, куда вошла и «Суета сует», только что изданный «Молодой гвардией», был изъят из магазинов и библиотек и пущен «под нож».

Но особо лакомой добычей я стал для краснодарских властей, у них появилась возможность показать высокомерной столице, что и они у себя, «на местах», тоже знают толк в

борьбе с идейными врагами. Меня окрестили «антисоветчиком» и начали «прорабатывать» и так, и этак. Московские друзья помогали мне, как могли, однажды я получил телеграмму: «Вылетаю вечерним самолетом сегодня Василий».

До этого ему бывать на Кубани не случалось, и все же своего великолепного Валеру Кирпиченко, героя рассказа «На полпути к Луне», он сделал парнем из Краснодара. Еще в первые дни нашего знакомства Василий дотошно пытал меня о танцплощадке «над Кубанью», где некогда отплясывал его Валера, опасаясь, все ли описано точно, не было ли им, автором, допущена «лажа». На второй день после его приезда я сводил его на эту площадку, оказалось: он угадал, все совпало. Утром дня третьего мы взяли такси и покатили в Новороссийск. В пути дурачились, изображая лихих людей, бритый затылок нашего бедного водителя весь маршрут пребывал в напряжении. Но, слава богу, он нас не выбросил вон посреди трассы – помнится, мужик был здоров.

Аксенова в ту пору называли знатоком городского быта. «Есть «деревенщики», а в городе он, Аксенов». В Новороссийске мы шлялись по экзотическим для сухопутного человека портовым забегаловкам, где оттягивался морской люд, наш и заграничный. Помню, в одном из таких злачных заведений к нам прилип долговязый голландский матрос, компанейская душа. Его судно стояло в долгом ремонте, и этот голландец стал достопримечательностью города, местный народ дал ему прозвище: «хер голландский». Его так и окликали: «Эй, ты, хер голландский», – и он охотно отзывался. Мы ему чем-то пришлись по нраву, особенно Василий. Отлучившись к стойке буфета, я любовался этой парой со стороны, они, отхлебывая из кружек мутное пиво, что-то обсуждали и заразительно хохотали – может потому, что объяснялись на сквернейшем английском и ни черта друг друга не понимали. Потом мы долго не могли избавиться от этого «хера». Я был уверен в том, что когда-нибудь голландец выплывет в аксеновской прозе, но, кажется, голландцу не повезло. Впрочем, вокруг нас бродили и другие потенциальные Васины персонажи – его конкуренты. А пока я с интересом наблюдал, как мой товарищ жадно прислушивается к разношерстной речи на улицах этого Зурбагана, своими находками он тут же делился со мной, что было в характере Аксенова – делиться найденным. Когда могучая буфетчица с руками борца времен Поддубного и Заикина и хилый портовый хмырь обменивались обидными репликами, Василий, навалившись на стойку, едва не влез между ними, стараясь не упустить ни единого слова из их роскошной словесной дуэли. «А ты не суй свой длинный нос», – требовала буфетчица от своего оппонента, и Василий мне сейчас же радостно прокомментировал: «Посмотри, у самой-то какой шнобель!» А рядом, за нечистым столом общались двое рослых мужчин в вязаных шапочках, видимо докеры, один просил другого, размазывая пьяные слезы: «Ген, когда я помру, ты протопчешь к моей могилке дорожку?» Второй твердо отвечал: «Не трухай, Петя, я к твоей могилке проложу целое шоссе!» Если я не ошибаюсь, этот душераздирающий диалог я позже у Аксенова где-то встречал, разве что Василий изменил имена. Да и я их взял с потолка.

Не оставили мы, разумеется, без внимания и знаменитое «Абрау-Дюрсо». И, все разумом понимая, душой не могли принять: дегустатор, омочив рот мелким глотком из преогромной рюмки, наполненной до краев шампанским, все остальное ее содержимое – на наших глазах! – выливал в сосуд для отходов, расположенный в центре стола. «Но мы не будем огорчаться, верно? Все-таки это была не водка, а всего лишь шампанское, пусть и лучшее в стране», – подтрунивал Аксенов над нашими переживаниями, когда мы покидали дегустационный зал.

В конце 1964-го я, после годичного романа, женился на Ирине и переехал в Москву. В ЗАГС мы пошли вчетвером. Моим свидетелем был Аксенов, сторону невесты представлял Гладилин.

Это событие, казалось бы важное лишь для моей семьи и близких друзей, было отмечено на улице Кирова, в ЦК ВЛКСМ, там, на совещании редакторов комсомольской печати, кто-то из секретарей посетовал: уж эти писатели-евреи, никак не уймутся, они не только сами мутят нашу литературу, но и сбивают с верного пути некоторых нестойких русских коллег, вот женили Георгия Садовникова на еврейке. Мне об этом поведал один из участников оного собрания. Под евреями подразумевались мои друзья: у Васи и Толи мамы по национальности считались еврейками. Четверть еврейской крови бегала и по сосудам моей жены.

Аксенов и Гладилин были особой слабостью комсомольского вождя Сергея Павлова. После их поездки в Тулу, в гости к Анатолию Кузнецову, он публично обвинил Василия и двух Анатолиев в возмутительной выходке, – они появились на встрече с читателями в… свитерах! То есть одевшись по подобию своих идейно незрелых героев.

В одну из зим к нам в Дубултах присоединился Георгий Владимов с женой Натальей. Наташа писала о цирке, сочиняла репризы к цирковым номерам, часто ездила в рижский цирк, благо город был под боком, и однажды вернулась из очередной поездки с заманчивым известием: она договорилась с дрессировщиком тигров, он готов допустить нас в святая святых – в тигрятник. Мы приехали в цирк и вступили в помещение, где вдоль стен стояли клетки с могучими полосатыми кошками. Нас было пятеро, четверых хищники начисто игнорировали, словно тех не было, талантливых и известных, все внимание они сосредоточили на мне, а если быть справедливым, на белом тулупе, в который я был одет. Тулуп пошили где-то на Памире из шкуры горного козла. Его острый дух пронзил ноздри тигров, они взбеленились, неистово рвались сквозь прутья клеток, желая разорвать меня на куски, видимо аппетитные с их гастрономической точки зрения. Я, бедный, обратился в их цель – вожделенную добычу. Реакция зверей вызвала у друзей приступ бурного веселья, я старался не отставать, тоже рассыпался в шутках. Но, признаться, в душе-то испытывал жуть, глядя в горящие желтые глаза, видя страшные когти, подобные зубьям вил, тянущиеся в мою сторону, слыша яростное рычанье. Они окружали меня, я слышал их за своей спиной, видел затылком. Наконец в тигрятник прибежал где-то задержавшийся дрессировщик и, осыпая нас проклятиями, выгнал вон. Вечером ему выступать, а мы вывели из равновесия его артистов, наделенных тончайшей нервной организацией.

– И каково себя чувствовать дичью? – сочувственно поинтересовался Василий, после того как нас выдворили из тигрятника.

Я ответил:

– Как тебе объяснить? Представь: ты оказался в кабинете Суслова. А если серьезно… Вася, о чем ты спрашиваешь, елы-палы? Можно подумать, сам никогда не был в этой шкуре!

– Приходилось, и не раз. Скверное чувство, – печально вздохнув, подтвердил мой товарищ.

Аксенов раздражал идеологических чинов своей яркой индивидуальностью. Помню, еще до знакомства с Василием я был приглашен на семинар молодых писателей. Официозный критик Б. резвился, иронизируя над внешним видом аксеновских литературных героев, их прическами, стремлением парней и девушек вырваться из навязанного им стандарта, он изгалялся и так, и этак, наконец, завершая пассаж, пустил последнюю, убойную саркастическую стрелу: «Как видите, полный джентльменский набор». У самого же борца с «влиянием Запада» плечи черного москвошвеевского пиджака были густо усыпаны серой перхотью.

А вот какую историю мне поведал сам Аксенов, когда я, в очередной раз спасаясь от хулителей, прилетел из Краснодара в Москву. Руководство Союза писателей СССР устроило международную встречу писателей, куда пригласило ряд иностранных знаменитостей, а заодно позвало и Аксенова с Гладилиным – пусть видят западные клеветники: у нас в чести и такие авторы. После официальных мероприятий для участников встречи была устроена прогулка на шикарном речном теплоходе. Пока хозяева и гости, собравшись на палубе, любова-

лись живописными берегами Московского моря, Аксенов, Гладилин и присоединившийся к ним Эдвард Олби, можно сказать, по духу ровесник Васи и Толи, обосновались в буфете, попивали коктейли за стойкой бара. За этим непристойным занятием их застала группа секретарей во главе с Леонидом Соболевым. Увидев столь циничное подражание западному образу жизни, дородный глава Союза писателей РСФСР впал в праведный гнев:

– Безобразие! От этих хиппи нет спаса, они даже пролезли на наш теплоход!

Сопровождавшие его чиновники из иностранной комиссии растолковали обозленному секретарю: один из так называемых хиппи известный американский драматург – автор знаменитых пьес, а одна из них, именно «Кто боится Вирджинии Вульф», обошла почти все мировые сцены. Что-то растерянно пробормотав, Соболев выскочил из буфета. «По-моему, он понял, что публично отхлестал себя по физиономии мокрой половой тряпкой», – сказал Вася, заканчивая свой рассказ. Потом я от него услышу таковой приговор еще и еще, когда наши власти на глазах у всего цивилизованного мира в очередной раз устраивали себе порку, возили по собственным мордам той же грязной тряпкой. Только вот беда: после экзекуции утрутся и будут беспредельничать дальше.

После низвержения Хрущева покрылись льдом последние завоевания «оттепели», а вместе с ними окончательно исчезли и наши наивные надежды на торжество светлого и доброго. Авторы, которые «кучковались» (сказано Аксеновым) вокруг «Юности» и породили «молодую литературу» или, как ее еще именовали, «исповедальную прозу», поняли: писать, как прежде, более нет никакого смысла. Сказалось и личное возмужание каждого, а тут еще ко всему советские идеологи задушили «пражскую весну». Перед нами замаячил болезненный вопрос: а что писать теперь? И как? Некоторые растерялись и долго искали в этом не лучшем мире свою новую творческую ипостась. Первым из нас определился Василий Аксенов, неофициальный лидер уходящей «исповедальной прозы», и написал «Затоваренную бочкотару», снова став флагманом, подавшим сигнал: «Следуй за мной!»

Он был лидером не только в творческом смысле, но и как яркая сама по себе личность. От него исходила некая магическая сила, привлекающая к нему не только сверстников, но и людей старшего возраста. Или назову это флюидами. Вокруг Василия или просто Васи, собирались, его любили, к этому располагала и Васина открытая и доброжелательная натура. Именно Аксенова попросил о встрече Юлиан Семенов, когда решил изменить свое писательское кредо, и объяснялся с ним как с самым авторитетным представителем нашего поколения, к которому до этого принадлежал сам. Мы сидели небольшой компанией в Дубовом зале, не было только Аксенова. Наконец он появился, пребывая, судя по виду, в некоторой растерянности. «Сейчас встречался с Юликом Семеновым, я как бы представлял всех вас», – сказал Василий и выложил нам все то, что просил передать Юлиан. «И скажи ребятам, – будто бы попросил он Василия, – если кто-то из них плюнет мне в лицо, я не обижусь, пойму!» Однако я не знаю случая, чтобы кто-то из ребят воспользовался разрешением Юлиана и плюнул. Тот год для Семенова был чрезвычайно сложен. Кажется, что-то было связано с классической «трагедией на охоте», но это уже другая история, возможно, искаженная молвой, к тому же она совершенно не касалась его недавнего единомышленника Аксенова.

Сейчас я выскажу то, что кому-то, вероятно, покажется кощунством: когда Василий «завязал», в Дубовом и Пестром залах ЦДЛ стало скучно – ушла «эпоха Аксенова». Его стол, когда он появлялся в ЦДЛ, превращался в центр веселья, да что там, настоящего праздника, вокруг Палыча собирались многолюдные компании, гудевшие до закрытия Дома литераторов. Василий, а для многих любовно просто Вася, был щедрым, радушным хозяином, угощавшим порой на последние не только друзей, но и чужих, подсевших. И выделялся он среди нас не только добрым разгульным нравом, но и своим несколько экзотичным видом, то ли необычной «заморской» курткой, то ли темно-зеленым твидовым пиджаком. Ах, если

бы эти праздники ему не вышли боком! Аксенов обладал знаниями врача и волей, однако покончил с питьем только со второй попытки, после чего Дом литераторов сразу прижух.

Но в истории писательского клуба остались другие «аксеновские страницы», непосредственно не связанные с питьем, хотя действие порой формально разыгрывалось именно в ресторане и кафе. Коснусь только двух, и случились и первая, и вторая после того, как он принял для себя «сухой закон».

Итак, наша компания расселась вокруг столика у входа в Пестрый зал, мы обсуждаем что-то важное для нас, под кофе себе «позволяем» по рюмке коньяка, не более того, Аксенов уже по привычке попивает сок. Мимо нас проходит поэт Г. и, задержавшись возле нашего стола, бросает Белле Ахмадулиной реплику, начиненную оскорбительным смыслом. Я не смею ее здесь повторить, чтя священную для меня память Беллы. К тому же слова этого Г. были совершенно несправедливы. Нас точно парализовало, нам кажется невозможным – сказать такое гадкое нашему товарищу, нашей богине. Возможно, не пошел нам впрок и хмель, пусть и легкий. Мы остолбенели, но не все. Из-за стола поднялся Вася Аксенов и предложил Г. выйти в холл. Этот Г. слыл умелым драчуном, поговаривали, будто он в молодости серьезно занимался боксом. Васе это было известно, и все же он бесстрашно бросился на подонка, врезал ему по скуле и, не мешкая, вошел с ним в клинч. Бойцы, сцепившись, катались по полу, пока их не разняли администраторы. Обычно дирекция карала и за более мелкие проступки, но на этот раз Аксенова не тронули, а Г. я более не встречал в нашем клубе. Видимо, ему было стыдно, а может, мое предположение ошибочно, но мне хочется думать именно так.

Вторая история была повеселей. Мы собрались за столиком в Дубовом зале, помнится, слева от входа, связывающего «новое» здание ЦДЛ со «старым». В противоположном конце ресторана в одиночестве обедал поэт Ярослав Смеляков, автор знаменитой поэмы о Любке Фейгельман. Он был поглощен своим излюбленным занятием – попивал из графинчика водку и, казалось, был отрешен от всего остального мира. Но вдруг Ярослав Васильевич обратил взгляд к нашей компании и повелительным жестом позвал к себе Аксенова. Василий вышел из-за стола и подошел к Смелякову. Они обменялись короткими фразами, и наш друг, проследовав мимо нас, покинул зал, не сказав нам ни слова.

Увидели мы его минут через десять с необычной ношей. На его плече ленинским бревном лежал вырезанный из дерева Михаил Пришвин, выставленный недавно в холле Дома литераторов, под лестницей, ведущей в правление Московской организации. За Аксеновым бежали дамы из администрации, умоляюще восклицая:

– Василий Павлович, будьте любезны, верните скульптуру на место!

Василий Павлович отвечал:

– Ярослав Васильевич желает отобедать в обществе Михаила Михайлыча. Попросил посодействовать. Я не мог ему отказать, я уважаю Ярослава Васильевича.

Он направился к столу Смелякова и установил Пришвина по его левую, а может, правую, руку. Были ли какие-то для Аксенова неприятные последствия, не помню, но, судя по всему, обошлось и на этот раз.

В отличие от флагмана я менял галсы, долго не мог найти свою новую прозу, а пока переводил национальных писателей. Работа с подстрочниками – занятие невеселое, рутинное, и я в конце концов решил себя развлечь, сочинил в жанре «вранья» повесть для подростков. Мой «Продавец приключений»[10] был издан «Детгизом», через год его переиздали, затем перевели на многие языки. Мой неожиданный и при этом будто бы успешный прыжок в детскую литературу заразил и Аксенова, и Гладилина, и они решили последовать моему

[10] «Продавец приключений» – фантастическая повесть о необыкновенном путешествии на звездолете «Искатель» великого астронавта Аскольда Витальевича и его юных помощников. Написана Г. Садовниковым в 1970 г.

примеру. Я привел Василия к своему редактору Елене Константиновне Махлах и представил: «Знакомьтесь: начинающий детский писатель Василий Аксенов!» Редакция встретила такого новичка с восторгом. Детская литература давно ждала этого автора.

С ним тотчас был заключен договор, Аксенов быстро написал современную сказочную повесть «Мой дедушка – памятник», в издательстве прочли, восхищенно заахали, и… рукопись легла в пыль, на полки. На звонки автора издатели отвечали что-то невразумительное. Аксенов привык к издательским выкрутасам, но тогда неприличные игры касались «взрослых» книг, а эта абсолютно безобидная, светлая, веселая. И такие непонятки растянулись на месяцы.

У меня появилось чувство вины: в эту историю он влип, доверившись мне. Я донимал звонками нашу замечательную Елену Константиновну, но она, бедная, не понимала сама, почему начальство препятствует выходу книги. И вдруг ее звонок: «Вы можете приехать? С вами хочет поговорить заведующая нашей редакции. – И вполголоса: – Речь идет об Аксенове». Я предстал перед заведующей, она была не одна, у окна стоял мужчина, его я не раз встречал в издательских коридорах. На столе лежала раскрытая Васина рукопись.

– Георгий Михайлович, мы просим вас быть с нами откровенным, – начала заведующая, – где, в каких главах этой рукописи Аксенов завуалировал свои намеки, скажем, на события в Чехословакии? Мы знаем: вы с ним дружны. И просим вас помочь. Это в его же интересах. Чем раньше мы исправим огрехи, тем раньше выйдет книга.

Поначалу мне показалось, будто я ослышался, а потом вспомнил, что передо мной типичный пуганый советский редактор, и потому вразумляющее пояснил:

– В повести Аксенова нет ничего похожего на намеки, тем более на ввод советских войск Чехословакию, не ищите какого-либо особого подтекста, ни прочих тайн. В повести все открыто нараспашку. Она по-своему даже простодушна. Ее герой – советский мальчик, пионер. Куда же больше? Да вы читали сами. Вам ли мне говорить?

– Вроде бы все так, – смущенно согласилась издательская дама и в отчаянии произнесла: – Ну, не мог, не мог Аксенов обойтись без намеков, без чего-то такого. Мы же не дети! Аксенов есть Аксенов. Где-нибудь тут, – она положила ладонь на рукопись, – замаскированы танки и Прага. Но где? Не найдем мы, найдет цензор!

– Не найдет! Хотя кто знает, – признал я. – Гена Стратофонтов путешествует в иных краях, в тропиках, а там попадает на остров.

– Вот-вот, именно на остров! – оживился мужчина и, оторвавшись от окна, переместился к нам. – А кто высаживается на острова? Наемники! И если подумать, кто они? Не наши ли войска? И остров ли это? Может, что-то иное?

– Наемников, которых вы имеете в виду, называют «дикими гусями», как правило, они бывшие коммандос. Эти птицы перелетают из страны в страну, где их нанимают, кого-то, скажем, свергнуть или учинить другую заваруху. – Для примера я назвал африканскую страну, где недавно был устроен государственный переворот. – Ну что у них общего с нашими доблестными солдатами? Кстати, Гена борется с этими «гусями» как образцовый пионер!

Книга вышла! Я не ставлю это себе в заслугу – трусость и идиотизм, проявленные в этой истории, были очевидны. Понимая это, издатели старались загладить вину, к тому же книга тотчас разошлась по читателям, словом, Аксенову предложили написать новую книгу и сразу заключили договор, выдали аванс, что было важно при нашем безденежье. Вторую книгу о Гене Стратофонтове, «Сундучок, в котором что-то стучит», он писал в Доме творчества в Дубултах, куда мы приехали небольшой компанией, работал над ней без прежнего куража, принуждая себя. О чем мне и говорил. То ли так и не отошел от неприятной истории, случившейся с первой книгой, то ли охладел к этому жанру. И все же книга получилась замечательной. «Аксенов есть Аксенов» – в этом-то заведующая была права.

Я в это время там же, в Дубултах, подступал к своей второй детской книге. Мучил свое воображение, не зная о чем писать. Размышляя об этом на завтраке, решил, дабы разогнать свою фантазию, начать с имени своего героя, придумаю, а дальше авось покатится само. Я посмотрел на Аксенова, поедавшего творог или овсянку по ту сторону стола, и спросил:

– Ты не будешь возражать, если я назову своего странствующего слесаря Базилем Аксеночкиным?

– Тогда уж лучше Аксенушкин, – подумав, посоветовал Вася.

Так с подачи Василия и стал главный персонаж «Спасителя океана»[11] Базилем Тихоновичем Аксенушкиным. Отчество я позаимствовал у Гладилина.

Ребячество уходило из нас с большой неохотой, в те годы веселье, шутка были защитным куполом от идеологической мерзости, разлитой в атмосфере. Мы подтрунивали друг над другом даже на страницах наших книг. Аксенов в «Джине Грине – неприкасаемом»[12] обыгрывал фамилии и Гладилина, и мою. Помню премьеру фильма в Доме литераторов – автор сценария Василий Аксенов. В финале картины какой-то милицейский чин за кадром командует голосом Аксенова: «Гладилин и Садовников, уведите арестованных!» В зале это вызвало оживление, сидевший рядом со мной Владимир Максимов недовольно пробурчал: «Вы обнаглели! Разве можно так обращаться с искусством?!» Володя был дружен с Аксеновым, но осуждал его молодежные куртки и джинсы; сам же, обзаведясь деньжатами, что с ним случалось нечасто, покупал в комиссионках дешевые «респектабельные» костюмы. Не нравился ему и «вольный, непричесанный» стиль аксеновских рассказов и повестей. Мне он говорил: «Представляю, как Юра Казаков, читая Аксенова, скрежещет зубами». Максимов ошибался. Юра, блистательный продолжатель русской классической традиции, обладал широким литературным вкусом, с удовольствием читал американца Фолкнера, немца Ремарка и Васину прозу, я слышал это от самого Казакова, прожив рядом с ним целое лето в дачном поселке Абрамцево. Кстати, туда ко мне приезжал на зеленой «Волге» и сам Аксенов, и я видел, насколько глубоко он и Казаков друг другу симпатичны.

Впрочем, сближало их и некоторое общее прошлое. Когда-то, в тех же шестидесятых, Вася и Юра, а за компанию с ними и Виктор Конецкий, отправились в Одессу, намереваясь слепить сообща сценарий морской киношной комедии. Впрочем, наверное, профессиональный моряк Конецкий и был инициатором этой затеи. Обосновавшись в гостиничных номерах на Дерибасовской, писательская артель бурно отметила канун предстоящего творческого сотрудничества, канун растянулся на второй и третий день и перетек в каждодневное пьянство. Василий и Юрий поняли, что сотрудничество в такой форме не приведет к добру, и вернулись в Москву, на поле боя остался самый пьющий Виктор. И что удивительно: в конце концов, эта нелепейшая и авантюрная история в результате каких-то новых комбинаций-пертурбаций увенчалась замечательной кинокомедией «Полосатый рейс»[13], но Аксенов и Казаков к ней уже не имели ни малейшего отношения. Впрочем, если обратиться к жанру абсурда, то можно сказать и так: они стояли у истоков этого шедевра.

Работа писателя за письменным столом, как известно, – «тайна тайн». Однако в домах творчества мы видывали своих друзей-коллег, как говаривали гусары-рубаки, «в деле», литературном, разумеется. В Ялте Аксенов и Гладилин поселились в соседних комнатах, выходящих на общую лоджию. «Сижу как-то за столом, не пишется, – потом рассказывал мне Анатолий. – Я подумал: любопытно, а что сейчас делает Васька? Работает или валяется на постели поверх одеяла, тоже валяет дурака? Вышел на балкон, заглянул в его окно. Пред-

[11] «Спаситель океана, или Повесть о странствующем слесаре». Фантастическая повесть-сказка. М.: Дет. лит., 1974.

[12] В 1972 г. совместно с О. Горчаковым и Г. Поженяном В. Аксенов написал роман-пародию на шпионский боевик «Джин Грин – неприкасаемый» под псевдонимом Гривадий Горпожакс (комбинация имен и фамилий авторов).

[13] «Полосатый рейс» – кинокомедия, поставленная на «Ленфильме» в 1961 г. режиссером Владимиром Фетиным по сценарию А. Каплера, В. Конецкого, Ю. Дунского, В. Фрида.

ставляешь? Что-то царапает на бумаге и сам же хихикает над тем, что только что соскочило с его пера».

Порой мне казалось, будто Толя считает Васю хитрецом. «Мы с тобой перелопачиваем рукопись по несколько раз, правим, а он сразу пишет начисто и тащит в издательство или журнал». Отчасти я был с ним согласен. Но, видимо, такова была у Аксенова метода: Василий словно бы, прежде чем воспроизвести на бумаге, вынашивал в голове текст, все до последней строчки. Он любил в компании делиться тем, что, скажем, написал с утра, как бы проверял на будущем читателе. И потом в его уже готовой рукописи – а мы тогда читали рукописи друг друга – я встречал знакомые фразы.

Васина мать Евгения Семеновна Гинзбург, автор «Крутого маршрута», подолгу жила в Переделкино, сначала снимала часть дачи, потом сама стала владелицей, но тоже только части деревянного дома. Василий ее навещал, он был заботливым сыном. Однажды я, работая в переделкинском Доме творчества, вернулся с прогулки и обнаружил в дверной ручке обрывок желтоватой туалетной бумаги. Сейчас он перед моими глазами. На его шероховатом поле нацарапано шариком: «Вместо того чтобы писать нетленку, ты где-то шляешься. 13.00!!! Вася». Ниже: 8/X.

«Нетленки», «нужники» – словечки из нашего тогдашнего жаргона. По ЦДЛ ходила шутка: «Весь год тужился, писал «нужник», теперь, наконец, займусь «нетленкой».

В начале семидесятых Аксенов снова ввязался в коллективную авантюру. На этот раз местом действия стал Дом творчества в Ялте. В бригаду вместе с ним входили поэт Григорий Поженян и прозаик Овидий Горчаков, бывший лихой разведчик, прототип семеновского майора Вихря. Бригада придумала себе звучный псевдоним: Горпожакс, сложенный из фамилий участников этой затеи. Горпожакс решил написать пародию на западные шпионские романы и тем самым решить денежные проблемы; каждой трети псевдонима предстояло сочинить десять авторских листов. И работа началась! На нее ушли едва ли не месяцы, и сам процесс проходил очень бурно.

О написании «Джина Грина – неприкасаемого» в писательском фольклоре слагались разные версии, кто-то «переместил» Горпожакса из Дома творчества на борт теплохода «Грузия», капитаном которого был друг Поженяна. В конце концов, завершив черновой вариант будущей книги, бригада вернулась в Москву, имея на счету сломанную не то руку, не то ногу Горчакова, скатившегося с лестницы. Рукопись взяли в издательстве «Молодая гвардия», но поскольку героем книги был американский разведчик, детищем Горпожакса сразу же активно заинтересовался КГБ. После изощренной редактуры книга вышла к читателю в истерзанном виде, из ее живой ткани были вырваны, по Васиным словам, многие шутки и розыгрыши друзей. Роман Аксенову принес больше разочарований, нежели творческого и денежного удовлетворения.

И все же итог этого пребывания в Ялте был для Аксенова эпохальным, круто развернувшим его дальнейшую жизнь. В любимом крымском городе он обрел Майю, свою будущую вторую жену. Майя Овчинникова тогда была супругой именитого режиссера-документалиста Романа Кармена, сама трудилась в кинематографе и приехала в Ялту в составе съемочной группы. Здесь ее случайно встретила вторая треть Горпожакса – поэт Григорий Поженян, свой человек в киношном мире. Он пригласил прекрасную блондинку Майю в Дом творчества писателей, на вечеринку в компании с Гором и Аксом. Там, за накрытым столом в комнате у Поженяна, и познакомились Вася и Майя. Между ними, как однажды было сказано и затем бесчисленно повторено, пробежала искра. Майя в тайне от Поженяна, чьей дамой она будто бы считалась на этот вечер, пришла в Васину комнату и осталась у Аксенова на ночь. А утром произошло неучтенное. Потеряв голову от восторга, влюбленный забыл закрыть комнату на ключ. В комнату без стука вошел Григорий, решивший позвать товарища на завтрак.

– Я растерялся, смотрю на Гришу, он от нас в трех шагах и тоже опешил, мы под одеялом, все ясно, – рассказывал мне Василий. – Но молчать дальше было невозможно, следовало как-то объясниться с оторопевшим другом, и я пробормотал: «В общем, Гриша, как в твоей песне: «Если мой друг влюблен, а я у него на пути, таков закон: третий должен уйти». Гриша вышел из комнаты и потом ни разу не обмолвился об этой истории.

На другой день они встретились на набережной. И снова рассказ Василия: «Я пришел раньше, стою, жду, и вот появилась она, ветер развевает ее золотистые волосы, она летит ко мне, будто созданная из солнечного света. Я с восторгом думаю: «Неужели это чудо принадлежит мне?»»

Пусть простят меня другие женщины, любившие Аксенова, я пишу о том, что происходило с ним в ту пору, а Вася сказал мне именно так.

Потом Майя станет его женой, разделит с ним все тяжкие испытания и судьбу эмигранта. Но, сказав о его второй жене, нельзя не помянуть добрым словом первую: Киру. О том, что происходило между Васей и Кирой, знают только они сами, и они сами же себе судьи. Я же, часто бывая у них дома, видел любящую жену и мать его сына Алеши. Кира тоже красивая женщина, но на свой лад. И тоже делила с мужем судьбу писателя, неугодного властям. Мне она казалась человеком с сильным характером. И не мудрено: мать Киры в войну была полковником – танкистом, отец Лайош Гавро[14], герой нашей Гражданской войны, «венгерский Чапаев», его подвиги, как мне говорили венгры, изучавшие его биографию, частично приписаны Матэ Залке. Говорили, что природа одарила Киру замечательным голосом, которым она пожертвовала ради семьи. Позже Вася и Кира пригласили меня на концерт, где она выступала вместе с известным чтецом Дмитрием Журавлевым[15]. Мы втроем сидели в Концертном зале имени Чайковского, Аксенов привел с собой молодого журналиста Александра Кабакова, который впоследствии вырастет в знаменитого прозаика. А на сцене перед нами царил Журавлев. Чуть поодаль от него, перед своим микрофоном, стояла Кира в потрясающем вечернем платье. Ее пение как бы дополняло чтеца. Вася нервничал, переживал за Киру: «Сейчас даст петуха! Сейчас даст!» Но Кира великолепно справилась со своими вокальными номерами. У нее был низкий приятный голос. Если не ошибаюсь, его называют контральто. Но я не знаток вокального искусства.

При всей неприязни властей Аксенова временами выпускали «за бугор». Однажды он был приглашен в американский университет в Беркли. Хозяева несомненно учли особенности этого русского писателя и предложили тему для семинара, связанную с природой литературного творчества. Василий серьезно готовился к предстоящим занятиям, составил вопросник и разослал коллегам, попросив ответить на каждый пункт. Помню вопрос, показавшийся мне особенно важным: «Что, по-вашему, в прозе первично: реалии или воображение?» Его семинары в Беркли растянулись на целый месяц. Кто бы мог тогда подумать, что они были репетицией долгой профессорской работы в одном из американских университетов.

Василий издавна занимался английским языком, я нередко заставал его лежащим на диване со словарем и книгой американца или англичанина, изданной на языке оригинала, более того, он перевел для русского читателя роман Доктороу «Рэгтайм». И все же университет приставил к Аксенову переводчицу – американку русского происхождения, из тех русских американцев, что проживали в маленьких городках неподалеку от университета. Отец Васиной помощницы, бывший белогвардейский полковник, ушедший из России вместе с армией Врангеля, наслушался от дочери добрых слов о писателе, своем соотечественнике, и настойчиво звал к себе в гости. У Василия сложились с переводчицей добрые отношения, и он уважил просьбу полковника. Как он рассказывал, дверь им открыл высокий сухощавый

[14] Гавро Лайош (1894–1938), венгерский интернационалист, участник Гражданской войны в России.

[15] Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991), актер, мастер художественного слова. Народный артист СССР (1979).

старик с военной осанкой и сразу бухнул: «Василий Павлович, эти иностранцы совершенно невыносимы!». «А сам, – смеясь, говорил мне Василий, – живет в Америке столько лет, а по-английски ни бум-бум. Вот он, наш русский характер!»

Потом полковник нанес ответный визит, наведавшись во вторую столицу некогда «единой и неделимой». Первым делом бывший воспитанник кадетского корпуса изъявил желание посмотреть на суворовцев – советских кадетов. Аксенов привез его к воротам Московского суворовского училища, однако полковнику не повезло: было лето, и ребят увезли в лагерь. Меня, в прошлом суворовца, тоже не было в Москве, о чем Василий сожалел, я бы пришелся кстати, показал фотографии и, возможно, подарил старому кадету свой суворовский значок.

Впрочем, опекать иностранцев, с той или иной целью нагрянувших в Москву, стало для него занятием привычным. Обычно это были те, с кем он познакомился в своих заграничных поездках, или знакомые тех знакомых, рекомендованные Аксенову письмом, а то и звонком по телефону.

Я не помню, по какой статье «проходила» Марина Влади, да это и неважно. Приехав сниматься на «Мосфильм», она оказалась под надежным присмотром Василия. Фильмы тогда снимали многими месяцами, поэтому знаменитая русская француженка приехала надолго и, кажется, привезла своих детей. Это было еще в «довысоцкий» период ее жизни – роман, перешедший в замужество, только начинался. Аксенову в его благом деле помогал Гладилин. Они часто приводили подопечную в Дом литераторов.

Так случилось и на этот раз. Съемки у Марины были назначены на вторую половину дня, и сейчас она сидела вместе с нами в Пестром зале. Мы выбрали столик в дальнем углу, подальше от любопытных глаз, пили кофе и болтали о том о сем. Наша собеседница отлично владела русским, как и полагалось человеку, выросшему в русской семье, пусть и во Франции. Стояло лето, зал был практически пуст. Между столиками одиноко слонялся долговязый поэт Семен Сорин, некогда служивший в пограничных войсках и теперь славящий в стихах товарищей по оружию. Сейчас он явно не знал куда себя деть. Побродив по залу, бывший пограничник направился к нам и, прихватив по дороге свободный стул, без спроса подсел к нашему столу. В ЦДЛ подобное поведение считалось неприличным: нахала гнали вон. Сорин, или попросту Сеня, слыл безобиднейшей личностью, и посему мы промолчали: бог с ним, пусть сидит. И надо отдать ему должное, Сеня, найдя для себя спокойную гавань, просидел все оставшееся время, не проронив и слова, будто бы даже задремал, опустив голову, едва не касаясь груди длинным носом и острым подбородком. Но вот пришла пора, за артисткой с «Мосфильма» прикатила машина. Марина поднялась, встали и мы, все, кроме будто бы прикорнувшего Сорина. И тут случилось то, о чем до сих пор рассказывают в писательских компаниях, а иные авторы даже вставляют в документальные книги, посвященные быту и нравам творческой среды. Марина простилась с Гладилиным и со мной, подала руку одному, второму, когда она проносила ладонь мимо Сени, тот вдруг встрепенулся, перехватил кисть Марининой руки, поднес к губам и, высунув длинный фиолетовый язык, лизнул ее возле большого пальца. Это было не просто моветоном, это было черт знает чем! Влади оцепенела, мы тоже обалдели, я взглянул на Аксенова, некогда бившегося за честь Беллы, он, как и Толя и я, не знал что делать: отметелишь безобидного доброго Сорина – потом не отмоешься от издевок. Но Сеня, оказывается, еще не закончил свое действо: пока мы мучились, не зная, что предпринять, поэт извлек из внутреннего кармана пиджака химический карандаш и запечатлел на Марининой руке номер телефона, обратив тем самым свою, казалось бы, оскорбительную выходку в шутку. Она была вульгарной, но все-таки шуткой. Марина засмеялась – у нее с чувством юмора все было в порядке, мы тоже не жаловались на его отсутствие. Наша компания проводила Марину к машине и там простилась вторично, а Сеня остался за столом, снова погрузившись в дрему.

На другой день Аксенов встретил Сорина в ЦДЛ. «Мы-то думали: Сеня-то каков остряк, а он, оказывается, был всего-навсего пьян. И ничего не помнил. Когда я ему рассказал, он покраснел от стыда. Мне же еще пришлось его утешать», – посмеиваясь над собой, посетовал Василий.

А это случилось, по-моему, весной 1975 года, хотя назвать случайностью то, что мы с Аксеновым узнали, было трудно. Мне позвонил Гладилин и попросил приехать в ЦДЛ. Аксенова он уже известил. Он собирался сообщить нам кое-что чрезвычайно важное. Толя был чем-то взволнован. Я примчался в клуб и там, в холле, встретил хмурого Васю. И спросил: «Где Гладила?» – «Там», – коротко ответил Аксенов и указал на лестницу, ведущую в правление Московской писательской организации. Я снова спросил, начиная тревожиться за Толю: «Что стряслось? Ты в курсе?» – «Точно не знаю, но, кажется, начинаю догадываться, – сказал Вася. – Но подождем, может, я ошибаюсь».

Не помню, сколько длилось наше томительное ожидание, но вот наверху, в дверном проеме появился Толя и медленно спустился к нам. Он был бледен, губы крепко сжаты.

– Ребята, я уезжаю, – произнес Гладилин в ответ на наши вопросительные взгляды. Он не сказал, куда именно, но догадаться было нетрудно.

Формально он подал документы по «еврейской» линии, еврейкой была его жена Мария, дочь покойного писателя Якова Тайца, но всем, и друзьям, и недоброжелателям, было ясно: причины, толкнувшие Гладилина на отъезд, связаны с идеологическим прессингом, под которым он находился все последние годы, а после письма «двадцати двух» давление и вовсе стало невыносимым. Мы это понимали, особенно Вася – один из этих двадцати двух «подписантов». Он тоже подвергался «санкциям». Понимать-то понимал и я и все же был ошарашен. Васе, судя по выражению его лица, также стало не по себе.

Мы перешли в Дубовый зал, молча, ну разве что иногда отвлекаясь на малозначительные реплики, выпили по рюмке водки, то есть ее пили мы с Толей, Вася ограничился соком. Он первым заговорил о главном и с горечью произнес:

– Толя, ты совершаешь глубочайшую ошибку. И эта ошибка тем ужасна, что непоправима! Уехав, ты уже никогда не вернешься в страну. Для тебя перекроют все дороги!

Говоря это, он не ведал о том, что вскоре сам проследует по Толиному пути. Но, к счастью, Вася ошибался, придет время, и мы, оставшиеся, будем их встречать в Шереметьево, обнимем на нашей общей родной земле. А пока он сказал, как сказал, на что Толя ответил:

– Наверное, ты прав, и все же я чувствую: не знаю, как именно, но должен круто изменить свою судьбу, сделать что-то очень важное.

После отъезда Толи, наша тройка распалась, мы с Васей встречались все реже и реже, к тому же я надолго пропадал в Алма-Ате, занимаясь переводами. И все же наша дружба не тускнела, прочитал я в рукописях его самые важные в те годы сочинения «Ожог» и «Остров Крым». В памяти осталась картина: сидим мы у него в квартире на Красноармейской, нас трое: Володя Максимов, Юлик Эдлис и я. Аксенов читает главы из «Ожога».

Работая над «Островом», он мотался в Крым, Ялта оставалась для него любимым городом. Мне он рассказывал: «Шпарю по Симферопольскому шоссе, устал, не ел целый день, останавливаюсь возле придорожного кафе, на стойке ничего, кроме вареных яиц, взял два и стакан чая. За мой стол присаживается гигант – водитель самосвала, я видел, как он подкатил, в лапищах глубокая суповая тарелка с горой яиц, десятка два, а может, и более того. Говорю, уверенный в солидарном согласии: «Докатились! Жрать нечего, на прилавке пусто!» А шоферюга мне весело: «Как пусто? А яйца? Ты, брат, даешь!» Жора, с таким народом делай все, что угодно, хоть на голову гадь, он будет доволен, скажет: «Ништяк, зато тепло башке, не надо шапки».

Однажды после долгого сидения в алма-атинском Доме творчества я вернулся домой, позвонил Аксенову, предложил пообедать в Доме литераторов. «Встретимся у входа», –

коротко сказал Василий, и я понял: у него ко мне разговор, не предназначенный для чужих ушей. Мы встретились, побрели в сторону Никитских ворот. По словам Аксенова, он тайно переправил «Ожог» в Италию, одному из тамошних издателей, соблюдалась самая тщательная конспирация, и все эта акция стала известна Лубянке. «Каким образом?! Об этом знали только двадцать человек, всего-то!» – недоумевал конспиратор. Пришлось ему напомнить тезис, ставший расхожим: если в тайное предприятие посвящено хотя бы десять участников, оно заведомо обречено на провал. «Но они все такие надежные! Нет, я им верю, каждому из них!» Аксенов твердо решил: эта аксиома верна для кого угодно, только не для его товарищей. Я уточнил: по-моему, тезис в большей степени считает губителями тайн не предателей, а болтунов, среди коих попадаются и люди весьма порядочные. «Ну, тогда не знаю что и думать», – устало пробормотал Василий.

Наверно, так и было. Я знавал их всех, из этой славной двадцатки. Сомневаюсь, чтобы кто-то «стукнул», намереваясь подставить Аксенова. Скорей всего этот некто, тщеславный, сболтнул, желая придать себе значительности, щегольнув близостью к знаменитому писателю. Сболтнул, да кому не следует. А далее поползло по цепочке. И приползло.

Эта история, разумеется, не добавила властям любви к автору уже далекого «Звездного билета» и матерому «подписанту» еретических писем. А потом началась трагическая эпопея с «Метрополем».

Идея создания своего журнала давно обсуждалась в нашей компании, ему даже придумали название: «Лестница», журнал для экспериментальной прозы. Именно на этот несуществующий журнал и донес Анатолий Кузнецов, приплюсовав к писателям Олега Ефремова и, кажется, другого Олега – Табакова. Аксенова и Евтушенко выгнали из редколлегии «Юности», Гладилина уволили из «Фитиля», и идея на время заглохла, а потом возродилась из пепла. Теперь к этой идее подключили и Валентина Петровича Катаева, у которого уже был опыт создания неординарного журнала «Юность». К тому же он любил Аксенова и Гладилина, о чем мне говаривал сам и не однажды. Мэтр охотно согласился, группа писателей, самых именитых из нашего поколения, во главе с Катаевым даже сходила с нашим проектом к Демичеву, руководившему советской культурой. Но поход закончился полной неудачей.

И вот наконец «Метрополь». Когда его готовили, со мной Василий об альманахе не обмолвился и словом, хотя из этой затеи не делали особого секрета. До меня доходили слухи, будто Аксенов собирает авторов в некое свое издание, а помогают ему Виктор Ерофеев и Евгений Попов, тоже мне не чужие люди. Я помалкивал, был уверен: Вася позовет и меня. Но он не позвал. Потом, когда вокруг альманаха началась свистопляска и на авторов посыпались репрессивные меры, я все-таки поинтересовался у Аксенова: почему он не позвал меня? Он пояснил: ты – партийный, мы тебя решили не подвергать риску, по этой же причине обошли и Булата, и других подобных ребят. Им была памятна участь Бориса Балтера, подписавшего письмо «двадцати двух»: всех наказывали, отлучая от издательств, а его покарали особо – исключили из партии, что в ту пору было равносильно гражданской казни. «Не переживай, – посоветовал Вася с улыбкой, – когда будем собирать второй номер, мы тебя выведем из партии». Или он шутил, или в разгар погрома и впрямь подумывал о следующем номере «Метрополя».

Наверное, этот заезд в переделкинский Дом творчества стал для него последним. Он поселился в коттедже, в комнате на втором этаже. Я жил в корпусе, который теперь называют «старым». Временами к Василию приезжала Майя. Ее я застал и на этот раз, зайдя к Аксенову по какому-то делу, а может, всего лишь почесать язык. Майя тотчас заварила в стаканах чай, предварительно вскипятив воду с помощью спирали, именуемой кипятильником, – спутником командировочных в те годы. За чаем Василий спросил: не желаю ли я обзавестись щенком? Спаниель Майи Степан произвел на свет потомство, одного из Степановых сыновей и предлагал мой товарищ. Я ответил: таким желанием не горю, я – кошатник,

что тебе, Вася, известно, к собакам равнодушен, и вообще после потери нашего кота, кстати, тоже Василия, мы с женой твердо решили более не заводить в доме живность. Аксенов меня уговаривал и так, и этак, расписывая достоинства щенка. Напомнил историю из моей холостяцкой жизни: Наташа Владимова при его поддержке пыталась меня женить на миловидной цирковой артистке, дрессировщице собак. «Представь: ты утром проснулся, а перед постелью шпиц на задних лапках, принес твои шлепанцы, держит их в зубах», – посмеиваясь, искушал Аксенов. Но я тогда не поддался, устоял и сейчас.

Вскоре мы оба вернулись в Москву. А дня через два он позвонил, сказал: «Я и Майя сейчас рядом с вами. Вы с Ирой не будете возражать, если мы ненадолго заедем к вам?» У нас, разумеется, не было возражений. Открыв дверь, я увидел перед собой Василия, за ним стояла Майя. «Покажи ладони!» – потребовал гость. Я выставил перед собой ладони, и в них тотчас легло что-то мягкое, теплое. Это был щенок размером с тапочку, большую часть его тельца составляли длинные уши цвета шоколада. Это трогательное существо в мгновение завоевало наши души. Крошечный спаниель все еще оставался без клички, мы, вчетвером, рассевшись за столом на кухне, азартно принялись подыскивать малышу подходящее имя. Аксенов предложил одарить щенка грузинским именем Ушанги. Однако оно так и не прижилось, постепенно забылось, мы все время оговаривались, называя собачку Васькой, как и нашего кота, прожившего у нас около пятнадцати лет. И щенок охотно откликался. А через полгода нам пришлось отдать Ваську своей родне. Я часто бывал в отъездах, жена часто и серьезно болела и не управлялась с собакой. Об этом можно было бы не рассказывать, если бы не одно обстоятельство. Лет через семь, когда Аксенов уже преподавал в Америке, с его подарком случилась удивительнейшая история, почти в духе Андерсена. Я бы ее назвал так: «Пес и королева».

В тот день Леонард Георгиевич, хозяин Васьки, прогуливал теперь уже зрелого спаниеля в палисаднике возле хореографического училища Большого театра. Пес бегал по травке, наш родственник сидел на скамейке, поглядывал на резвящегося любимца и по сторонам. Спустя какое-то время его взгляд засек процессию из трех черных лимузинов, они важно прокатили по улице и затормозили перед зданием училища. Из машин вышли крепкие мужчины в черных же костюмах, затем появилась элегантная дама и в сопровождении мужчин направилась к подъезду. Даму заметил и Васька и вдруг возбудился – он-то, обычно не подходивший к людям незнакомым, сейчас перескочил через невысокую ограду палисадника и, виляя обрубком хвоста, подбежал к ногам дамы. Дама ласково потрепала пса по холке, говоря при этом какие-то слова. Встревоженный Леонард Георгиевич бросился к месту происшествия, однако на его пути встал мужчина в черном и вежливо произнес: «Не волнуйтесь, эта женщина – испанская королева София. Она сказала: «Здравствуй, земляк!» Хозяин Васьки не нуждался в расшифровке, он знал: исторической родиной спаниелей была Испания, где греческая принцесса стала королевой. Поприветствовав своего земляка на московской земле, августейшая особа скрылась за дверью подъезда, а пес, тоже выполнив свой долг, вернулся к хозяину. Будучи склонным к фантазиям, испытывая вечную тягу к многообещающему «если бы», я представил в своем воображении встречу русского писателя Аксенова с королевой Испании. «Ваше величество, при вашем посещении училища Большого театра, вас у порога приветствовал спаниель по имени Васька», – начал бы Аксенов свой диалог с королевой. «Это был приятный сюрприз: встретить на вашей земле, можно сказать, своего соотечественника, – вспомнила бы София и затем сообразила: – Василий Палыч, как я, наверное, догадываюсь, этот славный пес имел какое-то отношение к вам?» – «Он был сыном нашего Степана!» – торжественно ответил бы Аксенов. Кто знает, может, этот диалог состоится на самом деле, в свое время, конечно, Там!

Незадолго до отъезда Вася и Майя обвенчались в переделкинской церкви, там же, в Переделкино, на дачном участке отметили это событие. Свадьба одновременно стала и про-

щанием «молодых» с друзьями. В день их отъезда я заболел, простился с ними по телефону. Каждый раз, провожая наших товарищей в эмиграцию, мы испытывали чувства, схожие с теми, что испытывают на похоронах. Единственным утешением служило то, что они были живы. Так было и со мной, когда я говорил с Василием. Прощались мы навсегда. Однако временами между нами восстанавливалась пунктирная связь, мы передавали друг другу приветы через общих товарищей и знакомых, ездивших в Штаты. Однажды Михаил Рощин привез мне от него великолепные часы «Ролекс». Так долгие годы он жил без нас, мы без него. А потом произошло то, что ранее считалось неосуществимым чудом.

Вначале мы увиделись с Майей. Ее одиночный приезд внешне походил на разведку: ну-ну, посмотрим, что на самом деле происходит в стране. Иные из эмигрантов не спешили с приездом – Гладилин в свое первое появление в Москве долго стоял перед входом в ЦДЛ, не решаясь войти, и не вошел, сделал это только на другой день. Но что касается Аксенова, лично его, возможно, не отпускали лекции, семинары, словом, все, связанное с учебной программой. А пока Василия представляла Майя, собравшая нас, друзей, в просторной и вместе с тем по-домашнему гостеприимной мастерской Бориса Мессерера на Воровского.

И все-таки мы его дождались! Я приехал в Шереметьево с Юлиу Эдлисом. Кроме нас, Васю и Майю встречала небольшая команда журналистов и директор не очень-то крупного издательства, сам из писателей, каюсь, его фамилия выпала из памяти. Вот и все «представители общественности». Но, может, сие было и к лучшему – у Аксенова была возможность успокоиться. А вышел он к нам из недр таможни в некотором ошеломлении и от того, что под ногами московская земля, и от встречи с до боли знакомым и, казалось бы, уже забытым, типично советским. Его восторги мешались с возмущением, порой превращаясь в бессистемную речь. Перестройка перестройкой, а таможенники учинили затяжной скрупулезный шмон, перебрав и перерыв все его вещи до каждого шва. Как в старые недобрые времена.

Я вспомнил Васин рассказ из прошлых времен. Он возвращался из зарубежной поездки, на этот раз ехал поездом. Поездка была замечательной, с обилием прекрасных впечатлений. «Забылись все мерзости нашей жизни, но вот состав пересек границу и остановился на первой станции, там, за окном вагона, на стене вокзального здания был растянут красный плакат с призывом: «Решения партии в жизнь!» Меня едва не стошнило», – признался Василий.

Из аэропорта мы поехали к Эдлису, жившему тогда в доме на углу Воровского и Садового кольца. Его многокомнатная квартира на некоторое время и будет пристанищем для Васи и Майи.

В первые годы после его возвращения мы встречались поначалу довольно часто, но постепенно наше общение свелось к телефонным звонкам. В средине девяностых серьезно заболела моя жена, сам я работал в писательском издательстве ПИК, и на встречи у меня практически не было времени. А после смерти Ирины я и вовсе стал затворником. Василий, со своей стороны, жил на две страны. В свои приезды он, по его словам, «попадал на карнавал» – он снова привлекал к себе огромный интерес, его новые книги тотчас выходили к читателям, он был нарасхват у газет и телевидения. Словом, наши дорожки никак не совпадали, его жизнь протекала от меня в стороне. Редкие встречи случались – уходили из жизни наши товарищи, там, посреди печали, мы обнимались, что-то говорили друг другу, намереваясь встречаться, и на этом все кончалось. Поэтому я ограничил свои краткие воспоминания годами шестидесятыми и семидесятыми, когда наша дружба подкреплялась тесным общением. О том, каким Аксенов стал после эмиграции, расскажут друзья, которые были рядом с ним в последние его годы.

Свой рассказ о моем однокласснике Васе хочу закончить так: кому-то в шестидесятые – семидесятые Василий Аксенов представлялся баловнем судьбы, своего рода плейбоем. Да, он любил радости жизни, одевался со вкусом, даже с особым изыском, обожал джаз,

казался весельчаком-кутилой. Но только близкие ему люди знали о сложной, часто мучительной работе, не дававшей покоя его душе. Подтверждаю это отрывком из его письма, написанного мне в Паланге 26 августа 1971 года:

«…Очень обрадовался твоему письму, этой весточке с Большой земли, страны конных и пеших стиппль-чезов[16], столь далекой от нашего песка, где мы от суетных трудов освобождены, учимся в истине блаженство находить, которое было утрачено в стране стиппль-чезов, на Большой земле, откуда прилетело сиречь твое дружеское послание, преподнося тебе это заглавное колечко, я серьезно думаю о том, каким событием порой становится такая элементарная штука, как письмо. В день своего рождения (20 августа 1971 г. – *Г.С.*) я много думал о непрочности наших человеческих, литературных пьянок и плейбойских связей, о скудости нашей духовной жизни и о полнейшей самоизоляции даже в этой скудости.

Ведь мы же никогда не ведем друг с другом бесед на философские, религиозные, историко– (это слово я не разобрал. – *Г.С.*) темы. Ведем ли мы такие беседы сами с собой? Мы дико провинциальны, мы спокойно миримся с тем, что нас отрезали Иваны Иванычи от духовной жизни большого мира. Мы боимся стукачей, а надо, чтобы они нас боялись, и не потому, что мы какие-нибудь политики, а потому, что мы свободные люди.

Даже о своем ремесле мы почему-то перестали говорить друг с другом. Когда здесь Стас Красаускас (кстати, человек очень тонкого вкуса и понимания) завел со мной разговор о своей графике и вообще о путях искусства, я невольно поймал себя на мысли «да что это он, всерьез ли?».

Мы слишком легко, Жора, поддаемся капризам погоды и в заморозки спрятались в вонючий угол за печку».

Сам-то Аксенов, как мы знаем, не отсиживался в безопасных местах, потому-то его и выдавили из «страны стиппль-чезов».

[16] Стиппль-чезы – стипл-чейз (англ. *steeple-chase*), скачка по пересеченной местности до заранее условленного пункта, например, видной издалека колокольни (англ. *steeple*).

Анатолий Гладилин

Аксеновская сага[17]

Аксенову 75. Ни хрена себе. А мне? Лучше помолчать в тряпочку. Но мы же так не договаривались! Клянусь, мы так не договаривались, не помышляли, не предполагали. Нам с Коллегами казалось, что Вася, выигравший Звездный билет и подкрепившийся Апельсинами из Марокко, Катапультирует Под небом знойной Аргентины на своей любимой Затоваренной бочкотаре и, зацепившись за Золотую нашу железку где-то На полпути к Луне, будет купаться там в лучах громкой славы. Ну и мы, вместе с Товарищем Красивым Фуражкиным и Местным хулиганом Абрамашвили, каким-то чудом подтянемся к нему и останемся там вечно задорными, веселыми и молодыми, говоря потом следующим поколениям: «Жаль, что вас не было с нами». Но случился очень сильный Ожог, в результате которого нас всех разбросало по разным странам и континентам, а уж когда от России отделился Остров Крым, то вообще пошел сплошной Бумажный пейзаж, на котором изредка просвечивал Негатив положительного героя. Наступили времена – Всегда в продаже…

Чуда не произошло. Чудес вопреки законам природы не бывает. Однако, как я теперь понимаю, настоящих чудес мы не заметили, вернее, воспринимали их как должное. В шестидесятые годы, словно по мановению волшебной палочки и вопреки всем законам и традициям страны победившего социализма, в литературе появились молодые яркие таланты: Андрей, Булат, Белла, Володя, другой Володя, Женя, Жора, Роберт, Юра… (Список пускай читатели продолжат по собственному усмотрению, я назвал лишь тех, кто тогда был первым.) Чудом были поэтические вечера в Политехническом музее, на которые студенты прорывались через милицейские кордоны. Чудом были номера «Юности» с аксеновскими повестями и романами, которые читали в каждом вагоне метро и электрички. Чудом было и то, что никто из нас никому не завидовал, наоборот, мы любили друг друга, помогали и с каждой новой публикацией поздравляли примерно так: «Ну, старичок, гениальную написал штуковину!» Привыкшие к миллионной читательской аудитории, мы не понимали, что это само по себе чудо. И уж, конечно, подумать не могли, что доживем до времен (те, кто дожил), когда книги будут издаваться крошечным пятитысячным тиражом.

Аксенов заглядывает в мой текст. Строго:

– Чего тебя на сентиментальность потянуло? Уже возрастное? И почему ты Этого из списка не вычеркнул? Я с ним не разговариваю. Вот он показал себя демократом, а как до переделкинских дач дошло, так он с Феликсом Кузнецовым стал обниматься.

Я говорю Аксенову, что мои воспоминания из древней истории, из прошлого тысячелетия, а в прошлом тысячелетии так оно и было, и ничего нельзя вычеркивать. А ты, Вася, пойди побегай и не мешай мне работать. Ты же знаешь, с каким трудом я пишу. Помнится, сижу я в зимних Дубултах и с ненавистью гляжу на чистый лист бумаги…

Но сначала надо рассказать о зимних Дубултах. Несколько лет подряд мы с Аксеновым ездили в Дом творчества «Дубулты» именно зимой, когда Рижское побережье пустынно и засыпано снегом, и успевали за месяц пребывания в Дубултах написать каждый по новой книге. Собиралась в зимних Дубултах такая компания, перечисляю: Стасик Рассадин, Григорий Поженян, Аркадий Ваксберг, Алла Гербер, Герман Плисецкий, Стасик Куняев… Аксенов не был тогда таким строгим, он был, что называется, «хорошим парнем», и все с ним дружили или хотели дружить. (И Стасик Куняев тоже, я ничего не выдумываю.) Ну а дружба

[17] Опубликовано: «Октябрь», 2007, спецвыпуск к 75-летию Василия Аксенова.

с хорошим парнем, по русской традиции, сами знаете, во что выливается. А я ввел правило: до семи вечера все сидят, работают, никто ни к кому не заходит, никто никого не трогает. Вот после семи – пожалуйста, гуляй на здоровье. Однажды до обеда Поженян увел Аксенова, и вернулись они в столовую сильно навеселе, так я такой скандал устроил Поженяну, орал на него, как на проштрафившегося мальчишку. Кажется, он так мне этого и не простил…

Так вот, сижу я в своей комнате, в старом флигеле Дома творчества «Дубулты», и с ненавистью гляжу на чистый лист бумаги. Так обычно у меня начинается работа: час гляжу с ненавистью, потом появляется первая строчка. А в соседней комнате Аксенов. Значит, в тот день я несколько часов испепеляю ненавистью чистый лист и ничего не появляется. Дай, думаю, загляну к Аксенову – что он там делает и не увел ли его опять Поженян? Тихонько открываю балконную дверь, прохожу по снегу к окну Аксенова (тайком заглядываю в чужую жизнь!). И что я вижу: Аксенов, сволочь, вдохновенно пишет, пера не отрывает от бумаги, и лицо у него такое счастливое! Таким счастливым я больше никогда его не видел.

Помню и другое. Седьмое марта 1963 года. Я жду в ЦДЛ, когда вернутся наши ребята. Наши ребята (смотри по списку) – на встрече Партии и Правительства с творческой интеллигенцией. Наши ребята держатся молодцом, вчера хорошо выступал Роберт… Но почему-то долго затягивается эта встреча с Партией и Правительством. Наконец, в Пестрый зал входит Аксенов. Лицо белое, безжизненное. Впечатление, что никого не видит. Я молча беру Аксенова под руку, подвожу его к буфету, говорю буфетчице, чтоб налила полный фужер коньяку, и медленно вливаю в Аксенова этот коньяк. Тогда он чуть-чуть оживает и бормочет: «Толька, полный разгром. Теперь все закроют. Всех передушат…» Далее мы сидим за столиком вместе с Эриком Неизвестным, тоже вернувшимся со встречи, и Эрик, которому после Манежа уже ничего не страшно, внятно рассказывает, что происходило на встрече с Партией и Правительством. Хрущев топал ногами на Вознесенского. Хрущев стучал кулаком по столу и кричал Аксенову: «Вы мстите нам за своего отца!» А Вася, по его словам, отвечал Хрущеву, дескать, почему я должен мстить, мой отец вернулся из лагеря живым. А по словам Эрика, Вася стоял на трибуне совершенно растерянный и повторял: «Кто мстит? Кто мстит?»

Между прочим, для полноты картины: в те времена никто из наших ребят не умел выступать с трибуны, кроме Того, которого Аксенов сейчас хочет вычеркнуть из списка. Тот был талантлив во всем, даже в области политической демагогии.

После Международного женского праздника 8 Марта советская пресса как с цепи сорвалась. В сельскохозяйственных и промышленных изданиях клеймили молодых писателей-модернистов, оторвавшихся от народа. По старым меркам, двух статей в «Литературке» хватило бы на десять лет лагерей, а «Литературка» плевалась полгода. Но ведь Хрущев был непредсказуем. И вот на собрании Союза писателей я слышу старого партийного держиморду, который чуть ли не сквозь слезы причитает: «Аксенова вся наша общественность ругает, а он по заграницам разъезжает! Как же так, товарищи?» Ушлые товарищи негодуют, но смекают, что ничего так просто в нашей стране не происходит, значит, это какой-то знак свыше – дескать, Аксенова можно кусать, но съесть нельзя. А я-то знал, что произошло на самом деле. В понедельник 9 марта Аксенов обнаружил у себя на столе заграничный паспорт и авиабилет. В последние кошмарные дни он совсем забыл, что включен в делегацию советских кинематографистов на кинофестиваль в Аргентину. Аксенов решает: была не была, кладет в чемодан пару сухарей – на случай, если его арестуют прямо в аэропорту, – и мчит в Шереметьево. Там его радостно приветствует делегация кинематографистов. Самолет улетает. В середине дня на аксеновской квартире звонит телефон, требуют Аксенова. Кира (его первая жена), озверевшая от всех этих событий, очень нелюбезно осведомляется, кто его спрашивает. Ей еще более нелюбезно отвечают: «Из ЦК партии». – «Нет его!» «А где он?» – «Улетел в Аргентину». Гробовая пауза. Затем истошный вопль: «Кто пус-ти-и-и-л?!»

Ну прошляпили, накладка вышла. Зачем в этом признаваться? Сделаем вид, что так и было задумано. И игры с Аксеновым продолжались. (Впрочем, в хрущевскую оттепель со всеми нами играли. Получаешь по морде, выбрасывают из сверстанного журнала твою повесть, рассыпают набор книги, отменяют премьеру пьесы, а потом, через несколько месяцев, вдруг – звоночек с интересным предложением.) Я очень любил устный рассказ Аксенова о том, как его принимал министр культуры РСФСР. Огромный кабинет, чаек, «коньячку не желаете?» Старший партийный товарищ вразумлял молодую смену ласково и доверительно: «Василий Палыч, твою мать, написали бы вы что-нибудь, на фуй, для нас. Пьеску о такой, блин, чистой, о такой, блин, возвышенной, на фуй, любви… У нас тут, блин, не молочные реки и не кисельные, твою мать, берега, но договорчик мигом, на фуй, подпишем. И пойдет, блин, твоя пьеска гулять по России, к этой самой матери». Все нормативные слова министра культуры Аксенов запомнил. Ненормативную лексику запомнить было невозможно, а беседа продолжалась час. Большим был мастером русского языка руководящий товарищ. Теперешним новым русским надо бы поучиться у старой партийной гвардии…

При Брежневе игры стали жестче и изощреннее. Звонит мне в Париж (а я уже отщепенец, клеветник и работаю на вражеской радиостанции) знаковый итальянский переводчик в полной панике. Он перевел аксеновский «Ожог» на итальянский. Книга готова, тираж отпечатан, а тут приехала дама из Москвы, утверждает, что она лучшая подружка Аксенова и от его имени требует пустить тираж под нож или задержать выход «Ожога» хотя бы на год. Знаешь ли ты эту даму? Я отвечаю – мол, знаю, при мне еще был их бурный роман, тут она не врет. Но мы с Аксеновым, когда он последний раз был в Париже, рассматривали все варианты и такой тоже. Поэтому последнее слово за мной. И я говорю: «Немедленно пустить «Ожог» в продажу. Итальянское издание романа и пресса вокруг него – залог безопасности советского автора».

Аксенова выталкивают в эмиграцию. В парижском аэропорту автора прогремевшего «Ожога» встречают пресса, кино и телевидение. Я везу аксеновское семейство на их временную парижскую квартиру и тихонько осведомляюсь у Васи, в курсе ли он «итальянского инцидента». Не в курсе. Тогда я рассказываю, добавляя от себя комментарии, типа – как же так, Вася, ведь такая у вас любовь была, а она продала тебя с потрохами! «Ну что ты хочешь, – философски замечает Аксенов, – видимо, ГБ ее поймало на чем-то и завербовало. Слабая женщина. И не таких ГБ ловило и ломало».

Аксенов заглядывает в мой текст.

– Толька, ты соображаешь, что пишешь? Хочешь, чтоб у меня был семейный скандал? Я ведь не помню, она была до Майи или одновременно с Майей.

Майя – вторая жена Аксенова. Я его успокаиваю. По моим подсчетам, она была точно до Майи. Аксенов смотрит на меня подозрительно: «А чего ты вдруг в воспоминания ударился? Наступило время мемуаров?»

Я знаю, что, по теории Аксенова, писание мемуаров – это для литератора абсолютная сдача позиций. Дальше только гроб. Я объясняю, что сейчас перейду к анализу творчества, а пока хочу рассказать о Том, с кем ты не разговариваешь, но очень дружил когда-то (как и все мы). Как Тот явился к тебе на квартиру в Вашингтоне и начал поучать, что ты имеешь право делать в эмиграции, а чего не должен делать ни в коем случае. Ты был потрясен и потом перезвонил мне в Париж и повторил его текст, и я подтвердил: «Чистой воды гэбэшная диктовка». И еще я хочу рассказать о Феликсе Кузнецове, как он, уже в другие годы, после перестройки, бросился к тебе обниматься-целоваться. А ведь Феликс Кузнецов был главный травитель авторов «Метрополя». Теперь-то выяснилось, что не ЦК и не ГБ организовали кампанию против альманаха «Метрополь». То есть они, конечно, не препятствовали травле, но инициатором всей кампании был Феликс Кузнецов, на вас он делал карьеру. Так что, Вася, пойди побегай.

Аксенов убегает. Уф! Пользуясь его отсутствием, спешу наябедничать. Жуткий образ жизни ведет тов. Аксенов. Просыпается утречком и, вместо того чтобы перевернуться на другой бок, садится к компьютеру и пишет страницы две нетленки. Затем убегает куда-нибудь на час. Если он в Москве, то днем его достигают радио, телевидение, газеты. А в Биаррице он работает до вечера. Потом совершает прогулки с Пушкиным[18] (почти по Синявскому) к морю. После ужина (в Москве и Биаррице) опять запирается у себя в кабинете и пишет допоздна. А если выпадает свободное время, то он, вместо того чтобы проводить его, как и все порядочные люди нашего юного возраста, в приемной у врачей, играет в баскетбол. И очень удивляется: почему его до сих пор не пригласили в сборную? Раз в год он мне сообщает: «Ну, я новый роман написал. А ты?» А я, стыдно сказать… Почему я люблю, когда он бегает? Знаю, что в тот момент он точно не пишет.

О его книгах, написанных в Америке, в американской прессе опубликовано больше статей, чем о любом другом русском авторе, выходце из СССР (кроме, естественно, двух наших нобелевских лауреатов, с ними не сравниваю). Тем не менее Аксенов в Америке так и остался известным писателем для узкого круга. Подозреваю, что он хотел быть автором американского бестселлера и весьма огорчился, что ничего не получилось. По моему разумению, даже теоретически не могло получиться. Чтоб создать американский бестселлер, надо писать плохо и о глупостях. А вот этого Аксенов, при всем старании, не сумеет. Зато в России Аксенов совершил невозможное. Помню, перед матч-реваншем знаменитого американского боксера-тяжеловеса, бывшего чемпионом мира, старый тренер ответил категорично: «Они не возвращаются». И он оказался прав. И статистика подтверждает – бывшие чемпионы не возвращаются.

Аксенов совершил невозможное. Он вернулся. Тяжеловесные удары: «Новый сладостный стиль», «Кесарево свечение», «Вольтерьянцы и вольтерьянки», – и Аксенов вновь стал популярным писателем у себя на родине. А ведь он не гнался за читателем и продолжал рисовать своих аксеновских героев и писать о вечных проблемах – любви, смерти, предательстве, верности долгу. Казалось, самоубийственный путь. Казалось, кого это ныне интересует?

Прошлый век был апогеем книги. Книга, по разным причинам, являлась учебником жизни, зеркалом на большой дороге, отвечала на вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?» За книгу сажали в тюрьму, за книгу убивали. Книга была предметом искусства, читатели заучивали наизусть страницы прозы. Апогей пройден. Книга превратилась в обыкновенный товар, как редиска, как мыло, как подштанники. А товар надо уметь продавать, только и всего.

Вот что пишет по этому поводу один литератор: «…В наше время хлопотливой и бессмысленной суеты, когда никто не дослушивает друг друга до конца, когда книги не дочитываются, но лишь приоткрываются, с единственной целью дальнейшего – «по поводу» – словесного блуда, когда творцы бешено колотят по своим пиш. машинкам, одержимые возвышенными идеями попасть в коммерческие книжные клубы, огрести лопатой пресловутые «роялтис», ублажить мегаломанические свои страстишки, хапнуть, хапнуть, хапнуть, создать вокруг себя клику подхалимов и отшвырнуть подальше малопочтительных коллег, которые и сами, погрязая в бесконечных пустопорожних интервью, презентациях, публичных дискуссиях, зверея от телефонных звонков, гонят, гонят, гонят круговую безостановочную гонку, без промежуточных финишей, стараясь хоть на секунду задержать внимание совершенно озверевших под потоками книжного дерьма читателей, поразить мир злодейством, стащить с себя штаны, плюнуть в суп соседу по коммуналке…»

[18] Собака Аксеновых.

Согласитесь, абсолютно злободневное описание российских литературных нравов. Точнее не скажешь. Смущают, правда, пишмашинки: нынче бешено колотят по клавишам компьютера. Я процитировал отрывок из статьи, опубликованной в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 6 ноября 1984 года. Статья посвящалась памяти американского профессора и издателя «Ардиса»[19] Карла Проффера, а заодно описывала положение на американском и эмигрантском книжном рынке. Автор статьи – Василий Аксенов. Через 23 года все совпало.

Как говорится – дар предвидения.

Аксенов в Лувре[20]

…К сведению его коллег и приятелей: не надо расстраиваться, хвататься за сердце, глотать валидол – Аксенова в Лувре пока не выставили.

Я должен был бы заподозрить недоброе еще в июле, когда Аксенов прилетел из Москвы и попросил отвезти его к Рене Герра. Мы провели у профессора Герра полдня, осмотрели его знаменитую коллекцию русских книг и картин – только Розанова сорок томов на одной полке, и все с автографами! Потом Аксенов уехал в глухую деревушку под Ниццу – писать книгу, а я был ужасно горд, что вот так, невзначай, повысил свой культурный уровень. Вернувшись с юга, Аксенов мне позвонил. «Вася, – предложил я, – пойдем к бабам», – обычное мое предложение вот уже в течение многих лет. «Пойдем в Лувр», – сказал Аксенов. В музей?! Опять?! Да что он, озверел? Но пораскинув мозгами (оставшимися), я решил, что эта идея, пожалуй, более актуальна на сегодняшний день…

В Лувре я был последний раз семь лет назад, когда министр культуры пригласил журналистский корпус на открытие подземной галереи. Журналисты тупо обозревали откопанные древние каменные стены, затем резво устремлялись – кто к буфетным стойкам (задарма), кто в верхние залы музея (бесплатно). Теперь под Лувром организовался настоящий город, с кафе, ресторанами, книжными и художественными магазинами, туристскими агентствами, все чисто, сверкает, народу – как в московском метрополитене в часы пик. Я чувствовал себя здесь провинциалом, впервые попавшим в столицу, а Аксенов уверенно ориентировался в подземном лабиринте и вывел меня к экспозиции Египта эпохи фараонов.

У фараонов было хорошо. Тихо, спокойно. Аксенов обстоятельно рассматривал стенды с домашней утварью, фотографировал, чиркал в блокноте. Раньше я проносился по египетским залам бодрой рысью. Сейчас, от нечего делать, переглядывался с фараонами, ихними женами, любовницами, богинями. Судя по интимным пожатиям рук, они, фараоны, их путали, любовниц и богинь, морально разлагались с теми и другими. И какие у всех красивые глаза! А бабы образца тысяча двухсотых годов до Р.Х. – вылитые современные топмодели. «Толька, найди мне щипчики», – сказал Аксенов. Я обежал стенды, нашел массу заколок и булавок, ожерелья, наконечники стрел и пик, бритвы, ножи, маленькие чашечки и… вазы. Щипцов не было. «Я их видел тут», – настаивал Аксенов. Я знал, что Аксенов пишет исторический роман, ему важны подробности быта, однако за каким чертом ему дались именно щипчики? «Вася, часть экспонатов на реставрации, – я перевел текст объ-

[19] «Ардис Паблишинг» (англ. *Ardis Publishing*), американское издательство, специализировавшееся на издании русской литературы на языке оригинала и в английском переводе. Наряду с издательствами «Посев», «YMCA-Press» и «Издательством имени Чехова» «Ардис» являлся крупнейшим зарубежным издательством, публиковавшим литературу на русском языке. «Ардис» создан весной 1971 г. в городе Энн Арбор славистами Эллендеей и Карлом Профферами. За годы существования в издательстве вышло более 500 книг. Название «Ардис» взято из романа В. Набокова «Ада», где является названием поместья. Эмблемой издательства был дилижанс с гравюры В. Фаворского, иллюстрирующий пушкинскую фразу: «Переводчики – почтовые лошади просвещения».

[20] Из книги «Жулики, добро пожаловать в Париж!», Москва, РИПОЛ классик, 2010.

явления с французского, – администрация приносит извинения». – «Сперли щипчики», – горестно вздохнул Аксенов.

Для приличия мы поднялись в зал итальянской живописи. Около «Моны Лизы» – вавилонское столпотворение. Не протолкнешься. Толпа гудела, махала руками, как на рок-концерте. Разве что не плясали. А рядом – уникальные полотна, например, «Юпитер испепеляет грешников». Хоть бы один японец покосился на Веронезе. Нет, всем подавай «Мону Лизу»! Звездная болезнь, голливудские нравы.

Мы поспешили покинуть современный Вавилон и разыскали Вавилон древний, экспозицию «Искусство стран Междуречья». Там душа отдыхала. Пусто, выросла капуста. Аксенов снова прилип к застекленным стендам (инструменты эпохи – несколько заостренных камешков), а я не мог оторвать взгляда от огромных быков с человеческими головами. Раскопали эти каменные статуи (Месопотамия, 3050 год до Р.Х.) в позапрошлом веке немецкие археологи. «На самом деле, – объяснил Аксенов, – археологи были шпионами, следили за англичанами, которые прокладывали железную дорогу, и сами обалдели, наткнувшись на такое богатство». Я гляжу на быков: удивительно одухотворенные лица у товарищей. По сравнению с ними… Напрашивается банальная острота. Обойдемся. «Вася, вот эта клинопись на стенах, колоннах, табличках – это молитвы, царские указы?» – «Все что угодно. Люди Междуречья были маньяками хроники, записывали все подряд. Например, постановление общины: Рыжий Лис бросил жену, ушел к соседке – общественность рекомендует Рыжему Лису вернуться к законной супруге или взять соседку как вторую жену».

«Семейный конфликт, любовный треугольник, – подумал я. – И все зафиксировано». Нечто вроде городской прозы, которую мы с Аксеновым возобновили в России через пять тысяч лет.

Анатолий Найман

Меня просили написать о нем к его 70-летию и к 75-летию. Сейчас – in memoriam. Я предлагаю написанное тогда. Это естественно – повторить то, что сказал прежде. Единственное, что хочу прибавить, это то, как ведет себя чувство утраты.

Когда позвонили и сказали, что у Аксенова инсульт, во мне отозвалось рефлекторно: проклятье! Потом растерянно: что же это такое! Наконец, более членораздельно: он бывал в переделках, подождем. Первое и второе понятно, третье – потому что на моей памяти ему не однажды удавалось одолевать трудности, неприятности и испытания.

Несколько раз мы хотели вспомнить, когда познакомились. К согласию не пришли, положили вести отсчет от 1960-го, просто как ровной даты. Потому что совпадающе в деталях рассказывали что-то из конца 50-х: события, в которых оба участвовали, антураж конкретных встреч, присутствие на них таких-то и таких-то людей и кто что говорил, хотя припомнить во всем этом один другого не могли.

Тогда в Ленинграде, где мы оба учились, он в Медицинском, я в Технологическом, появились так называемые лито – литературные объединения пишущей молодежи. Одно из получивших общегородскую известность и представительность – Промкооперация, куда мы оба ходили. Название взялось от Дома культуры, с Промкооперацией к тому времени уже никак не связанного. Приходивших было когда двадцать, когда тридцать. Из медиков самым заметным был, да и вообще, пожалуй, самым авторитетным, Илья Авербах, ставший потом кинорежиссером, а тогда писавший стихи. Сочинял и песни, напевал, простенько подыгрывая на гитаре: «Ты скажешь спасибо – за чай за сахар, а я заплачу – за стол и белье». Не то в Биаррице, не то в Фэрфаксе, помню, что за границей, мы с Аксеновым этот куплет вспомнили, а он еще: «Нужно так попрощаться, чтоб больше не сметь – ждать письма, чтоб ни слуха ни духа; разве я не сказал вам: для двоих называется смерть – то, что все остальные для них называют разлука». Я сказал – подчеркнуто сдержанно, – что автор песенки я… Как это ты? Я от него слышал… Слышал, может, от него, а песенка моя… Может, и твоя, но я буду продолжать считать, что его.

Из Медицинского ходил еще прозаик, он написал рассказ про сенбернара, полюбившего болонку, трогательный, но самое замечательное было, что сочинитель был уверен, что порода называется «сербернар», так на протяжении всего повествования и произносил, а поправленный – долго спорил, что правильно у него, а не у критиков. Аксенов на этих собраниях держался незаметно, потом просто взял и напечатал «Коллеги». Никто ему не завидовал, публикация в то время в нашем ленинградском кругу расценивалась скорее как что-то бросающее и на произведение, и на автора тень.

Немного позднее, в начале 60-х, на меня напала хворь под названием вегетодистония, что-то с сосудами. Один приступ случился на улице, я доплелся до скверика, прилег на скамейку. Старушка с соседней вызвала «скорую». Молодой врач, услышав мою фамилию, сказал, что знает ее от своего сослуживца Сени Ласкина. Ласкин учился на одном курсе с Аксеновым и тоже писал прозу. Я знакомство подтвердил. Врач мое состояние определил как «ничего страшного» и предложил отвезти меня не в больницу, а ко мне домой – «отлежитесь». Недели через две мы с Аксеновым были в одной компании, и он рассказал историю, как я не мог поймать такси, остановил «скорую» и велел доставить себя по домашнему адресу.

Этих эпизодов, фрагментов наших разговоров, обстоятельств встреч в моей памяти десятки. Месяц вдвоем в Клогаранд, авантюрные полмесяца на Сааремe, десять месяцев в Вашингтоне, из них первый – в его доме, и потом по месяцу, по пол, когда, приезжая, останавливался у него, и его наезды ко мне, когда одно лето мы жили в соседних рыбац-

ких деревнях в Латвии, – даже календарно это порядочный кусок жизни. Вася – имя, в России подталкивающее к запанибратству. В юности, молодости, сходя в корешении к Ваське, мы показываем этим такую его простецкость, по сравнению с которой любое наше будет, пожалуй что, и повыше. Предшествуемое союзом «и», оно значит: все, конец, привет, пока – и вася. Падчерица обращалась к нему Василий Петропавлович. Брат моей подруги-англичанки, к которой я его направил, называл Вазелин Аксолотль.

Но я пишу сейчас не воспоминания о нем. Не показания даю, не свидетельство оставляю, не признания делаю. Тоска, желание дать знать ему, отсутствующему, о своей привязанности, надежда, что еще одна сцена растормошит его, замкнувшегося в смерти, приблизит к нему, не подающему о себе вести, – вынуждают оборачиваться к общему прошлому. Считается, что боль любой потери со временем притупляется, утихает. Но есть и такие, когда, наоборот, только обостряется. Промежуток между парализовавшим его инсультом и смертью стал буфером между им живым и мертвым, приучил к тому, что его все меньше, что утекает, уходит. Смерть, похороны были – уже полуумершего, полупохороненного. И вот идет третий год, а его отсутствие я чувствую все более реально, более лично, более вызывающе, жгуче. Хочется произносить беспомощно: он был добрый, умный, веселый, широкий. Родственный. Ни разу не давший возможности себя поблагодарить.

[К 70-летию][21]

Василий Аксенов из тех писателей, у которых есть талант опережать время на день, на месяц, на год. Угадать ближайшее будущее ему интереснее, нежели оценить прошлое. Этим во многом объясняется успех, которым были встречены первые его сочинения и который сопровождает его книги до сих пор. Читателям не хватает – или кажется, что не хватает – какой-то малости, чтобы понять, что тип завтрашнего дня – вот этот, мысль завтрашнего дня – вот эта, стиль завтрашнего дня – вот такой. А не тот, не та, не этакий, модные сегодня. Наткнувшись на них в книге, читатель принимает их без обсуждения, как будто всегда знал, что оно так, и назавтра без сомнений утверждает их. Сам. Таким образом, писатель, вроде Аксенова, наполовину опознает имеющее быть и предлагает его для опознания другим – наполовину научает других, что́именно следует им выбрать и установить.

Я написал «вроде Аксенова» не потому, что знаю в России последних десятилетий еще кого-то, наделенного даром такого качества, а лишь для того, чтобы определить ряд писателей, в который он входит. Время от времени они появляются и пользуются особым спросом. Потом заменяются следующими – подобной же отмеченности. Аксенов уже пятое десятилетие остается на месте, которое занял от начала. «Ожог» значил для 1970-х то же, что «Коллеги» и «Звездный билет» для 60-х. Книги, написанные в эмиграции и дошедшие до России в 90-х, то же, что его радиопрограммы, доносившиеся из эфира в 80-х. Сейчас, в 2000-х, он и как писатель, и как общественная фигура оказался в новом амплуа: на фоне широковещательных, безостановочных и тем самым стирающих друг друга предсказаний он стал выразителем здравого смысла, основательности и взвешенности суждений, порождаемых проницательностью и проверенных жизненным опытом.

Аксенов – писатель такого уровня наблюдательности и различаемости происходящего, зрительных, а еще больше слуховых, который сравним с чуткостью приборов. Тепло, проявляемое людьми, давление, оказываемое ими друг на друга, фиксируется им с достоверностью термометра-манометра. Но он этим не ограничивается. Мы никогда не можем сказать с уверенностью, только ли записал он чью-то конкретную реакцию, которой оказался свиде-

[21] Опубликовано в специальном издании университета им. Джорджа Мейсона (США), посвященном Василию Аксенову («For Vassily Aksyonov Thoughts on Your Retirement George Mason Universiti, April 21. 2004»).

телем, чью-то фразу, которую услышал, или, что называется, «придумал», смоделировав по реально бывшей, обострив, укрупнив, отшелушив ядро. Поэтому мы и принимаем реплики его персонажей одновременно за уличную речь и за афоризм, а их жест и непосредственный поступок одновременно за физиологию и за фигуру танца.

Часто он добивается этого, помещая героев в эксцентричную обстановку парадокса и абсурда. Не в качестве приема, то есть не создавая карнавальное, временное, исключительное, искусственное пространство, а опять-таки проявляя ровно то, в каком сплошь и рядом пребывают их реальные прототипы-двойники. Во времена советского режима это впрямую демонстрировало фантасмагорию, официально выдававшуюся за социализм, сейчас – мелочность того, что объявляется крупным, полицейскость того, что свободным, вымысел того, что действительным.

Аксенов – писатель хорошего настроения. Его герои переживают выпадающие им скорбь, конфликты, беды всерьез, не отводя глаз, не уклоняясь в утешительные подмены. Но они никогда не упускают шанса обнаружить в положении, куда их завела судьба, забавную черту, окраску, поворот. На это они опираются, в этом получают ободрение. Из его книг следует, что не только не отчаянием движется жизнь, но даже и не преодолением его, а желанием радоваться. Хотя они и видят, что мир не праздник, они ищут и находят в нем праздничность, которая присуща ему от сотворения наравне с унынием и безразличием.

В этом, возможно, причина привязанности писателя к джазу и спорту. Целый ряд ранних его вещей развивается как джазовая пьеса, для которой исполнение значит столько же, что и композиция, тема, ноты. Точнее, исполнение и есть она сама. В более поздних такая манера используется внутри отдельных фрагментов, иногда достаточно крупных. Задана тема, идет импровизация, игра с гармонией, любопытство толкает пробовать то и это, подбирать нужное «слово», приходит, если повезло, наконец что-то верное, закрепляется, задача разрешается…

В спорте предпочтение Аксенов отдает баскетболистам. Я знаю его с конца 1950-х годов и свидетельствую, что к нынешнему времени он может с центра площадки забросить из-за головы от трех до семи мячей из десяти.

[К 75-летию][22]

Что Аксенову 75, не производит на меня сильного впечатления. Не вижу, чтобы он очень изменился с 25-ти. Разве что сделался немыслимо публичной фигурой и во множестве интервью столько рассказал о себе, что не представляю, что бы я мог прибавить еще не рассказанного. И все-таки…

Из того, что не знал в молодости, за полвека близких отношений я узнал:

– благородство его натуры (которое в молодости не замечаешь – спроса нет);

– величину творческого заряда, разнообразие направлений его действия;

– вообще витальность и жизнестойкость;

– неснижаемый интерес к происходящему вокруг;

– отвращение к любым производным тоталитарной власти, к любой авторитарности, к любым ограничениям личной свободы (это и в молодости, но тогда отвращение к советскому режиму было у нас на уровне физиологии).

Главные перемены:

– что тогда бесконечно шлялись и пройти от Аничкова моста до Крестовского острова не представляло труда, а сейчас с Пушкинской до Охотного едем на машине;

[22] Опубликовано: «Октябрь», 2007, спецвыпуск к 75-летию Василия Аксенова.

– что тогда знание иностранных языков ограничивалось более или менее ай-эм-э-бой, а сейчас он шпарит по-английски «не хуже Бориса Шекспира», да и французский подтягивается;

– что тогда броски по баскетбольному кольцу производились с большей грацией, сейчас зато процент попадания повыше.

Что касается литературы, то все 50 лет открываю его книги с неубывающим хорошо темперированным желанием – от «Звездного билета» до «Редких земель». В молодости еще с примесью акмеистического высокомерия и снобизма, а потом – зная, что прочту что-то, чего не прочту ни у кого другого, и так, как ни у кого другого, выраженное. Некоторые молодые рассказы люблю трепетно и пылко. В целом же исхожу из того, что он прирожденный писатель, весьма замечательный, и если наталкиваюсь на что-нибудь не вполне удачное, то принимаю это как не вполне удачное у прирожденного писателя, весьма замечательного.

Короче говоря, о 25-летнем храню память нежную, признательную и драгоценнную. Но 75-летнего на трех 25-летних не меняю.

Владимир Виттих[23]

Воспоминания о Василии Аксенове

С Василием Аксеновым я познакомился в Таллине в мае 1967 года на международном джазовом фестивале «Таллин–67»[24], где участвовал и наш джазовый ансамбль новосибирского Академгородка, в котором я был пианистом и руководителем. Играли мы в несколько необычной манере, что побудило, по-видимому, Василия задать мне несколько вопросов, в частности, о моем отношении к фри-джазу[25], о чем он написал потом в журнале «Юность» в своей статье, посвященной этому фестивалю.

Конечно же, В. Аксенов был кумиром молодежи шестидесятых. Его литературные герои не только были близки и понятны нам, но и формировали мировоззрение целого поколения молодых людей, которые воспитывались на прозе Аксенова. Думаю, что именно поэтому мое знакомство с Василием произошло легко и естественно, а наш диалог, начавшийся на таллинском джаз-фестивале, продолжался более сорока лет.

В январе 1969 года В. Аксенов приехал в Академгородок, и мы прожили с ним десять дней, насыщенных событиями и интересными встречами, в моей квартире, расположенной в доме по улице Ильича, которая была названа в честь Владимира Ильича (Ленина), хотя многие считали, что не был забыт и Леонид Ильич (Брежнев). В шестидесятые годы Академгородок славился не только научными достижениями, но и своим культурным развитием, новациями в экономике.

Взять хотя бы фирму «Факел», созданную при Советском райкоме комсомола г. Новосибирска в период «косыгинских экономических реформ» и породившую всплеск предпринимательской деятельности. Молодые научные сотрудники и инженеры институтов Сибирского отделения Академии наук СССР через эту фирму заключали хозяйственные договоры с предприятиями на разработку и внедрение новейших технологий, приборов и оборудования. Делалось это оперативно, без бюрократической волокиты и бесконечных согласований, характерных для того времени. Значительная доля прибыли от этой деятельности использовалась для финансирования культуры.

В результате невероятно активизировалась общественная жизнь Академгородка, до того времени сконцентрированная в широко известном клубе-кафе «Под интегралом»[26], где я дважды в неделю выступал со своим джаз-ансамблем. Появился литературный клуб «Гренада» (где В. Аксенов в период пребывания в Академгородке неоднократно выступал с чтением своих рассказов и повестей), Художественная галерея, в которой выставлялись привезенные из запасников Москвы «запрещенные» в то время Филонов, Гриневич, Фальк, Эль Лисицкий, фехтовальный клуб «Виктория», где детей учили не столько фехтованию, сколько мушкетерскому кодексу чести, киноклуб «Сигма», джаз-клуб «Спектр» и другие.

Василий «с головой» погрузился в эту пучину академгородковской жизни, вынашивая идею будущей замечательной повести «Золотая наша Железка». В первый же день своего пребывания в Академгородке (в повести – городок Пихты) Василий встретился с моло-

---

[23] Виттих Владимир Андреевич (р. 1940), доктор технических наук, профессор, научный советник Института проблем управления сложными системами РАН, г. Самара; джазовый музыкант.

[24] «Таллин – 67» – джазовый фестиваль (май, 1967 г.), на котором впервые можно было вживую услышать настоящий джаз в исполнении тридцати джазовых групп и оркестров из Скандинавии, России, Польши и Прибалтики.

[25] Фри-джаз (англ. *free jazz*, буквально «свободный джаз»), стиль современной джазовой музыки.

[26] Кафе-клуб «Под интегралом», организованное в новосибирском Академгородке в начале 1960-х гг., являлось одним из ярких символов «хрущевской оттепели».

дым академиком Роальдом Сагдеевым (прототипом Эрнеста Морковникова), с которым он учился в первом-втором классах школы в Казани. Р. Сагдеев пригласил нас в Институт ядерной физики – самый крупный научный комплекс Железки (так в повести назывался весь комплекс институтов), где познакомил со знаменитым академиком Г.И. Будке– ром, который стал прообразом Великого-Салазкина. После интересной экскурсии и увлекательных бесед мы вышли из Института, и Г.И. Будкер, посадив целую компанию в свой огромный «ЗИМ», сам сел за руль. В «Золотой нашей Железке» этот «ЗИМ» будет фигурировать как «Кадиллак» выпуска 1930 года, «за рулем которого возвышался Великий-Салазкин».

Герои повести любят посидеть вечерами в кафе «Дабль-фью» (в реальности клуб-кафе «Под интегралом»), возникшем на пустом месте стараниями Кима Морзицера, в котором узнается доктор физико-математических наук Анатолий Бурштейн.

В «Золотой нашей Железке», написанной В. Аксеновым в 1973 году, он предрекает жителям городка Пихты, поначалу наполненным энтузиазмом, разочарование. В реальной жизни было то же самое. «Все удивительное и уникальное, что я увидел в Академгородке, долго продолжаться не может», – говорил он. Я помню, когда в гостях у Р. Сагдеева мы заговорили о предстоящем моем и его (Сагдеева) отъезде из Академгородка (а мы покидали его приблизительно в одно и то же время), Василий высказался одобрительно: «Правильно делаете!». Тогда мне показалось, что его позиция не очень-то обоснована. Но Аксенов оказался прав – в начале семидесятых был закрыт «Факел», клуб-кафе «Под интегралом» и многие другие общественные объединения. Застойные явления начали проникать и в Академгородок.

Крымчане, после выхода в свет романа «Остров Крым», увидели в В. Аксенове геополитического футуролога. Дело в том, что я присутствовал при встрече Василия с группой причастных к политике жителей Симферополя (мы отдыхали в соседних санаториях в Мисхоре), которые предлагали ему стать президентом Республики Крым, за создание которой они вели политическую борьбу.

Об отношении самого В. Аксенова к предсказаниям написал в журнале «Performance» (№ 1–2, 2003 г.) его близкий друг писатель Евгений Попов, который привел следующее высказывание Василия в дискуссии за круглым столом по теме «Гармония и хаос» на Самарской ассамблее в 2001 году: «В мире происходят изменения и события политического, экономического, научного, исторического порядка, которые так или иначе являются статистически предсказуемыми. Но мы не можем предсказать, а можем только почувствовать некоторые метафизические изменения, которые, как мне кажется, у нас на носу». Я думаю, что многие события В. Аксенов именно предчувствовал.

В Самаре Василий первый раз был в 1993 году. Мы договорились о его приезде ко мне в гости, и я случайно обмолвился об этом мэру Самары О. Сысуеву, который, искренне и глубоко уважая В. Аксенова, официально пригласил его в качестве гостя Самары. С учетом такого разворота событий в нашей беседе с моим близким другом и дальним родственником Владиславом Скобелевым – профессором кафедры русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета – родилась идея провести в Самаре межвузовскую научную конференцию «Василий Аксенов – литературная судьба». В. Скобелев со своими коллегами совместно с управлением культуры администрации города Самары провел большую организационную работу, в результате которой 16–17 июня 1993 года эта конференция состоялась в Самарской областной научной библиотеке. На конференции было заслушано 28 докладов ученых – филологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Екатеринбурга и Самары, в которых нашло отражение многогранное творчество писателя В. Аксенова.

На будущий год тематика конференции расширилась и была посвящена литературе третьей волны русской эмиграции. На эту конференцию вместе с В. Аксеновым в Самару

приехали писатели Евгений Попов, Владимир Войнович и Бенедикт Сарнов. После проведения конференции Василий предложил преобразовать ее в фестиваль искусств.

В 1995 году в Самаре состоялся первый фестиваль искусств «Из века XX в век XXI», в котором, наряду с писателями В. Аксеновым, Е. Поповым, З. Богуславской и поэтом А. Вознесенским, приняли участие кинорежиссер Э. Рязанов, джазовые музыканты А. Козлов и Г. Лукьянов со своими ансамблями, а также А. Макаревич с «Машиной времени». Этот фестиваль проводился ежегодно до тех пор, пока не трансформировался в XXI веке в фестиваль науки и искусств «Самарская ассамблея». Душой и «центром притяжения» всех этих фестивалей был Василий Аксенов.

Думаю, что академик Р. Сагдеев сразу же, как только я позвонил ему в США, согласился участвовать в «Самарской ассамблее – 2001» прежде всего потому, что он сможет там встретиться (и встретился) с В. Аксеновым. То же самое можно сказать о Белле Ахмадулиной, Борисе Мессерере и многих других участниках Ассамблеи, которые, перед тем как дать согласие, спрашивали: «А Аксенов будет?».

Для меня Василий был одним из самых близких друзей. Я помню почти каждую встречу с ним – будь то Новосибирск, Москва, Самара, Вашингтон или Мисхор, потому что я всегда ощущал тепло, внимание и доброжелательность с его стороны. Он был интересным и мудрым собеседником, с которым можно было вести дискуссии практически на любую (в том числе научную) тему. В. Аксенов был не только великим писателем, но и Человеком с большой буквы.

Белла Ахмадулина

Веселье дружбы[27]

«Коллеги» и «Звездный билет» – это ведь «Юность», самое начало 60-х. Я прослышала тогда, что вот писатель появился необычный такой, и мельком эти книги прочла. Однажды я оглянулась в ресторане Дома литераторов, когда мне сказали: «А вот и этот знаменитый Аксенов». В его первых книгах меня что-то очень растрогало, но я подумала – какой еще молодой! И не в годах тут было дело, он старше меня, а в том, что я к тому времени уже успела что-то понять, что-то решить. А его повести показались мне тогда трогательными, милыми… И этот первый взгляд, первое мимолетное касание не содеяли во мне того, из чего получилась потом такая долгая и сложная жизнь. А дальше… дальше я лечу однажды в Вильнюс, и у меня в руках журнал «Новый мир», где напечатаны «На полпути к Луне» и «Папа, сложи!» А со мной рядом какой-то не очень знакомый мне человек. Тоже литературный, но более просвещенный. Я читаю изумительный аксеновский текст, и меня поражает, как все это написано. И не только стройность слов увлекает или, допустим, что человек хорошо знает, каково на белом свете простым людям живется. Я за всем этим внезапно увидела что-то еще БОЛЕЕ КРУПНОЕ. Мне тогда показалось, что я присутствую при рождении какого-то нового литературного слога, иного, чем раньше, расположения строк, нового чувства, нового облика – не только писательского, но и человеческого. Я так и до сих пор думаю. Потому что Аксенов с самого начала отличался, с самого начала противостоял. А мой просвещенный попутчик мне вдруг говорит: «Смотрите, какое совпадение! Вон там, у окна сам Аксенов сидит». По странному совпадению Василий Павлович тоже летел тогда в Вильнюс этим самолетом.

Он и тогда выглядел как совершенно отдельный от других человек. Мы вскоре познакомились. Кто не знает, как хорошо сказать человеку «спасибо». «Мне так понравилось, что вы написали», – сказала я Аксенову. Аксенов дружил с литовскими художниками, со Стасисом Красаускасом, которого и я знала. Вильнюс, Прибалтика вообще были для нас тогда особенным, любимым краем. Такая это частичка Запада посреди разливанного моря «развитого социализма».

А дальше наше знакомство стало во что-то сгущаться и довольно быстро превратилось в дружбу. В 68-м появилась «Затоваренная бочкотара». Я эту книгу тогда обожала и до сих пор люблю. Люблю это ее словесное погромыхивание, когда слова, как железки в кузове деревенского грузовика. Вася тогда со многими дружил. Были в их числе и Анатолий Гладилин, и Григорий Поженян, но мне кажется, что мы с ним вдруг странно и внезапно совпали по человеческим и литературным меркам. Это была ЛЮБОВЬ К ДРУЖБЕ, завещанная всем нам Пушкиным, так Пушкин любил дружить.

Сейчас это прошлое уже так далеко, но тогда еще жива была Евгения Семеновна Гинзбург, еще мы были повеселее, хотя оснований для веселья было, признаться, маловато.

Но мы ужасно друг друга любили. Проводили время вместе по всяким забегаловкам. Одна из них была около метро «Аэропорт», где мы тогда все жили. Ее Аксенов называл «Ахмадуловка». Ничего особо залихватского мы не делали, но у нас было ощущение внутренней свободы, хотя мы и сами смеялись, прекрасно понимая, что живем-то все-таки в СССР. Васю кто-то спросил тогда про меня, и он ответил: «Она сестра мне». Была молодость, было какое-то безгрешное веселье. Была компания. Гена Шпаликов приблизительно в то же

[27] Опубликовано: «Октябрь», 2007, спецвыпуск к 75-летию Василия Аксенова.

время с Василием совпал, это ведь на его слова знаменитая песня из фильма по аксеновским «Коллегам» – «На меня надвигается по реке битый лед»… В «Современнике» у Василия пьеса шла «Всегда в продаже».

Это все было еще до «Ожога» и «Метрополя», резко изменивших судьбу Аксенова. Но к этим переменам дело как-то само собой двигалось, и вряд ли были возможны «другие варианты».

На первой странице «Ожога» значится: «ПОСВЯЩАЕТСЯ МАЙЕ». И я рада, что была свидетелем, в какой-то степени даже составителем этой любви. Я жила в Ялте, и Майя, с которой мы были давно знакомы, ко мне приехала. И это тоже большая радость – любить любовь других людей, быть им сподвижником. Всякие милые детали помню: у Васи есть рассказ о том времени, мне посвященный, «Гибель Помпеи». Мы спускались к морю, гуляли по набережной. Там и правда был, как в рассказе, мальчик, который носил на груди маленького зеленого питона. Мы многое понимали, но Вася все чувствовал острее других. Родившийся в 32-м, на долгие годы лишенный родителей, он с детства как бы впитал в себя опыт Зоны, лесоповала, Магадана. Он словно старше других был, с какой-то неизгладимой печатью на лбу и на душе. И эти его особенные обстоятельства нечаянно становились и моей сердечной мукой.

При этом он был очень хорош собой. Правда! Как-то по-особенному хорош. Его внешний облик, его шарм – все это было скромным противостоянием тому промежутку времени, когда и дышать-то трудно, и спасаешься лишь весельем дружбы, дружеским кругом, дружеским застольем.

Ему пришлось уехать летом 80-го, перед Олимпиадой, и встретились мы только через семь лет, хотя прощались навсегда. 80-й год вообще был неимоверно тяжелым. Умер Высоцкий, уехали Войнович, Копелев. Я сидела и писала стихотворение «Сад», когда вдруг пришел Вася. Я это стихотворение, ему посвященное, и дальше собиралась писать, но он вошел, и стихотворение внезапно закончилось словами «Я вышла в сад». И стало последним моим подарком ему перед отъездом.

Мы не виделись семь лет, но тайной связи не теряли. Вернее, не совсем тайной.

Письма мы, конечно, передавали через дипломатов, но по телефону говорили свободно, иногда даже с расчетом на «прослушку». Вот Вася мне говорит, что его сына Алешку к нему не пускают, повидать отца. А я ему специально отвечаю: «Ой, как мне это, Вася, не нравится! Да и не только мне. Понимаешь?» Словом, дразнили гусей…

И этот ужас в день смерти Володи Высоцкого! Вася ведь только-только уехал и звонит мне из Парижа: «Ну что у вас, Белка? Как дела?» Я говорю: «Володя умер». – «Нет, этого не может быть! Не может!» – «Увы, но это так»…

А потом, когда мы встретились в Америке (есть даже фотография, где мы с ним идем по какой-то вашингтонской улице), у меня было ощущение, что мы вообще не расставались.

Тогда какой-то студенческий театр очень хорошо, с пониманием поставил его пьесу «Цапля», и мы с Борисом Мессерером были на премьере. Вася, как и я, обожает собак, и тогда у него был Ушик. Сейчас – Пушкин, а тогда – Ушик. Вася преподавал в университете, он как-то взял нас с Ушиком на свою лекцию. Слушатели аплодировали, и Ушик, бедный, тоже чуть ли не кланялся, преисполненный важности.

И эта аксеновская доброта, нежность, но и затаенность некоторая, сложность, а не простота! Как хочется благодарить всегда человека – и за его талант, и за его доброту. И за то, что мы всю жизнь вместе.

Хотя и реже видимся последнее время. Он сам говорит, что чувствует и эту сложность, и какую-то вечную БОЛЬНУЮ БОДРОСТЬ ПИСАТЬ. Для него писательство – вовсе не быстрый бег пера или легкий труд души. Писательство для него – жизнь. А что может быть лучше этого?

А какой он великолепный устный рассказчик! Помню его сагу о том, как матушка прислала ему из Магадана в Питер отрез, чтобы он сшил себе хорошее пальто. Он пальто сшил, а потом его украли какие-то жулики, как у Акакия Акакиевича. Даже его устные рассказы – объемные и цветные по слогу.

Поэтому когда говорят – «шестидесятники», я говорю – да называйте вы нас как хотите, хотя лично мне такая терминология напоминает какую-то тухлятину революционную из позапрошлого века. «Народники», «шестидесятники», «эсеры», «эсдеки»… А мы – просто друзья. Аксенов – просто друг с его чудной улыбкой и его изумительной мягкостью.

К чему-нибудь хочется придраться, говоря о нем, да не выходит! Странно, что мы все-таки претерпели эту жизнь, спасаясь весельем дружбы. Но иначе, наверное, и быть не могло. Моя дочка Лиза где-то нашла старую, тусклую фотографию, датированную 37-м годом. Стоят две скромно одетых женщины, держат какое-то запеленутое существо. И я догадываюсь, что существо это – я, а фотография – из того московского родильного дома, где я появилась на свет. Что ждет это существо, что ждет всех нас – до сих пор неизвестно. Кланяюсь Василию.

Записал Евгений ПОПОВ

Василию Аксенову

Я вышла в сад, но глушь и роскошь
живут не здесь, а в слове: «сад».
Оно красою роз возросших
питает слух, и нюх, и взгляд.

Просторней слово, чем окрестность:
в нем хорошо и вольно, в нем
сиротство саженцев окрепших
усыновляет чернозем.

Рассада неизвестных новшеств,
о, слово «сад» – как садовод,
под блеск и лязг садовых ножниц
ты длишь и множишь свой приплод.

Вместилась в твой объем свободный
усадьба и судьба семьи,
которой нет, и той садовой
потерто-белый цвет скамьи.

Ты плодороднее, чем почва,
ты кормишь корни чуждых крон,
ты – дуб, дупло, Дубровский, почта
сердец и слов: любовь и кровь.

Твоя тенистая чащоба
всегда темна, но пред жарой
зачем потупился смущенно
влюбленный зонтик кружевной?

Не я ль, искатель ручки вялой,
колено гравием красню?
Садовник нищий и развязный,
чего ищу, к чему клоню?

И, если вышла, то куда я
все ж вышла? Май, а грязь прочна.
Я вышла в пустошь захуданья
и в ней прочла, что жизнь прошла.

Прошла! Куда она спешила?
Лишь губ пригубила немых
сухую муку, сообщила,
что все – навеки, я – на миг.

На миг, где ни себя, ни сада
я не успела разглядеть.
«Я вышла в сад», – я написала.
Я написала? Значит, есть

хоть что-нибудь? Да, есть, и дивно,
что выход в сад – не ход, не шаг.
Я никуда не выходила.
Я просто написала так:
«Я вышла в сад»…

1980

Экспромт в честь вечера Василия Аксенова 11 января 1999 года[28]

Друзья, коль спросит дерзость Ваша:
мила ль мне жизнь? – вскричу: о да!
Явились Новый год и Вася —
один, а Новых года – два.

Единственнее и свежее,
чем нам ниспосланная ель,
он – хвойно – сумрачен. Ужели
мне вновь прощаться с ним и с ней?

Ученой горечи достачей,
мне ль горевать в году другом,
коль я снесла восьмидесятый,

[28] Опубликовано в специальном издании университета им. Джорджа Мейсона (США), посвященном Василию Аксенову («For Vassily Aksyonov Thoughts on Your Retirement George Mason Universiti, April 21. 2004»).

разлучный и смертельный год?

Семь лет на душераздиранье
ушло, за горизонт зашло.
Гнушаясь высшими дарами,
я вопрошала их – за что?

Ответ небесный обоснован:
расплаты справедлив отсчет.
Не сам ли возвестил Аксенов,
что опыт наших душ – ожог?

Рукой беспечной наспех создан,
мой не забудет мадригал,
что мальчика билетом звездным
снабдил наставник – Магадан.

Все беды я сочту за малость,
сюжета преступлю порог,
когда воспомню нашу младость,
пир размышлений, мысль пиров.

Словес таинственный астролог,
добытчик неизвестных лун,
джинсовый, джазовый Аксенов
дразнил всеобщий спящий ум.

Все дети новых дней – лишь дети
пред ним, хоть мил их прыткий стан.
Он был одет, как вольный денди —
с иголочки враждебных стран.

Был силуэт его фатален,
и комсомола костолом
не знал, что дух его витает
меж Колымой и Костромой.

Войдет, плащ длиннополый скинет:
– Привет! – и ликовать пора.
При этом был он резвый схимник
суровой лампы и пера.

Итог парений самовольных:
журнал хвостатый не простил
и маленький мой самолетик,
и марокканский апельсин.

Понять и ныне не по силам:
чем прогневили всю печать

безгрешность наших апельсинов
и самолетиков печаль.

За что невинный плод ощипан,
летатель вымыслов сгорел?
Но, чем отверстей беззащитность,
тем пристальней свиреп прицел.

Мы – чистой радости искали,
рос расточительный запас.
Мы мало думали о славе,
но слава вглядывалась в нас.

Ловил нас гость иноплеменный,
пеняла на ошибки власть,
но нас любил народ в пельменной,
Что «ахмадуловкой» звалась.

Рискуя рифмой неисправной
экспромт покинуть на весу,
я уточню: мы вместе с Прагой
свою покинули весну.

Как раз был Васин день рожденья.
Уж августа двадцатый день
Истек – в поступки и решенья
Вмешалась роковая тень.

С воспоминанием зловещим,
о слушатель, повремени!
Не завтра ли Васильев Вечер?
Васильевы – все дни мои.

Смысл в том, что осенен Аксенов
неиссякаемой звездой,
и спорит с этой аксиомой
лишь второгодник молодой.

Евгений Сидоров

Аксенов в «Юности»

Молодой Василий Аксенов умел влюблять в себя людей. Это был дар тихого обаяния. Он никогда не ораторствовал, никогда громко не смеялся (скорее хихикал), всегда был комильфо, плотного вида плейбой, чувак что надо. Так что дело не только в писательской одаренности. Дело в самом стиле его жизни и облика. Он смолоду тянул на классика жанра, но как бывший советский детдомовец, любил коллектив, друзей, компанию.

По-настоящему он впервые распахнул себя в «Ожоге». До этого личное камуфлировалось фантомами. Блеск «Затоваренной бочкотары» и прелесть старых лирических рассказов (которые люблю и перечитываю по сей день) были лишены какой-либо политической окраски.

Аксенов (как и другие известные литераторы-шестидесят-ники) следовал правилам литературной игры. Но именно игры, а не скучного правдоподобия или принарядившейся лжи.

В конце шестидесятых мы сблизились в журнале «Юность», где я заведовал отделом критики и эстетического воспитания. К несчастью, «Метрополь» надолго развел нас. Я об этом уже писал и потому не стану повторяться (см. «Юность», 1986, № 6).

Сначала Аксенов торчал на поле литературы как яркий цветок, опыляемый Сэлинджером. Но вскоре критика одумалась и отказалась от космополитического ярлыка. «Звездные мальчики» были признаны отечественными сорняками. И атака пошла по другому руслу: очернение советской молодежи. Подули прибалтийские ветра. Стиляжничество ворвалось в молодежную повесть вместе с джазовыми импровизациями Германа Лукьянова, Алексея Козлова, Андрея Товмасяна.

Аксенов стремительно перерастал рамки исповедальной молодежной повести. Писатель менял почерк и сюжеты резко и демонстративно. Он двинулся вперед, оглядываясь на прошлое, на уроки петербуржского фантастического реализма.

В это время мы и встретились. В 1967 году.

Но начиналось все гораздо раньше, с журнального самотека. Изидор Григорьевич Винокуров[29] вытащил из почты два рассказика молодого ленинградского врача. Их напечатали, но впечатления они не произвели. Автору, как водится, написали, старайся, мол, давай, что-то есть. Подпись под письмом впечатляла: Валентин Катаев. Поощрение еще как подействовало!

Валюн (редакционное прозвище Катаева) был, как известно, человеком талантливым и циничным. Как раз в эти годы он стал работать в новом стиле, искренне позабыв про социалистический реализм. В период «оттепели» творца Пети и Гаврика уговорили вступить в КПСС. Свои повести («Святой колодец», «Трава забвения» и др.) Катаев писал в Париже, в трехзвездочном отеле, ежегодно наведываясь туда по линии Союза писателей СССР «с творческими целями». Время помогло Катаеву и его журналу. Исповедальность «Хроники времен Виктора Подгурского» (девятнадцатилетнего Толи Гладилина), графика долговязого литовца Стасиса Красаускаса, журнальные выставки и вкладки молодых левых художников, время вперед, ребята, мы рождены, чтобы творческую свободу сделать былью.

Василий Павлович с усмешкой, добродушно вытягивая губы в трубочку, рассказывал, как впервые был приглашен на ежегодный праздник журнала «Юность» в летний ресто-

[29] В то время заведующий отделом рукописей в «Юности».

ран «Фиалка», расположенный в Сокольниках. Потрясение было немалое, ибо он увидел самого(!) Гладилина, не говоря уж (здесь почти обморок!!!) о самом Евтушенко. Аксенов только что напечатал свою повесть «Коллеги», и Катаеву понравилась аксеновская метафора в стиле одесского литературного ренессанса периода НЭПа: что-то там о стоячей воде в Фонтанке, напоминающей пыльную крышку рояля.

Так начиналась слава. Вася переехал в Москву. Несколько лет «Юность» печатала почти все, что выходило из-под его пера.

Сергей Николаевич Преображенский, бывший помощник А.А. Фадеева, ставший после самоубийства патрона первым катаевским замом, жаловал молодое шестидесятничество и часто прикрывал его партийной грудью. Любила Аксенова и Мэри Лазаревна Озерова, зав. прозой, дружившая с Васиной ма– мой – Евгенией Семеновной Гинзбург, вернувшейся не так давно из лагеря и политической ссылки. Тираж журнала стремительно рос по мере роста критической ругани в печати, чей тон задавали Главное политическое управление Советской Армии и Первый Секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов. Аксенову и Евтушенко доставалось больше других. Вскоре случилась известная история, когда под хрущевский каток попал и Андрей Вознесенский. Катаева на посту сменил Борис Полевой. Но Аксенова с Евтушенко утвердили ненадолго членами редколлегии. Так раскачивались политические качели, странное было время. То ли конец оттепели, то ли начало новых крутых заморозков.

«Юность» прорабатывали на всесоюзном активе. От Всеволода Кочетова и Анатолия Софронова нас яростно защищал замечательный прозаик, автор «Нового мира» Василь Быков.

Борис Николаевич Полевой душой старого правдиста не принимал авангардистские штудии молодых литераторов. В лучшем случае он с ними мирился. Остается некоторой загадкой, как удалось в марте 1968 года напечатать «Затоваренную бочкотару». Полевой уклонился, уехал в отпуск, оставив журнал на попечение Преображенского. В четыре голоса (Преображенский, Озерова, В.И. Воронов – второй зам. главного и я) с удовольствием читали вслух повесть и смеялись в ударных местах. Вася (по договоренности) был отстранен от текущей редактуры, но мы и так почти не трогали текст.

Затея с моим послесловием (дабы объяснить читателям стиль и смысл этого сочинения) только подлила масла в огонь. Буколическая «Бочкотара» была признана критикой эталоном зловредного и пагубного модернизма. Заодно досталось и мне. Дело дошло до партийных указаний. В постановлении Краснопресненского РК КПСС было сказано, что журнал не только опубликовал порочное произведение, но и сопроводил его апологетической статьей.

Аксеновская повесть была признана коллективом редакции лучшей публикацией года, и по инициативе Юрия Зерчанинова автор на новогодней вечеринке был награжден специальным призом – цинковым корытом для постирушки. Мне достался малый приз – тазик из того же металла. Стасик Лесневский привычно произносил тост в память тогда запретного Николая Ивановича Бухарина. Полевой морщился, но в принципе был лоялен.

Кто бы мог подумать, что через восемнадцать лет «Затоваренную бочкотару» воскресят на сцене табаковской «Табакерки»! И даже строки из моей маленькой заметки тоже прозвучат со сцены. Аксенова в зале не было, он все еще жил и работал в Америке, по предложению Табакова мы послали ему телеграмму в США, которая заканчивалась названием старого аксеновского рассказа, посвященного скульптору Эрнсту Неизвестному: «Жаль, что вас не было с нами!»

В 1969 году мы решили провести вечер Аксенова в Центральном доме литераторов. Зал, естественно, ломился от публики, я прочел вступительное слово, и в это время кто-то громко, требуя впустить, застучал в дверь на балконе. «Это Азазелло!» – среагировал я, зал засмеялся, Булгаков был у всех на слуху. Петр Палиевский, сидящий на балконе, пытался открыть дверь, чтобы дать дорогу свите Воланда, но дверь была неприступна.

Однако повышенная бдительность все же не спасла от веселого скандала. К концу вечера на сцене внезапно возник саксофонист Алексей Козлов со своим «Арсеналом», что не было предусмотрено программой, утвержденной правлением писательского дома. Вася договорился с Козловым, и музыканты, тихо протырившись, надолго захватили сцену. Секретарь партбюро Г. Семиженов долго потом пытался узнать, кто пустил незваный джаз. Хороший был вечерок.

Между тем Аксенова постепенно перестали печатать. В столе лежали повести «Стальная птица», «Золотая наша Железка», рассказы. По ЦДЛу и Дому кино бродил всегда подвыпивший добрый малый Володя Дьяченко, то ли кинорежиссер, то ли кинооператор. Он считал себя прообразом главного героя «Стальной птицы», Сталюшей, если ласкательно. Надо было зарабатывать деньги. Вася писал заявки на киносценарии и получал авансы. Тогда это было распространенной практикой. Иногда дорабатывал чужие сценарии. Он был в негласной опале, но знаменит и желанен. Ездил за границу. Сочинил две детские книжки и роман о пламенном революционере Л. Красине[30]. Зная цену своей вынужденной ремеслухе, он исподволь работал над «Ожогом».

Весной того же шестьдесят девятого ялтинская гостиница «Ореанда» приютила трех московских писателей, объединившихся под именем Гривадия Горпожакса. Псевдоним составился из трех фамилий: Горчаков, Поженян, Аксенов. Я был свидетелем создания их эпохального романа «Джин Грин – неприкасаемый», пародии на Джеймса Бонда. Конечно, это был пухлый беллетристический капустник, не более того. Овидий Горчаков, сам бывший разведчик, разрабатывал авантюрный сюжет, поэт Григорий Поженян обеспечивал контору выпивкой и отменной закуской (как он в мае доставал на рынке раков, уму непостижимо). На долю Васи выпадал ежедневный утренний урок письма. Безропотно, с похмелья, обмотав голову мокрым полотенцем, Аксенов писал шесть страниц своим крупным характерным почерком. Дивные крымские вечера (тогда еще полуострова) превращались в пирушки со стихами, из Дома творчества писателей приходили друзья, в том числе Борис Балтер, только что исключенный из партии.

Вася очень любил сам процесс сочинительства. Он смешивал озорство с веселой графоманией, чему, в частности, свидетельство его пьеса «Четыре темперамента», где пятистопный пушкинский ямб окаймлял довольно многословные, иногда смешные, но чаще скучноватые разговоры. Пародия, фантастика, фарс привлекали Аксенова, как способ выхода из привычного литературного официоза. Внутри у него бил праздничный фонтанчик слова, но, если честно, вовремя закрыть кран ему не всегда удавалось.

Два рассказа – «Лебяжье озеро» и «Рандеву» – я подсунул Полевому, когда он уезжал в Малеевку писать свою очередную повесть, кажется «Доктора Веру».

Вскоре я получил от Б.Н. послание, написанное от руки его любимыми зелеными чернилами. Письмо содержало примерно следующее: «Вы что, эсквайр, охренели предлагать нашему молодежному многотиражному журналу подобную похабщину с выкрутасами?!» Письмо погребено где-то у меня в архиве, воспроизвожу текст по памяти, но за смысл ручаюсь. И «Лебяжье озеро» и «Рандеву» через несколько лет все-таки проскочили в «Литературную Россию» и журнал «Аврора».

Не так давно в Баку мы случайно встретились за одним столом с академиком Роальдом Сагдеевым. Женатый на внучке Эйзенхауэра[31], американский физик вспоминал общее с Аксеновым казанское пацанское прошлое. Именно к нему «Юность» обратилась в свое время с просьбой написать отзыв на «Золотую нашу Железку», надеясь спасти повесть для

---

[30] Имеется в виду повесть «Любовь к электричеству» (1969) о Леониде Красине, изданной в Политиздате в серии «Пламенные революционеры».

[31] Дуа́йт Да́вид Эйзенха́уэр (англ. Dwight David Eisenhower; 1890–1969), 34-й президент США (20 января 1953 – 20 января 1961).

печати. Академик популярно объяснял читателю, что такое литературная условность и что Васины физические формулы никакого отношения к реальной фундаментальной науке не имеют. Не помогло. С этой несчастной «Железкой» (не везло Васе с металлом – и сталь, и железо ржавело у него в доме) мы пару раз выступали в московских НИИ – он читал, а я рассказывал о том, что происходит в нашей литературе.

Надо вспомнить здесь Евгению Семеновну Гинзбург. Она была моим автором, ибо публиковала маленькие рекомендательные рецензии в разделе «Среди книг». Как правило, я их не заказывал, она выбирала книги сама и приносила в редакцию отточенные двухстраничные тексты. Подписывалась псевдонимом «Семенова», иногда ставила свою фамилию. Естественно, разговаривали и мирно спорили о ее сыне (о «Крутом маршруте» я тогда только слышал). Надо сказать, что она достаточно критически относилась к непростым аксеновским «поискам жанра».

Вася был хорошим сыном. Смертельно больной матери он успел показать Париж. Навсегда прощались с ней в 1977 году в однокомнатной квартире на Красноармейской. Руководил похоронами все тот же Григорий Михайлович Поженян.

«Ожог» я прочитал в рукописи и понял, что с иллюзиями и романтизмом автора покончено навсегда. Социализма с человеческим лицом не получается. Впереди новый вариант крутого маршрута. Ни одной редакции Вася роман не предлагал и правильно делал. Возвращая рукопись (мы куда-то ехали в зеленой аксеновской «Волге»), я сказал, что это конец, разрыв, обратного пути нет. Такая книга не может появиться в Советском Союзе. Я рад, что она хорошо и безоглядно написана, но сожалею, что предстоит расставание. Так и случилось.

Пафос и нежность, затаенная сентиментальность – фирменные знаки аксеновской прозы. И конечно юмор, резко клонившийся к постмодернистской иронии или едкой сатире. С середины шестидесятых в состав его стиля навсегда войдут гротесковые элементы, осторожно названные им «преувеличениями». Пафос снижен, спрятан, внешне скомпрометирован. Но это обманчивая видимость. Добро и зло для Аксенова никогда не слиянны, они разделены и разделены окончательно. В этом, кстати, его определенная ограниченность как писателя. Но он никогда и не был мыслителем, метафизиком: Достоевский там не ночевал. Как политический публицист, Аксенов часто наивен, что явно обнаружили его статьи в наши «перестроечные» годы. Он – художник форм прежде всего, артист элегантной фразы, его смыслы всегда словесно формированы. От реализма в формах самой жизни к авангардизму в деталях малой прозы, а затем к большому роману смешанного стилистического состава – вот краткий очерк пути Аксенова. «От древа познания к древу воображения», как выразился один из героев его букеровского романа. Сама эта формула тоже достаточно наивна, как и иные прямые авторские выводы, ведь истинное познание вряд ли может существовать без воображения, и наоборот.

Когда-то я написал, что воспоминания у Аксенова стилистически продуктивней, чем преувеличения. Спорная точка зрения, но вот в журнале «Октябрь» появляется его неоконченный роман «Дети ленд-лиза», посмертная публикация, где память и время вступают в образный контрапункт. Все лучшие качества аксеновского дара проявились в этом сочинении, особенно в первой его части. Дальнейшее – молчание.

Сейчас у Василия Павловича много друзей среди литературной братии. Но я выделяю только некоторых, истинных. Анатолия Гладилина, основоположника «мовизма», который братски и на всю жизнь обнял Аксенова на пороге журнала «Юность». Из питерской молодости – Анатолия Наймана. Конечно же, Беллу Ахмадулину и Бориса Мессерера. И, наконец, Женю Попова и Сашу Кабакова, вдвоем создававших достойную книгу его памяти под названием «Аксенов»[32].

[32] Книга «Аксенов» Александра Кабакова и Евгения Попова вышла в 2011 г. в издательстве «Астрель».

Вася любил озорную литературную мистику, фантастические сны, и иногда мне кажется, что его славная тень совершает привычную утреннюю пробежку по Яузской набережной, стальная птица, поскрипывая, задевает крылом шпили сталинских высоток, а из глубины российского бездорожья продолжает доноситься голос лихого шоферюги Володи Телескопова, везущего бесконечную бочкотару по нашей израненной дуростью земле: «Где любовь, там и человек… И потому ищут люди любви, и куролесят, и дурят, а в каждом она есть, хоть немного, хоть на донышке. Верно?»

Еще как верно и как просто!

Париж. Ноябрь 2011

Аркадий Арканов[33]

…Еще одним местом сборищ молодых и маститых писателей «левого» и «правого» направления был легендарный ЦДЛ. Центральный дом литераторов со знаменитым рестораном в Дубовом зале. В ЦДЛ я попал вскоре после того, как стал своим в «Юности». ЦДЛ находился рядом со зданием журнала, и в него официально впускали только членов Союза писателей и сотрудников редакций и издательств. Впервые меня привел туда художник из нашего журнала Иосиф Оффенгенден. И ЦДЛ стал моим домом, где я обедал, ужинал, играл на бильярде, сражался в шахматных турнирах… Ресторанные официанты, и особенно молодые официантки, относились к нам с плохо скрываемой симпатией. Позволяя время от времени питаться «в кредит».

Василий Аксенов однажды мне сказал: «Арканыч! ЦДЛ – удивительное место! Можно прийти туда голодным, без денег, без бабы, а уйти сытым, с десяткой в кармане и с симпатичной бабой. А можно прийти сытым, с полным карманом денег, с красивой бабой, а уйти голодным, без гроша в кармане и без бабы».

5 марта 1963 года исполнилось десять лет со дня смерти вождя – Иосифа Виссарионовича Сталина. Вечером 4 марта мне позвонил Вася Аксенов и сказал, что ему звонил кто-то из старых большевиков и попросил прийти в шесть часов вечера следующего дня на Красную площадь, где в это время начинался митинг с участием оставшихся в живых жертв сталинских репрессий. Этот «кто-то» уточнил, что выступать на митинге необязательно, но сам факт присутствия на Красной площади Василия Аксенова с его единомышленниками был бы очень желателен.

«Сходим, Арканыч?» – спросил Вася. «Давай, – согласился я. – А почему нет?»

И мы договорились без четверти шесть 5 марта встретитmся на площади Революции возле музея В.И. Ленина. Вася сказал, что позвонит «Гладиле» (Анатолию Гладилину), Юнне Мориц, кому-то еще…

Без четверти шесть в назначенном месте нас собралось девять человек – все молодые писатели и поэты. Неожиданно у здания Исторического музея остановился «Москвич», и из него вышел Евгений Евтушенко. Мы его увидели. Он нас не заметил. Евтушенко внимательно и сосредоточенно всматривался в толпу людей, следовавших на Красную площадь. Через три минуты он сел в машину и уехал. Мы переглянулись.

«Не решился», – сказал Аксенов. «Имеет право», – сказал Гладилин…

Без пяти шесть мы уже были возле Мавзолея Ленина. Шел мокрый мартовский снег. На площади собралось довольно приличное количество разного возраста людей. Никаким митингом не пахло. Зато обратили мы внимание на большое число фотографов, которые, не стесняясь, вплотную подходили к разным людям, в том числе и к нам, и в упор «щелкали», ослепляя вспышками. Ровно в шесть часов произошла торжественная смена караула у входа в Мавзолей. Еще минут пятнадцать мы ждали митинга. Митинга так и не было. И мы решили расходиться. С нами была поэтесса из Риги. Она просила, чтобы мы проводили ее до ГУМа, где она хотела купить что-нибудь для своего ребенка. И мы медленно по трое направлялись к ГУМу. Толя Гладилин, Юнна Мориц и я шли позади остальных метрах в пятнадцати. Когда мы подошли ко входу напротив станции метро, нас окружили три молодых человека и, показав серьезные удостоверения, строго предложили пройти в ближайшее отделение милиции. Нас ввели в комнату, где уже находился Вася Аксенов с пятью нашими приятелями. Короче говоря, вся наша девятка была задержана. Никаких объ-

[33] Из книги «Вперед в прошлое»; М.: «Эксмо», 2011.

яснений. Никаких ответов на вопросы. Минут через сорок каждого в отдельности, называя фамилию, стали выводить на улицу. Меня вызвали последним и подвели к стоявшей у отделения милиции черной «Волге». Признаюсь, я почувствовал себя, мягко говоря, не очень комфортно. Открылась задняя дверца, и меня усадили рядом с сурового вида человеком. «Волга» тронулась. Куда меня везли? Не имел представления. Вспомнились рассказы старших товарищей об арестах в те «знаменитые» времена, и стало совсем не по себе. Немного согревала надежда на еще продолжавшуюся политическую оттепель… Я вытащил из кармана пачку «Дуката». «Не положено!» – жестко произнес сопровождающий. Машина остановилась напротив ресторана «Арагви» у большого здания. Между мной и «Арагви» величественно восседал на коне Юрий Долгорукий. И через несколько минут я был препровожден в большое помещение на последнем этаже, где уже находились остальные задержанные. В дверях стояла охрана. И снова – никаких объяснений, никаких ответов на вопросы. Юнна Мориц попросилась в туалет. «Ждите!» – сказал охранник. Через пять минут в помещение вошла вооруженная женщина в милицейской форме и повела Юнну в туалет. Я не помню, о чем мы говорили, было ли нам страшно. Скорее всего, превалировал молодежный интерес – чем все это кончится? Пытались шутить… около десяти часов вечера опять стали вызывать по фамилии и куда-то уводить. И опять моя очередь оказалась последней. Доставили меня в маленькую комнатку, где уже находились восемь моих друзей. За столом перед нами сидел русоволосый мужчина лет тридцати пяти, типичного вида комсомольский работник. Оглядев каждого из нас, он официальным тоном сказал: «Так. Вы стали жертвой готовившейся провокации. Желая предохранить вас от неприятных последствий, мы вынуждены были превентивно задержать вас. Возможно, это было нашей ошибкой. Но даже если это была ошибка, то это была СВЯТАЯ ошибка. Вы свободны. Извините».

В ушах до сих пор стоит выделенное им слово «СВЯТАЯ». Незабываемое словосочетание – «это была СВЯТАЯ ошибка».

Несмотря на извинение, уже через два дня в Секретариат Союза советских писателей пришло официальное письмо из соответствующих органов. В письме было сказано, что группа молодых писателей (поименно) клюнула на антисоветскую провокацию. Всех вызвали в Секретариат и песочили по полной программе. Кроме меня, потому что я еще не был членом Союза…

На сорок четвертом «ходу» моей жизненной партии судьба в лице Василия Аксенова предложила мне вариант, по которому я пошел, не задумываясь о последствиях, о вероятных жертвах в процессе развития этого варианта. Меня сразу привлекли красота, чистота, острота и сопричастность выдающимся деятелям нашей литературы. Все, что произошло потом, образовало одно понятие, именуемое словом «Метро́поль». Сразу прошу ставить ударение в этом слове на первом «о» и не пугать с рестораном «Метрополь», где ударение ставится на втором «о»…

В один из дней приблизительно середины 1977 года в Центральном доме литераторов ко мне подошел Вася Аксенов, который для меня, и не только для меня, был безусловным лидером молодой советской литературы. Я очень дорожил нашими приятельскими отношениями (и дорожил ими до самой его смерти), хотя прошедшие годы и разводили нас географически… Так вот, Вася подошел ко мне и сказал: «Арканыч, мы готовим сборник произведений, которые по тем или иным причинам у нас не публикуются. Этот сборник мы передаем в ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам), и они предложат его для публикации за границей…»

Надо сказать, что ВААП тогда (конечно, не по собственной инициативе) изредка проводило хитрые проститутские акции: отдельные произведения или пьесы отдельных прогрессистов, «завернутые» по политическим или цензурным соображениям в СССР, прода-

вались на Запад. ВААП получало за это валюту. Какие-то крохи скидывало авторам, и, таким образом, убивались два зайца: с одной стороны, можно было демагогически орать на весь мир – мол, какая у нас свободная литература, а с другой стороны, сгребалась какая-никакая валюта.

Аксенов назвал мне еще около дюжины имен, быть в числе которых всегда казалось мне большой честью. Были среди них Анатолий Гладилин и Фазиль Искандер, Георгий Владимов и Владимир Войнович, Белла Ахмадулина и Юнна Мориц, и Евтушенко, и Вознесенский, и Высоцкий, и Битов, да и многие другие были там. И вот через несколько дней я передал Васе рукописи двух моих (на то время лучших) рассказов: «И снится мне карнавал» и «И все раньше и раньше опускаются синие сумерки»…

Отдал и отдал. Не ожидал, не интересовался и не нервничал – не было оснований. Месяца через три Вася, Фазиль Искандер и Женя Попов показали мне отпечатанный экземпляр увесистого красивого сборника, в котором стояли и два моих рассказа. Не скрою – мне это было очень приятно и лестно.

В начале 1978 года я возвратился в Москву из длинной поездки по Сибири, и кто-то из моих друзей взволнованно сообщил: «Аркан! Тут такая история завернулась! По «Свободе» передавали твои рассказы из «Метрополя»! И по «Немецкой волне»! Уж не знаю, поздравлять или сочувствовать!»

После этого стали звонить многие. Кое-кто предупреждал о возможных неприятностях…

Неприятности последовали очень быстро. Появились гневные публикации в прессе, состоялся пленум Союза писателей СССР, который дал однозначную оценку альманаху «Метрополь» как предательской, антинародной и антисоветской акции группы «так называемых» молодых писателей. Вроде бы я стал одним из «героев», но в то же время почувствовал себя немножко муторно: последствия могли быть весьма тяжелыми и для меня, и для моего сына, которому тогда было одиннадцать лет. В прессе появились угрозы: исключить всех участников из Союза писателей. Выслать к чертовой матери из страны, посадить…

В Центральном доме литераторов стало довольно противно появляться – указывали пальцами, подходили в пьяном и трезвом виде, особенно правоверные писатели, говорили: мол, как ты мог, с кем ты связался и т. п. Некоторые начали обходить стороной… Кое-кто втихаря поддерживал… Кое-кто говорил, что историю с альманахом не поддерживает, но разнузданное улюлюканье в наш адрес не одобряет.

Я не понимал только одного: почему разразился такой дикий политический скандал, если предполагалось передать альманах за границу официально? Вася Аксенов сказал мне, что ВААП потребовал исключить из состава участников двоих: писателей Юза Алешковского и Фридриха Горенштейна. «Мы категорически отказались, – сказал мне Аксенов, – а пока ВААП настаивал, а мы упирались, экземпляр альманаха каким-то образом оказался переданным за границу…»

С той «метропольской» поры прошло более трети века. Многих участников альманаха уже нет в живых, в том числе и Василия Аксенова, а мне порой не верится, что я был с ними в одной команде и все мы играли в одну игру…

Алексей Козлов

…Именно в Коктебеле я постоянно встречался с Аксеновым – вплоть до его депортации в 1980 году. Мы любили вдвоем ходить по горам, а главный маршрут был – вокруг Святой горы. Опять же, именно в Коктебеле, летом 1979 года он попросил меня прочитать, никому не показывая, рукопись недавно законченного «Ожога» – и добавил: «Хочу знать твое мнение, потому что один из героев, саксофонист Самсон Саблер, написан с тебя». Получилось, что эту рукопись, толстенную пачку из восьми сотен машинописных страниц, я прочитал одним из первых – закрывшись в своей хибаре, вместо того чтобы купаться или гулять. В романе был описан скандальный творческий вечер Аксенова в январе 1974 года в ЦДЛ, где выступил «Арсенал»[34] – Вася, как большой художник, присочинил в этот фрагмент, что меня хотят арестовать, но я бью кагэбэшника саксофоном по голове и… кровь на саксофоне! Все это я прочел в 79-м, а в 80-м Васю вместе с Копелевым и Войновичем выслали из СССР – в основном за его резко антикэгебэшный «Ожог», а не за «Метрополь». Еще находясь в Европе, в конце 1980 года, перед тем как перебраться в Америку, Василий прислал мне трогательную открытку с коротким стихотворением. Оно говорит о многом. В целях конспирации она была подписана просто «В и М» – то есть «Вася и Майя».

…От старожилов Коктебеля я узнал довольно-таки сложный маршрут до городка Старый Крым, когда-то столицы Крыма. К нему я и повел свою компанию – пешком через горы часа четыре. Передохнув и подкрепившись в городке, мы продолжили путешествие, поднимаясь в другие по ландшафту горы – к старому армянскому монастырю, от которого остались лишь развалины. А также легенда, что в давние времена в этих горах армянских монастырей было два – мужской и женский, километрах в двух друг от друга. В нарушение всех церковных правил между ними был прорыт подземный ход, чтобы монахи могли тайно встречаться с монашенками. И вот настали страшные для крымских христиан времена – турки, до той поры терпимые к иноверцам, решили очистить от них Крым (скорее всего, это было следствием одной из Русско-турецких войн). Турецкие солдаты раз за разом пытались взять монастырь штурмом, монахи, сколько могли, отбивались. А когда поняли, что турки вот-вот одержат верх, собрали главные монастырские реликвии и вручили одному монаху, чтобы он, бежав через подземный ход, спас их от поругания. Беглец вышел через лаз на свободу, добрался до леса, но там наткнулся на турок и погиб мученической смертью. Молва причислила монаха к лику святых, а место его гибели – к святым местам. На этом месте растет дерево, сплошь покрытое ленточками, привязанными к веткам. Их – обычно оторвав от своей одежды, – оставляют пришедшие к монастырю. При этом загадывают желание, мысленно обращаясь к монаху-мученику – оно, согласно поверью, должно сбыться. В тот же Старый Крым я ездил с Васей Аксеновым на его зеленой «Волге», а уже к монастырю мы поднимались пешком.

Еще один почти ритуальный для меня маршрут в Коктебеле – подъем на гору Волошина. На ее вершине находится могила Максимилиана Волошина. Прогулка туда и обратно занимает не более двух часов, и делать это лучше в часы заката – чтобы сравнить панораму гор с ее изображением на волошинских акварелях. До этого я считал, что крайне необычная гамма цветов, используемая художником в коктебельских пейзажах, выдумана им – и оказался неправ.

[34] «Арсенал» – созданный в 1973 г. саксофонистом Алексеем Козловым первый джаз-роковый коллектив.

Из того, что запомнилось в тот период, особого внимания заслуживает появление «Арсенала» в Центральном доме литераторов на творческом вечере Василия Аксенова. Тогда Василий Павлович еще не был открытым диссидентом, каковым сделался позднее, став главным идеологом неподцензурного альманаха «Метрополь», написав книги «Ожог» и «Остров Крым», за что и был выслан из СССР в 1980 году. Советская власть всегда недолюбливала его за «левачество» и явное нежелание выслуживаться – в противовес основной массе советских писателей. Он был в числе тех, кого обругал Никита Хрущев на встречах с творческой интеллигенцией в начале 60-х. Но его крайняя популярность в СССР и место, которое он уже занял в истории нашей литературы, делали Аксенова до поры до времени «неприкасаемым». Пользуясь этим, он решил провести свой авторский вечер в ЦДЛ не просто с помпой, а с элементом скандала. Он позвонил мне, предложил поучаствовать с «Арсеналом» в этом мероприятии – и я с радостью согласился: нас сближали любовь к джазу, «стиляжное» прошлое, романтическая тяга к «штатчине» и, главное, неприятие всего тоталитарно-советского.

Несмотря на то что аппаратура, на которой начинал играть «Арсенал», была убогой и малочисленной, состояла, как говорится, «из палки и веревки», нам все-таки требовалось время, чтобы установить и настроить ее. Поэтому мы попросили Аксенова дать указания администрации ЦДЛ пустить нас внутрь заранее, часа за четыре до концерта. (Василий Павлович являлся членом Союза советских писателей, а это означало официальное признание и возможность использовать определенную власть, хотя бы в рамках ЦДЛ.) В оговоренное время мы прибыли со своими колонками-усилителями в святую святых ЦДЛ – актовый зал, смонтировали аппаратуру, начали настраиваться. И по ходу дела заметили, что половина мест в неосвещенном зрительном зале уже кем-то занята, хотя до начала вечера еще более двух часов. Приглядевшись, мы увидели совсем не ту публику, которая посещает ЦДЛ – в креслах сидели «дети-цветы»[35], те самые хиппи, которые просачивались на наши репетиции в ДК «Москворечье». Как им удалось в таком количестве проникнуть сквозь заслоны опытных дежурных ЦДЛ, куда даже в обычные дни невозможно было пройти без членского билета, – до сих пор не понимаю! Зато тогда я сразу понял: дело грозит скандалом!.. Он начал назревать уже с нашего появления на сцене: музыканты «Арсенала» выглядели и держались как типичные хиппи – в джинсе, длинноволосые, с особой манерой держаться и говорить (тогда советским людям образ хиппи был омерзителен в не меньшей степени, чем сейчас образ бомжа новому русскому). А к началу вечера тетеньки-билетерши обнаружили в зале присутствие хиппи – и побежали докладывать начальству. Дальше все произошло быстро: пришел главный администратор Дома и приказал срочно очистить зал. Приказ относился и к хипповой публике, и к нам. Я понял, что спорить бесполезно, мы смотали провода и вынесли аппаратуру с ударной установкой в фойе. Зал закрыли на ключ, а нас хотели выгнать на улицу. Но я сказал, что не могу нарушить уговор с Василием Павловичем, не дождавшись его. И намекнул товарищу администратору, у которого «под пиджаком наверняка были погоны определенного рода войск», что ему грозят неприятности, так как сам Аксенов будет недоволен. Скоро появился Василий Павлович и, узнав о сложившейся ситуации, дал администрации нагоняй. Нас без звука впустили в зал, мы снова все смонтировали и даже успели настроиться. После чего начался творческий вечер.

Состоял он из трех частей. Сперва по традиции на сцене выступил сам виновник торжества, сменяемый друзьями и коллегами, пришедшими выразить уважение писателю. Затем показали отрывки из художественных фильмов, снятых по сценариям Аксенова. Все это время я вместе с ансамблем слонялся по коридорчикам в задней части ЦДЛ или сидел в отведенной нам комнате. Там ко мне неоднократно «подваливал» один из администраторов

[35] «Дети цветов», или хиппи, носили с собой букеты и дарили цветы всем, заражая идеей всеобщего добра, вставляли их в дула армейского оружия; носили цветы в волосах, разукрашивали себя в цветочек…

Дома, некий Семиженов (в народе звавшийся, естественно, Семижповым), пожилой, лысоватый, крепкого телосложения отставник каких-нибудь спецвойск. По долгу службы он был обязан следить за тем, что происходит за кулисами. Но в тот вечер главной его тревогой было, конечно, что и как будут играть эти волосатые люди в таком приличном месте, как ЦДЛ? Ведь, в случае чего, нагоняй получит он, а не Аксенов. Когда он, взяв меня под ручку, мягко обратился с вопросом о том, что же мы будем играть, я понял, насколько его карьера зависит сейчас от меня. Мне даже стало его жалко, несмотря на его отношение к нам еще пару часов назад. Желая его успокоить, я сказал, что мы исполним отрывки из одной оперы – и он вроде бы удовлетворился ответом. Но полностью его тревоги не рассеялись: наша внешность уж больно не вязалась со словом «опера». Через какое-то время он вновь подрулил ко мне и спросил, как бы невзначай, не будет ли наша музыка очень громкой. Мне стало смешно, но виду я не подал, решил отделаться от Семиженова полуправдой: «Нет, что вы. Это будет совсем тихо. Правда, один раз будет очень громко. А потом опять тихо». (Дело в том, что одной из главных причин, по которой тогда набрасывались на рок-музыку, была ее громкость. Советские врачи даже доказали, что ее громкие звуки разрушительно влияют на спинномозговую жидкость и что-то еще.) Но мой ответ, видимо, не удовлетворил Семиженова. Незадолго до начала нашего выступления он еще раз подошел ко мне и сказал, что не чужд искусству и тоже был лауреатом – какого-то довоенного смотра. Оказывается, Аксенов, чтобы снять сомнения по поводу присутствия в Доме рок-музыкантов, сказал ему, что я лауреат международных конкурсов. А слово «лауреат» в советские времена имело смысл почти магический, за ним стояло нечто незыблемое, официальное, признанное. Так что фраза о лауреатстве была как бы скрытой просьбой «не причинить зла коллеге».

По окончании второй части вечера Василий Павлович объявил перерыв и сказал публике, что в третьем отделении выступит джазмен Алексей Козлов и его ансамбль «Арсенал». Народ ринулся в буфет, а мы взялись за отлаживание аппаратуры на сцене. И когда вышли играть, я увидел, что в зале, особенно в первых рядах, расположилась пожилая респектабельная публика, далекая от джаза, не говоря уже о джаз-роке. Впервые в моей практике надо было играть «не в своей тарелке» – чувство не из приятных. Мы начали, как могли, и… произошло неожиданное: после первой пьесы солидную писательскую аудиторию как ветром сдуло, на ее места мигом устроились хиппи, которые дожидались своего часа в закутках ЦДЛ. Концерт пошел, как было намечено: мы сыграли ряд композиций, хитов джаз-рока, затем перешли к исполнению фрагментов из рок-оперы «Jesus Christ Superstar»[36]. И вот здесь образовалась проблема. Стоящий за кулисами тов. Семиженов, осознав, что его подставили, начал подавать мне знак «Давайте заканчивать!». Я пришел в ужас: Аксенов сидел в зале, другой поддержки у меня не было, а исполнить оставалось еще три-четыре арии. Я стал тянуть время, делая вид, что не замечаю знаков администратора, но долго так продолжаться не могло. Дирижируя ансамблем, показывая в ответственных местах, где кому вступать, я стоял спиной к залу, лицом к невидимому из зала Семиженову. Кульминация противостояния попала на арию Иисуса в Гефсиманском саду. Видимо, напряжение в зале и на сцене передалось Семиженову: он приступил к решительным действиям, начал задергивать занавес. В ответ я попытался применить… технику гипноза. Как только он, держась за занавес, делал шаг, чтобы его задернуть, я вместо дирижирования делал мощный пасс двумя руками в его сторону, мысленно внушая Семиженову: «Стой!». Он, как ни странно, замирал. Затем, опомнившись, повторял попытку, а я усилием воли и взмахами рук останавливал его. Это позволило доиграть все намеченное до конца, хотя из зала это смотрелось видимо странно и даже комично – будто я дирижировал кем-то за кулисами. Позднее Аксенов описал этот

[36] Рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда» (англ. «Jesus Christ Superstar»), музыка Эндрю Ллойда Уэббера, слова Тима Райса, была написана в 1970 г. и поставлена на сцене спустя год после создания.

концерт в романе «Ожог», где, как и положено большому писателю, напридумывал массу ярких деталей и подробностей, а меня вывел под именем Самсона Саблера, одного из героев книги. Но название ансамбля «Арсенал» оставил без изменений – так мы попали в историю антисоветской литературы.

А в 1979 году, когда ансамбль был на гастролях во Владимире, туда приехал Василий Аксенов, чтобы взять у меня интервью, на основе которого он собирался написать статью для журнала «Смена» и таким образом укрепить официальный статус «Арсенала» – что в результате и произошло. Василий тогда придумал для этой статьи заглавие, которое позже я не раз использовал, называя так свои телепрограммы, радиопередачи и даже книгу, – «Джаз, рок и медные трубы».

И еще один дорогой подарок сделал мне Василий Аксенов – посвятил мне стихотворение, позднее включенное им в сборник своих произведений.

Первое выступление нового состава ансамбля «Арсенал» состоялось в «Форте»[37] 9 июля 2009 года в день похорон Василия Аксенова. Панихида проходила в Центральном доме литераторов. Гроб стоял на той самой сцене, где в январе 1974 года прошел скандальный творческий вечер Васи, в котором участвовал созданный мною за три месяца до этого «Арсенал». А в этот день вдоль улицы Герцена от площади Восстания до ЦДЛ медленно двигалась очередь пришедших проститься с любимым писателем, символом «шестидесятников». Это были немолодые, суровые люди, закаленные жизнью в соцлагере. Аксенов своей смертью объединил их на один день в нечто цельное, не разбавленное обывателями и партфункционерами.

Для меня Василий Аксенов всегда был своим, джазменом, и не в узком музыкальном смысле, а в общечеловеческом. Он обладал даром импровизации, потрясающим чувством драйва, был абсолютно независимым от догм и властей, органически не терпел приспособленцев и не мог быть частью толпы. А наследие Аксенова по стилистическому многообразию сравнимо с тем, что сделал в джазе не раз упомянутый мной Майлз Дэйвис[38].

Думаю, среди известных советских писателей послевоенного поколения вряд ли кто перенес в детстве психологические травмы, подобные описанным в последней книге Василия Аксенова «Ленд-лизовские». То, что все дети, родившиеся в 30-е годы, в одночасье повзрослели 22 июня 1941 года, уже не раз отражено в литературе и кинофильмах советского периода. Но так остро, как в книге Аксенова, это, мне кажется, не передал никто. Главное же, что Василий, после всего, что сделала советская система с ним и его близкими, нашел душевные силы простить эту власть, встать поверх ненависти. В своих последних интервью он прямо говорил, что всегда мечтал вернуться в Россию. Он осуществил эту идею, обосновавшись в квартире в высотке на Котельниках. Позже он приобрел дом в Биаррице, но последние годы провел в Москве, врастая в культуру, абсолютно для него новую, с иным языком и эстетикой. Для писателя-эмигранта это был подвиг – переосмыслить жизнь и возродиться для нового российского читателя на новом творческом витке.

Я помню, как Аксенов позвонил мне в один из первых приездов в Москву, где-то в конце 80-х, на волне горбачевской перестройки, и попросил отвезти в Серебряный Бор. У него еще не было в России собственного автомобиля, а у меня уже были «Жигули». В летний воскресный день мы поехали по Хорошевке, но перед въездом в Серебряный Бор дорога оказалась перекрытой ГАИ. Мы оставили машину неподалеку от шлагбаума, пешком пере-

[37] Музыкальный клуб основан в 1996 г.

[38] Майлз Дэйвис (англ. Miles Dewey Davis III) (1926–1991), американский джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший значительнейшее влияние на развитие музыки XX века. Дэйвис стоял у истоков множества стилей и направлений в джазе.

шли то, что условно можно назвать мостом, и очутились в Серебряном Бору. В советские времена там, наряду с домиками местных жителей, возникли дачные участки, где разрешали селиться только известным ученым и писателям, а также генералам и партийным функционерам. И это место стало типично советским «блатным» поселком.

Я не понимал, почему Вася попросил привезти его сюда. Но едва мы вступили на первую улочку между дачными заборами, он объяснил, что, живя в Вашингтоне, работал над романом «Московская сага», в котором действие разворачивается в огромном доме в Серебряном Бору, где выросло несколько поколений известной семьи, пережившей все повороты советской истории. Работая над романом, Василий мысленно представлял, как выглядит этот дом. Мы долго бродили по поселку, но Аксенов никак не мог найти хоть что-то похожее на его вымысел. И вдруг, указав на двухэтажный деревянный особняк, стоящий за забором на большом участке, воскликнул: «Вот этот дом! Таким я себе его и представлял!». Он сразу успокоился, и мы уехали.

Прилетев в Москву в начале 90-х, Вася попросил меня сводить его в типичное «злачное место», где проводит время молодежь. Ему необходимо было понять тех, кому предстоит жить в новой России. Тогда одним из таких мест была дискотека «Ред зон» в районе спорткомплекса ЦСКА на Ленинградском шоссе. Сам я в «Ред зон» ни за что не сунулся бы, поскольку там собиралась «урла» из Подмосковья и можно было оглохнуть от грохота совковой «попсы». Но для Васи я решился… В громадном бывшем цеху какого-то предприятия стояли подсвеченные софитами высокие узкие клетки из прозрачного плексигласа. В каждой из них извивались голые девушки. Василий, увидев это, слегка обалдел и сказал, что даже в Америке такое невозможно.

Первые визиты в Москву принесли ему, как мне показалось, массу разочарования, несмотря на горячий прием, оказанный старыми друзьями и литературно-театральной общественностью. Особенно его поразили обилие вещевых рынков, «челноки», наперсточники, карманники, кидалы и, конечно, рэкет, «крышевания», заказные убийства и бандитские разборки прямо на улицах города. По-моему, именно он выдумал термин для всего этого – «караванный капитализм». Тем не менее Аксенов преодолел разочарование и углубился в познание культуры, ушедшей в подполье гораздо более глубокое, чем при большевиках. И довольно быстро освоился в этом пространстве… К слову, аксеновская способность к всепрощению помогла и мне избавиться от ненависти ко всему советскому хрущевско-брежневских времен. (Простить или забыть сталинизм невозможно. Он – за рамками человеческой морали, он, скорее, проявление высших сил Зла.)

…Сидя на сцене ЦДЛ у гроба и предаваясь воспоминаниям, я дожидался последнего оратора, поскольку с Борей Мессерером, который вел церемонию, был уговор, что в самом конце я выйду и сыграю, завершу прощание коротким джазовым фрагментом. Когда начал говорить выступающий последним писатель Александр Кабаков, я прошел в комнату, где оставил саксофон, и, встав с ним за кулисой, стал ждать, когда Борис Мессерер объявит меня. После чего направился к микрофону, но тут произошла заминка: оказалось, вдоль занавеса за постаментом с гробом к микрофону пробирается неожиданно приехавший Евтушенко. Мы с Борей переглянулись, он пожал плечами, и я отступил в глубь сцены, дав Евтушенко выступить. А Женя вместо краткой прощальной речи, сначала прочел свое стихотворение, а затем сделал длинный доклад с анализом творчества Аксенова. В общем, концовка панихиды оказалась затянутой. Я все-таки сыграл короткий фрагмент из любимой Васей баллады Телониуса Монка «Round Midnight»[39] – на этом церемония закончилась.

---

[39] Телóниус Сфир Монк (англ. Thelonious Sphere Monk) (1917–1982), выдающийся джазовый пианист и композитор, наиболее известен как один из родоначальников бибопа. Такие его композиции, как «Round Midnight», «Ruby My Dear», «52 Street Theme» и др., стали классикой джаза и исполнялись многими музыкантами.

После панихиды траурная процессия двинулась на Ваганьковское кладбище, а я направился в клуб «Форте» на первый концерт нового состава «Арсенала». Таким, полным волнений, выдался для меня день 9 июля 2009 года.

7 октября 2010 года во «Дворце на Яузе», что у метро «Электрозаводская» (бывшем «Телевизионном театре», незадолго до этого начавшем новую жизнь), состоялся концерт «Аксенов-джаз». Его задумал, организовал и провел Владимир Каушанский – один из немногих оставшихся в строю джазовых критиков, умеющих общаться с большой аудиторией, делать краткие комментарии об исполняемой музыке, представлять выступающих. Концерт был литературно-джазовым, поскольку в нем приняли участие не только джазмены, но и писатели, а также актеры, дружившие с Василием Павловичем. В зале собралась публика преимущественно из людей старшего поколения, поклонников Аксенова. Вновь, как и на его похоронах, меня поразило исходившее от них (и объединявшее этих людей) горькое и мужественное осознание того, что 60-е годы были замечательным временем, несмотря на горечь разочарований, откат к сталинизму и необходимость вести двойную жизнь.

29 ноября 2010 года ушла из жизни Белла Ахмадулина. Зная, что мы с ней многие годы были близки по духу, мне в тот же день позвонили с нескольких радиостанций и телеканалов с просьбами о коротких интервью по этому печальному поводу. Во время одного из них мне вдруг пришла мысль, что наше поколение нужно называть не «шестидесятниками», а «обманутым поколением». Еще точнее: «обманувшимся». После хрущевских разоблачений культа личности, амнистии политзаключенных и ряда других обнадеживающих действий власти – многим, и мне в том числе, показалось, что наконец-то при социализме жизнь станет свободнее. Эта вера вызвала всплеск творческих сил в жизни страны, особенно заметно – в области культуры. Засияли имена Ахмадулиной, Аксенова, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Окуджавы, Гладилина. Но после одиозных встреч Хрущева с творческой интеллигенцией наступило разочарование. Часть писателей и поэтов стала делать вид, что согласна с партийной идеологией, хитрить, чтобы выжить, внутренне не отходя от своих убеждений. Я говорю это лишь для того, чтобы было понятнее, как сложно пришлось тем, кто ни разу не сфальшивил. Ими были, на мой взгляд, лишь двое: Белла Ахмадулина и Василий Аксенов.

Владимир Войнович

Нас объединяли возраст и общность судьбы

Поздний возраст – это сомнительный подарок судьбы, когда все чаще приходится писать некрологи и воспоминания об ушедших. А тех, с кем жил рядом, работал, встречался, выпивал, вел разговоры «за жизнь», дружил и враждовал, ушло уже в иное измерение столько, что если даже вскользь упомянуть, сложится не одна страница. И все меньше остается тех, кому будет что вспомнить о задержавшемся дольше других.

С Васей Аксеновым меня объединяли возраст и общность судьбы. У него были репрессированы оба родителя, у меня только отец, но и этого было достаточно, чтобы осмысление действительности началось рано и развивалось в определенную сторону. Мы с детства стали постигать истину, что советская власть не лучший из всех возможных способов управления государством и организации жизни народа.

В 1960 году я, будучи начинающим литератором, еще практически не печатался и, естественно, следил не только вообще за современной литературой, но и главным образом за достижениями опередивших меня молодых писателей. К тому времени Анатолий Кузнецов слыл уже маститым писателем, Толя Гладилин, будучи на три года младше меня (а тогда три года разницы в возрасте еще казались вполне ощутимыми), напечатал две нашумевшие повести, и со своими «Коллегами» выступил Василий Аксенов. А я еще был никем. Я вчитывался в тексты своих преуспевших сверстников, пытаясь понять, есть ли у меня шанс дотянуться до их уровня. Но вот, наконец, в «Новом мире» вышла моя повесть «Мы здесь живем», публика меня заметила, критики тоже не обошли вниманием: ругали, хвалили, вставили в «обойму» имен, перечисляемых в многочисленных статьях о современной литературе. Мне захотелось поближе познакомиться с состоявшимися до меня, и, увидев однажды в ресторане Дома литераторов Аксенова и Гладилина, я присел к ним за столик, представился и сказал: «Ребята, хочу с вами дружить». На что Гладилин отреагировал недоуменным взглядом, а Аксенов великодушно-иронической фразой: «Ну что ж, похвальное намерение». После чего дружба осуществилась, но нельзя сказать, чтобы очень уж тесная. Тесно продолжали дружить Аксенов с Гладилиным и та группа, которую Василий описал в романе «Таинственная страсть». Но все-таки мы жили рядом, по соседству забегали друг к другу, собутыльничали в ресторане ЦДЛ и помимо. Я в те годы выпивал крепко, но не когда работал. Однажды писал рассказ, который мне трудно давался. Писал, не пил, злился, предвкушал, что вот закончу и тогда уж ни в чем себе не откажу. Закончил рассказ, понесся в ЦДЛ, а там ресторан полупуст, ни одного знакомого лица, а я пить в одиночку совсем не умел. Вдруг навстречу Аксенов, с каким-то незнакомцем. Я обрадовался:

– Вася, почему бы нам не выпить?

А он:

– Извини, старик, завязал.

Кажется, это был исторический момент, когда он «завязал» практически навсегда. Последние годы позволял себе сухое вино в умеренном количестве. А тогда очень меня огорчил. Он отказался, а незнакомец сказал:

– Давайте, я с вами выпью.

И мое возражение, что я не привык пить с незнакомыми, легко парировал:

– Выпьем, познакомимся.

Так я познакомился с бывшим работником уголовного розыска и тогда только начинавшим писателем детективов Николаем Леоновым. Милицейскую зарплату он уже потерял, а

гонорары были еще впереди, поэтому пока рассчитывал на «халяву». Впрочем, знакомство наше одной выпивкой ограничилось, потому дальше и рассказывать нечего.

Хотя судьбы наши поначалу были похожи, потом мы жили очень по-разному. Васю с юности манили Америка, джинсы, джаз, вообще Запад, доступной разновидностью которого были во времена нашей молодости прибалтийские столицы, в первую очередь Таллин. Делая в литературе первые шаги, Аксенов, Гладилин и другие авторы «Юности» равнялись на какие-то западные образцы, и когда возникла возможность бывать на западе, охотно ею пользовались, а «новомирцы» Владимов, я и, само собой, «деревенщики» учились у русских классиков, Платонова ценили выше Хемингуэя, джинсами и джазом не увлекались. Когда многие уже побывали на Западе, я туда никак не стремился, что могу объяснить не посконным патриотизмом, а общей недоразвитостью и отвращением к обязательному прохождению через идеологические комиссии, где кандидату на выезд предстояло отвечать на дурацкие вопросы о том, из скольких пунктов состоит моральный кодекс строителей коммунизма, когда состоялся какой-то съезд КПСС и как фамилия генерального секретаря компартии той страны, куда собираешься ехать.

В конце шестидесятых годов, с ареста Синявского и Даниэля[40], начались события, неизбежно приведшие нас в диссидентство. Васиным Рубиконом оказался альманах «Метрополь», затеянный им совместно с Виктором Ерофеевым и Евгением Поповым. Тут между нами пробежала жирная кошка. Мне в альманахе места не нашлось, поскольку его создатели, надеясь обмануть советскую власть своей мнимой лояльностью, никого из литераторов, исключенных из Союза писателей и числившихся в диссидентах, в свою компанию не пригласили. Неприглашенными оказались Лидия Чуковская, Лев Копелев, Владимир Корнилов, Георгий Владимов и я. Основатели альманаха, включив в число своих авторов тогда практически непечатавшихся Высоцкого, Сапгира, Горенштейна и прочих, считали свою затею смелой, а я ее счел конформистской, что и высказал одному из метропольцев. Сейчас те наши разногласия, может быть, выглядят несерьезно, но тогда многое воспринималось болезненно. Тем не менее, когда Аксенов улетал в Америку, я был среди провожавших его в Шереметьево, а потом уже, когда и сам оказался за границей, мы наши дружеские отношения восстановили. Из времени, проведенного в эмиграции, один год я прожил в Вашингтоне или, как Васины друзья шутили, в Васингтоне, там мы часто общались вдвоем и в составе тамошней эмигрантско-литературной компании. Потом я несколько раз приезжал в Вашингтон и, бывало, останавливался у Аксеновых, а Вася и Майя, когда первый раз приехали в Москву и еще не имели собственной крыши, жили у меня в Астраханском переулке, где я получил квартиру взамен той, что оставил, отправляясь в эмиграцию.

Надо сказать, что дружба наша, продолжаясь много лет, не была слишком тесной, потому что наши литературные вкусы и пристрастия не совсем совпадали. Собственно, о литературе мы с ним никогда не говорили, не обменивались текстами, не выясняли мнения друг друга о том, что писали. Поэтому, вернувшись из эмиграции, мы, продолжая относиться друг к другу вполне дружелюбно, встречались и общались крайне редко.

То, что мы с Аксеновым представляли в литературе разные направления, было очень заметно и наводило некоторых критиков на ложные выводы. В 2004 году я был председателем жюри Букеровской премии, а Аксенов с его романом «Вольтерьянцы и вольтерьянки» одним из номинантов на премию. Какой-то критик, оценивая шансы шести претендентов, попавших в шорт-лист, написал в своем прогнозе, что при данном председателе жюри у Аксенова нет никаких шансов. Теперь я могу признаться, что при первом чтении у меня к

[40] Судебный процесс против А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля длился с осени 1965 по февраль 1966 г. Писателей обвинили в написании и передаче для опубликования за границей произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». Синявский и Даниэль не признали себя виновными.

роману Аксенова было много претензий и я сомневался даже, стоит ли его включать в короткий список. Но на первом же заседании другие члены жюри дружно выступили за Аксенова, и я понял, что у меня нет достаточных аргументов для возражений. К следующему заседанию я перечитал роман. Нашел в нем больше достоинств, но все еще сомневался. Но и на этот раз все члены жюри высказались за роман, и было бы глупо мне, единственному, выступить против. Потом председатель Букеровского комитета Игорь Шайтанов[41], принимавший участие в нашем заседании, но не голосовавший, заметил: вот как я ловко настроил членов жюри на полное единодушие по кандидатуре Аксенова, хотя на самом деле все было наоборот.

Букеровская церемония, как всегда, сочеталась с торжественным ужином, на котором главными гостями были номинанты, вошедшие в шорт-лист. Председатель жюри должен назвать лауреата в конце ужина. Аксенов за столом оказался рядом со мной и иногда бросал на меня пытливые взгляды. Но я себя не выдал до тех пор, пока мне не дали слово.

Честно говоря, я даже не ожидал, каким подарком станет премия для лауреата. Оказалось, что он, один из самых знаменитых русских писателей, не имел до того ни одной литературной премии, а теперь был счастлив, что наконец-то отмечен. И я был рад, что жюри выбрало именно его.

Повторюсь. Мы с Аксеновым, несмотря на схожесть судеб и многолетнее товарищество, не были литературными единомышленниками. Мне в свое время нравились его рассказы «На полпути к Луне», «Дикой», «Завтраки сорок третьего года», «Товарищ Красивый Фуражкин», некоторые главы «Ожога», «Остров Крым», но были и тексты, которые оставляли равнодушным. И «Вольтерьянцев» я не отношу к аксеновским вершинам, но все-таки по совокупности он заслужил право на национальное признание, подтверждением чего и стала для него Букеровская премия. Хотя совокупность при ее присуждении обычно не учитывается.

Один из рассказов Аксенова назывался «Жаль, что вас не было с нами». Перефразирую: как жаль, что его уже нет с нами (хотя жалеть, что мы еще не с ним, пока воздержусь). Он любил повторять выражение в переводе с английского: умереть значит присоединиться к большинству. Он уже присоединился, а нам еще предстоит присоединиться к нему. Или как писал Окуджава: «Ненадолго разлука – всего лишь на миг, а потом отправляться и нам по следам по его по горячим»…

[41] Игорь Олегович Шайтанов возглавляет Букеровский комитет с 1999 г.

Бенедикт Сарнов

И тут Вася сказал…

7 ноября 1961 года мы с женой, вопреки установившейся традиции, оказались в несколько необычной, не совсем своей компании.

«Своей» для нас в то время была прочно сбившаяся компания друзей по «Литгазете», в которой мы – кто штатно, а кто внештатно – тогда работали. И так уж повелось, что на праздники все мы неизменно собирались у кого-нибудь из нас, чьи квартирные условия это позволяли.

Сборища эти были шумными, многолюдными. Звенели бокалы. Произносились длинные витиеватые тосты. Пел Булат первые, самые ранние свои, только что родившиеся песни. И там же появились и первые их магнитофонные записи. (Один из «литгазетцев», Юра Ханютин, уже обзавелся тогда собственным, тяжеловесным, неуклюжим магнитофоном «Днепр». Вот на нем эти булатовские песни и были впервые записаны.)

Неизменными участниками этих сборищ были ближайшие мои друзья – Эмка Мандель, Володя Корнилов, Боря Балтер, Лазарь Лазарев, Стасик Рассадин, Инна Борисова…

А в тот праздничный вечер 1961-го, о котором я сейчас вспомнил, компания, в которой мы с женой оказались, была другая. И не такая многолюдная, и не такая «своя»: Толя Гладилин с женой (именно у него на квартире мы тогда и собрались), Вася Аксенов с Кирой, Стасик Рассадин с Алей и Юра Овсянников (с ним мы и вовсе были тогда едва знакомы).

Затащил нас в эту компанию Стасик, который как раз в это время ушел из «Литгазеты» в «Юность» и сразу сдружился с любимыми авторами этого журнала. А что касается Васи Аксенова, то в него он просто влюбился.

В том, что «литгазетские» наши сборища запомнились мне гораздо лучше, чем это, нет ничего удивительного. И вышло так не только потому, что они были постоянной краской тогдашней моей жизни, а это – коротким и, по правде сказать, довольно-таки случайным эпизодом.

Тут дело было еще в том, что в тех «литгазетских» наших сборищах было гораздо больше острого, яркого, выразительного, а потому и прочно врезавшегося в память.

Взять, например, хоть такой эпизод.

Оказавшийся в нашей компании Михаил Матвеевич Кузнецов («Михмат», как все его звали) вспомнил свою ифлийскую юность и разговор, который зашел однажды меж сокурсниками в их студенческом общежитии. Речь шла о том, как каждый из них представляет себе свое будущее, кем хотел бы стать, чего достичь в жизни. Кто-то сказал, что хотел бы стать поэтом. Кто-то – что мечтает о научной карьере и в будущем видит себя профессором. А один из однокурсников Михмата – Шурик Шелепин – твердо и уверенно объявил:

– А я буду секретарем ЦК.

В то время, когда Михмат рассказывал нам об этом их давнишнем разговоре, Шурик Шелепин («Железный Шурик», как все его тогда называли) был уже членом Политбюро и поговаривали, что вот-вот станет Первым (и даже не Первым, а Генеральным) секретарем ЦК. Что дало мне повод тут же выскочить с тостом:

– Так выпьем же за нашу прекрасную страну, в которой все мечты сбываются!

Не могу забыть еще и такой эпизод из тогдашних наших праздничных посиделок.

В неожиданно вспыхнувшем политическом споре кто-то из нас позволил себе непочтительно выразиться о руководителях французской Компартии – Жаке Дюкло[42] и Марселе Кашене[43]. Услышав это, жена моего друга Лазаря Ная заплакала. Ее отец был старым коминтерновским работником, и в их семье сохранялся не то чтобы культ, но, скажем так, – пиетет по отношению к этим старым вождям мирового коммунистического движения, и стерпеть оскорбительного, глумливого тона по отношению к этим своим кумирам Ная не смогла. И тут к ней подсел, слегка, конечно, уже поддавший, Дезик Самойлов и, погладив ее по голове, сказал:

– Плачь, девочка, плачь! Кто еще поплачет об этих мерзавцах!

Ничего похожего на то, что происходило на «гладилинском» нашем застолье, я вспомнить не могу. Собственно, я вообще ничего не могу о нем вспомнить.

Кроме одной реплики Васи Аксенова.

В какой-то момент, встав из-за стола и подойдя к окну, за которым сеялся с самого утра зарядивший и ни на минуту не прекращавшийся унылый осенний дождь, он с нескрываемым удовольствием и даже не без некоторого злорадства произнес:

– А праздничная демонстрация у большевиков сегодня, надо полагать, провалилась.

Высказать ту же мысль и даже с тем же эмоциональным настроем мог тогда, наверно, каждый из нас. Но придать ей такое стилистическое, словесное оформление («у большевиков») мог только он, Вася.

На одной из знаменитых хрущевских погромных «встреч руководителей партии и правительства с представителями творческой интеллигенции» особенно круто досталось Аксенову и Вознесенскому. О том, как все это было, я во всех подробностях узнал тогда от них самих.

Поэт, как сказала Марина Цветаева, издалека заводит речь. В точном соответствии с этой формулой, Андрюша Вознесенский, когда его позвали на трибуну, начал свое выступление так:

– Я, как и мой великий учитель Владимир Маяковский, не член партии…

Дальше он, естественно, собирался сказать, что, как и его великий учитель, он всей душой, всем сердцем… Ну, и так далее…

Замысел был хорош. Одна только была у него ахиллесова пята: он не учитывал бешеного, взрывного темперамента Никиты Сергеевича Хрущева. Не дав Андрею развернуть замысленный им элегантный ораторский прием, Никита прервал его:

– Ах, не член? Не член партии? Да?.. И ты этим гордишься, да?.. Ну, так вот, на тебе паспорт – и езжай к своим заокеанским хозяевам!..

С Васей Аксеновым вышло примерно так же. Оказавшись на трибуне, он начал с того, что его отец, старый коммунист, был несправедливо репрессирован, отсидел семнадцать лет в сталинских лагерях… Вероятно, дальше он собирался выразить свою благодарность партии и лично Никите Сергеевичу за то, что они разоблачили культ личности Сталина, восстановили ленинские нормы партийной и государственной жизни и вернули ему отца. Но Никита Сергеевич и тут не стал дожидаться окончания этой сложной риторической фигуры. Прервав бедного Васю на полуфразе, он заорал:

– А-а! Так ты, значит, мстишь нам? Да? Мстишь за отца?!

Вася так ошалел от этого неожиданного обвинения, что, стоя перед микрофоном, только и мог тупо повторять:

---

[42] Жак Дюкло́ (фр. Jacques Duclos, 1896–1975), французский политический деятель, руководитель Французской компартии, сподвижник и фактический преемник Мориса Тореза.

[43] Марсель Кашен (фр. Marcel Cachin; 1869–1958), французский коммунист, крупный деятель Социнтерна и Коминтерна.

– Кто мстит-то?.. Кто мстит-то?..

Это мне рассказал Андрей, который во время Васиного выступления еще сохранял чувство юмора. Что касается самого Васи, то он, рассказывая мне об этом, только закрывал в ужасе глаза, вспоминая, каково ему было стоять на трибуне, когда весь президиум в полном составе, главные люди государства, налившись багровым румянцем, стали улюлюкать и материть его, продолжая травлю, начатую паханом.

Зимой 1965 года мы со Стасиком Рассадиным вдвоем поехали в Дубулты, чтобы всласть поработать. Месяц спустя там собралась уже целая наша колония: к нам присоединились Аксенов, Войнович, Фазиль Искандер, Боря Балтер…

Именно там Войнович прочел нам первые главы своего «Чонкина»[44], от которых мы со Стасиком пришли в восторг и довольно шумно этот свой восторг выражали, чем, как вскоре выяснилось, вызвали у Васи некоторую ревность.

– Вот присяду как-нибудь к подоконнику, – хмуро сказал он нам однажды, – и тоже напишу что-нибудь замечательное.

А на другой день, заглянув в комнату Стасика, где мы работали, снял с книжной полки привезенный Стасиком из Москвы томик В.В. Розанова, повертел его в руках, поставил на место и задумчиво сказал:

– Бляди! Какую страну загубили!

Не выходя из состояния этой задумчивости, вернулся к себе и, «присев к подоконнику», быстро, без помарок, написал – и в тот же вечер прочел нам – один из лучших своих рассказов: «Победа».

Весной 1990 года мы с женой оказались в Америке, в Вашингтоне. И радостно встретились там с друзьями, с которыми уже и не чаяли увидеться на этом свете. С Войновичами, которые, собственно, и устроили нам эту поездку, мы уже пообщались раньше, дважды побывав у них в Мюнхене. А с Аксеновыми за минувшие десять лет их эмиграции встретились впервые.

Были и другие, не такие бурные, но тоже радостные встречи с бывшими москвичами, волею обстоятельств ставшими «американцами».

Встретились мы и быстро сблизились и с некоторыми из «американских русских», с которыми в прежней, доамериканской их жизни, нам встречаться не приходилось, хотя имена их нам были знакомы. Самым впечатляющим из этих новых знакомств было знакомство с хорошо нам известным по «вражеским» радиоголосам югославским философом русского происхождения Михайло Михайловым, который сразу, с первой же нашей встречи, стал для нас Мишей.

Встречались мы тогда – и со старыми нашими друзьями, и с новыми знакомцами – практически ежедневно, и немудрено, что все эти встречи вспоминаются мне как некий единый поток непрерывно длящегося праздника.

Все – кроме одной.

Эта единственная из тогдашних наших встреч, стоящая в моей памяти отдельно от всех прочих, случилась на Пасху.

Обстоятельство для меня не больно существенное. Но в этом случае оно важно для моего рассказа.

Собраться мы должны были – и собрались – у Аксеновых. Мы – это Войнович и я с женами, Миша Михайлов с женой и только что приехавшей из Москвы тещей, Илья Левин (тоже из новых наших знакомых, «американских русских»), Элендея Проффер.

[44] Роман-анекдот «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» опубликован в YMCA-Press, 1975.

В аксеновский таун-хауз все мы явились вовремя, без опозданий. Опоздали только хозяева. Это, впрочем, было оговорено: Вася и Майя заранее предупредили нас, что могут задержаться, поскольку сперва поедут в церковь и не знают, когда закончится пасхальная служба.

Ждать их нам особенно долго не пришлось, явились они вскорости, но в каком-то странном, совсем не праздничном настроении. Особенно мрачен был Вася.

Причина этой его мрачности, как тут же выяснилось, была такая.

Обратившись в православие, Вася сблизился и даже подружился с местным священником (мне помнится, что фамилия его была Потапов). А в тот день он узнал, что этот его друг и духовный наставник принял и даже обласкал только что прибывших в Вашингтон наших фашиствующих «неославянофилов», «руситов», как они себя называли – Куняева, Олега Михайлова, Бородина, еще кого-то, сейчас уже не помню, кто был в этой их зондеркоманде.

Вася был по этому поводу в растрепанных чувствах и твердо сказал, что на своей дружбе с Потаповым ставит крест.

Мы его, как могли, успокаивали, утешали, говорили, что американский священник вовсе не обязан знать, что представляют собой эти явившиеся к нему с визитом наши черносотенцы. Но Вася был неумолим. Нет, дружбу его с Потаповым после того, что случилось, уже не восстановить.

И мрачно заключил:

– Перейду на хуй в католичество.

В Васином романе «Остров Крым» есть одна замечательная, на первый взгляд не слишком существенная, даже совсем не существенная, а на самом деле очень многозначительная подробность. Отец главного героя романа Арсений Лучников-старший, «один из немногих оставшихся участников Ледяного Похода», а ныне – один из самых влиятельных людей на «острове», миллионер-коннозаводчик, которому сулят даже должность Председателя Временной Думы, то есть практически крымского президента, «лет десять назад, когда бурно разрослись в Восточном Крыму его конные заводы», выстроил себе прямо под скальными стенами Пилы-Горы роскошную виллу. Не виллу даже, а гигантскую резиденцию. И назвал ее – «Каховка». Эту странную причуду старика автор объясняет так:

«Резиденция Лучникова-старшего называлась «Каховкой» неспроста. Как раз десять лет назад Андрей привез из очередной поездки в Москву несколько грампластинок. Отец снисходительно слушал советские песни, как вдруг вскочил, пораженный одной из них.

Каховка, Каховка – родная винтовка…
Горячая пуля, лети!
…….
Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет…
И девушка наша в походной шинели,
Горящей Каховкой идет…
…….
Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза…

Отец прослушал песню несколько раз, потом некоторое время сидел молча и только тогда уже высказался:

– Стихи, сказать по чести, не вполне грамотные, но, как ни странно, эта комсомольская романтика напоминает мне собственную юность и наш юнкерский батальон. Ведь я дрался в этой самой Каховке… И девушка наша Верочка, княжна Волконская, шла в шинели… по горящей Каховке…

Прелюбопытным образом советская «Каховка» стала любимой песней старого врэвакуанта. Лучников-младший, конечно же, с удовольствием подарил отцу пластинку… Арсений Николаевич сделал магнитную запись и послал в Париж, тамошним батальонцам: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались…» Из Парижа тоже пришли восторженные отзывы. Тогда и назвал старый Лучников свой новый дом на Сюрю-Кая «Каховкой»…»

Таким вот чудесным образом светловские комсомольцы стали юнкерами, их девушка «в походной шинели» обрела черты княжны Верочки Волконской[45], а сама знаменитая советская песня предстала перед нами неким подобием шлягера, обретшего популярность как раз вот в эти самые времена аксеновского «Острова Крым»: «Раздайте патроны, поручик Голицын! Корнет Оболенский, налейте вина!»

Аксенов был едва ли не первым, кто стал оттуда, из новой, эмигрантской своей жизни – по «Голосу Америки» или по «Свободе» – приучать нас к давно забытому, отчасти даже комическому в тогдашних наших жизненных обстоятельствах обращению – «господа». По всем его высказываниям в то время, да и по тому же «Острову Крым», яснее ясного было видно, что он полностью расплевался со всем своим советским прошлым. Без тени сожаления он перечеркнул, напрочь вычеркнул из своей жизни все, что связывало его с прежним, советским его бытием.

Все – кроме «Каховки».

С «Каховкой» он расстаться не пожелал.

Или – не смог.

В девяносто пятом мы с ним вместе были в Самаре. Там проходила какая-то научная конференция по проблемам эмигрантской литературы. Мы приехали туда вчетвером: Аксенов, Войнович, известный немецкий славист Вольфганг Казак и я. Для местных властей конференция эта, как видно, была весьма важным событием, и принимали нас по высшему разряду. Организовали даже прогулку по Волге на маленьком теплоходике, щедро нагруженном яствами и напитками, – традиция, сохранившаяся, видать, еще со старых, обкомовских времен. Впрочем, целью этой поездки был не только пикник. Профессор Казак где-то тут неподалеку, под Самарой, в 1945 году провел несколько месяцев в лагере для военнопленных. Ему хотелось полвека спустя вновь посетить эти места.

И вот плывем мы на этом теплоходике, наслаждаемся прекрасной речной прогулкой, и вдруг – уж не помню, как это началось, – кто-то из нас (не могу поручиться, что Вася, но скорее всего именно он) затянул:

По военной дороге,
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год…

Все дружно подхватили:
Были сборы недолги,

[45] Вера Константиновна Волконская (в монашестве Вера) (1865–1945), княгиня, монахиня, религиозный деятель. Жена А.Н. Волконского. В эмиграции, во Франции, участвовала в деятельности общественных и церковных организаций.

От Кубани до Волги
Мы коней собирали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

Сперва пели вроде как невсерьез. Даже как бы с некоторой насмешечкой. Но постепенно вошли во вкус, об иронии забыли и закончили весело, браво, я бы даже сказал – с полной душевной отдачей:

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Потом спели «По долинам и по взгорьям»:

По долинам и по взгорьям,
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот…

Потом – «Каховку». Потом – «Орленка»[46]. Потом – совсем грустную, но тоже любимую:

И упал он у ног вороного коня,
И закрыл свои карие очи.
Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих.

И надо было видеть, какой кайф (невольно перешел на аксеновскую лексику) получал от всего этого Вася. Он просто млел от наслаждения.

Это так меня удивило, что я, помнится, даже не удержался и, воспользовавшись короткой паузой, спросил: неужели он и в самом деле сохранил в душе любовь к этим старым песням?

Закрыв глаза и покачивая головой («нет-нет», как Ван Клиберн за роялем), он ответил одним словом:

– Обожаю!

[46] Песня «Орленок» написана в 1936 г. поэтом Яковом Шведовым на музыку композитора Виктора Белого к спектаклю Театра им. Моссовета «Хлопчик» драматурга М. Даниэля.

На другой день после этой нашей речной прогулки мы втроем (Аксенов, Войнович и я) выступали перед большой аудиторией жителей города Самары. Зал был полон. И градус интереса к двум звездам, вернувшимся из изгнания на родину, был высок. Их не только слушали, затаив дыхание, но и засыпали вопросами, записками.

В одной из записок у Войновича спросили, где ему было жить комфортнее: в Германии или в Америке.

Он ответил, что Германия для него была хороша тем, что от нее – ближе к дому, к России. А Америка уж больно далека. Но у нее – другое преимущество. Это – страна эмигрантов.

– В Германии я постоянно чувствовал и чувствую себя чужаком, иностранцем, – сказал он. – А в Америку только приехал и уже через три месяца почувствовал себя без пяти минут американцем.

И тут Вася усмехнулся и сказал:

– Вот так ты проживешь там год, два, десять, двадцать лет, – и все будешь чувствовать себя без пяти минут американцем.

Евгения Гинзбург

(Из путевых записей 1976 г.)[47]

18/8

Выезжаем с Белорусского. Вагон непредвиденно оказывается очень неудобным. Узенькое, как пенал, купе. Вагона-ресторана нет. Так что роскошная жизнь не начинается с дороги. Ночью не уснула совсем из-за перевозбуждения последних дней.

19/8

С утра – Брест. Проверка паспортов, таможенный осмотр. Таможенница – девица типа Галины Борисовны[48] – особенно не придирается, в чемоданы не лезет.

– Наркотики везете? Литературу? Золото? Как нет, а это что? – зорко уловила цепочку под блузкой…

В Бресте поезд долго переформировывается. И вот свершилось: впервые за долгую мою жизнь я пересекаю границу любезного отечества.

Польша. Полузабытое видение: крестьянин, идущий за плугом, личные участки обработанной земли. Польша вся плоская, ни пригорочка. И большая. Гораздо просторнее, чем думалось.

Польские пограничники и таможенники ничем не отличаются от наших, – и приемы работы и даже язык (русский).

Уже в темноте подъезжаем к ГДР. Поражает безлюдность и неосвещенность городов. Но и сам Восточный Берлин долго тонет в непроглядной тьме – до тех пор, когда светлым островком не предстанет перед нами Александерплац. Но даже и на этом островке свет какой-то мертвенный. И полное безлюдье в десять часов вечера. На остановке видим станцию Штадтбана[49]. Перед нами проходят несколько вагонов с усталыми немногочисленными пассажирами.

Но вот, наконец, перед нами главная достопримечательность Восточного Берлина – стена! Наяву она выглядит еще более зловеще, чем во сне.

Какой-то неуловимый поворот – и перед нами яркие рекламные огни, разноцветные автомобили, быстрое напряженное движение современного большого города. Берлин-Вест. Опять дотошная гэдээровская проверка паспортов. В эту ночь ГДР не дает глаз сомкнуть. Четыре «пасконтроле». Из Польши – в ГДР, из ГДР – в Западный Берлин, при выезде из него – опять, при переезде в ФРГ – снова. Гэдээровские контролеры куда старательнее наших и польских. Кроме них, никто не сравнивает так въедливо ваше лицо с фотографией на паспорте.

20/8

Васино рожденье. 44 года. Увы, даже мой младший сын уже не молод.

---

[47] Осенью 1976 г. Василию Аксенову удалось добиться от советских властей разрешения на поездку во Францию вместе с матерью Евгенией Гинзбург, автором «Крутого маршрута», книги-исповеди, книги-свидетельства о массовых сталинских репрессиях, получившей всемирное признание. Эта первая в ее жизни заграничная поездка стала для смертельно больной Евгении Семеновны большой радостью, скрасившей последние месяцы жизни, – ее не стало 25 мая следующего года. Приводимый текст представляет собой отрывок из дневниковых записей Евгении Семеновны, сделанных во время пребывания в Париже. Текст ранее не публиковался.

[48] Г.Б. Волчек, главный режиссер Московского театра «Современник».

[49] Метро.

С утра за окном плывет ФРГ – первый каппейзаж, который я вижу из окна.

Поезд идет, будто нарочно медленно, и мы довольно основательно присматриваемся к Эссену, Аахену и даже Кельну.

Но вот в поезде уже звучат веселые приветливые голоса бельгийцев. За окном Бельгия. Она как андерсеновская сказка. Маленькая, городок цепляется за городок. Из больших городов проезжаем Льеж.

3 часа 20 мин. Париж. Гар дю Норд[50].

Мы инкогнито, и встречают нас только Леон Робель и его друг – какой-то поэт. Без носильщика, на тележке перетаскиваем багаж в машину. Свершилось: не во сне, а наяву я еду по улицам Парижа и вижу не на открытках Нотр-Дам, Тур де Монпарнас, бульвар Распай. Отель «Л'Эглон». Вечером – с корабля на бал – празднуем у Робелей Васино рожденье. Приходит Т. Гл.[51] с женой.

21/8

С утра – телеграф, кафе. Появляется из Лондона Ольга Хай. Вечером – вторичное празднование Васиного рождения. Приходит Володя М.[52] Днем мы были в Люксембургском саду. Московские разговоры с В.[53]

22/8

Воскресенье. Париж тих, светел, очарователен. Брожу одна по центру города и узнаю его. Знаю, что за углом – памятник Бальзаку работы Родена.

В Париже масса черных и желтых. К часу дня за нами машина. Это внучка первых эмигрантов Ксения Рыженкова. По крови русская, родилась в Калифорнии, живет в Париже. По-русски говорит с большим акцентом.

Едем в Нотр-Дам. Ставлю две свечки – за себя и за Ирину Ал., как обещала. Глубокое внутреннее убеждение, что я уже была здесь. Глубокое чувство благодарности за то, что все это не во сне. Витражи. Месса. По-французски и по-латыни. В толпе масса негров, вьетнамцев. Вокруг все языки, кроме русского. Горько. Сент-Шапель. Витражи еще ювелирнее, чем в Нотр-Дам. Витая лестница, по которой я каким-то чудом взбираюсь на самый верх.

Рядом дворец юстиции с надписью «Либерте, эгалите, фратерните»[54].

Яркий августовский день. Два ажана ведут мальчишку лет шестнадцати в наручниках. На тротуаре у самой стены дворца юстиции спит клошар.

Обед в ресторане, портик Нотр-Дам. Пробую знаменитый луковый суп. Не нравится.

Вечером – визит к Лили Дени[55]. Огромная комфортабельная квартира, сплошь обитая коврами. У нас в такой квартире, наверное, жил бы министр. Ведем светскую беседу, но у меня перед глазами все время объявление в Нотр-Дам: Н-Д не музей, а храм. Просят туристов соблюдать «респект и тишину».

Надписи на стенах домов. Все, что угодно, в основном гошистские[56]. «Убивайте таких-то», «Да здравствует революционное насилие!» и т. п. Все эти каннибальские призывы пишут вот эти самые юнцы с длинными волосами и девчонки с обнаженными спинами. Те

[50] Северный вокзал.

[51] Анатолий Тихонович Гладилин.

[52] Владимир Емельянович Максимов.

[53] Максимов.

[54] «Свобода, равенство, братство».

[55] Известная переводчица русской литературы, в частности произведений Василия Аксенова.

[56] Леворадикальное движение во Франции 1960–1970 гг. В основном объединяло студентов.

самые, что так убежденно, по-младенчески попивают на улицах перед кафе свои кафе-о-лэ и поедают свои круассаны.

Вообще в среде гошистов – смешение чистых и нечистых. Трогательно, что многие из них стремятся к метафизическому пониманию глобальных перемен. Очень трогают такие надписи: «Мемуар а ля депортасьон»[57]. Гораздо меньше тарахтят о победах, имеют мужество с горечью отметить места страданий, подчинения злу, насилию. И все «без насыпухи»[58].

23/8

Рю де Гренель[59]. Вася пошел представляться. Я жду в вестибюле, наблюдаю типы посетителей, типы обслуживающего персонала.

Вечером на Елисейские Поля. Пляс д'Этуаль. Пляс де ля Конкорд. Тысячу раз повторенные в воображении и впервые – в реальности. Опять эффект узнавания никогда не виденного.

Кино. Впервые в моей жизни – порнографический фильм. По началу эпатирует, но уже минут через 15 – скука. И тошнота.

Вечером Вася ушел с барышней, я одна в номере с кучей интереснейших книг. Звонит Жорес[60] из Лондона. Говорит о том о сем. Голос его мне приятен, будто Рой[61] говорит. Ему наш телефон дала Элизабет, с которой Вася говорил утром.

24/8

Визит к Иде Шагал[62]. Дом XVII века. Трехэтажная квартира. Угощает нас поездкой в такси по Парижу. Сегодня день освобождения Парижа от гитлеровцев. Всюду бело-красно-синие флаги. Едем по рю Риволи к Лувру. Комедии Франсез, дом Мольера. Пляс д'Опера, Итальянский бульвар, Вандомская площадь. К Монмартру. Здесь очаровательно ожил XIX век. На широкой лестнице масса молодежи. Яркие краски, ожившая картина Клода Моне. Церковь Сакре-Кер, старое кабаре «У кролика», где бывали все художники. И вдруг въезжаем прямо в ад. Узенькие грязные улочки негритянских и арабских кварталов. Точно в Алжире. Азартно режутся в какие-то игры.

– А это что за очередь? – осведомляемся у шофера такси. И узнаем: это очередь в публичный дом. В скоростной. Трехминутный визит, десять франков. Таксист-парижанин с лицом члена-корреспондента академии наук брезгливо комментирует: «Mais ce sont des animeaux»[63]. Васька бормочет что-то нечленораздельное насчет расизма, но я вижу, что и его мутит.

Вечером в кафе «Ротонда» – встреча с И.Б.[64] Его приводят А.Г. и М-зин.[65] Прогулка по ночному Парижу. Около Тур де Монпарнас – просто средневековое зрелище – глотают огонь, разрывают железные цепи. Толпа, окружающая площадку с актерами, наполовину из иностранцев. Звучат разные языки. И все – и солидные шведы, и молчаливые немцы – заражаются французским юмором, веселостью, блеском.

---

[57] «В память о депортации».

[58] Без наркотиков.

[59] Здесь располагалось советское посольство, которое обязан был посетить прибывший в Париж Василий Аксенов.

[60] Жорес Александрович Медведев.

[61] Рой Александрович Медведев.

[62] Дочь Марка Шагала.

[63] «Они же как животные».

[64] Иосиф Александрович Бродский.

[65] Вероятно, Анатолий Тихонович Гладилин и Владимир Рафаилович Марамзин (р. 1934).

25/8

Важные звонки из Швейцарии и Италии. Как по нотам исполняются самые неосуществимые мечтания. Купила себе летнее платье. Оказывается, совершенно свободно объясняюсь с продавщицами.

Вася приценивается к машинам. Скоро будем ездить по всей Франции. И вовсе уж не так дорога арендная плата за «Пежо».

Знакомство с несколькими русскими девицами-дамами. Они уже родились здесь, по-русски говорят с акцентом, но все преподают русский. Почему-то их всех зовут Ольгами. Уровень их развития невысок. Все, выбиваясь из сил, стараются очаровать Васю.

Вечером – в кино. Жара, курят. Фильм хоть и Хичкока, но безнадежно скучен.

26/8

Лувр. Величествен и неимоверно душен. Все еще стоит жара этого лета. Почему-то в Лувре нет кондиционированного воздуха. Но все-таки меня хватает на то, чтобы осмотреть антиките, 16, 17, 18 века… Зал Рубенса, Ван Дейка, галерея Медичи, итальянская живопись 17–18 веков. Все время мысли непроизвольно переносятся к Эрмитажу. Иногда грандиозность всего увиденного даже подавляет. Со мной Оля Х., так называемая «наша Оля». Приехала специально из Лондона, чтобы повидать нас. Она бесконечно добра, но все-таки что-то в ней есть от героини купринской «Ямы». И неопрятность моднейшей одежки, и манера разговаривать с посторонними мужчинами.

А Вася весь день путается где-то с Гладилиным по автомобильным делам.

27/8

Испытание моему французскому – встреча с м-м Кр. Лоран. Вроде бы все, как надо, понимаем друг друга. Вечером встреча с З.А.[66] Ужин в ресторане. Двойственное впечатление. Вроде бы и умна и образованна. Но какой-то привкус суетности. Благожелательность, однако, несомненная. Рассказы интересны, в них уловлено многое цепким глазом. Трогательно оберегает нас от С.В.[67]

28/8

С утра – пакетики. Вечером прогулка в Венсенский лес. Иван и Рита. В Венсенском лесу пруды, лебеди. Отличный воздух. Трогательные одинокие фигуры, прячущиеся здесь от современного Вавилона. Особенно почему-то запечатлеваются фигуры вяжущих одиноких женщин. Как будто они нашли здесь свое успокоение.

29/8

Утром – Версаль. Прогулка в Версальском парке. В силуэте дворца что-то остро напоминающее детство. Монумент – Луи Каторз[68] верхом на коне.

Вечером – на репетиции «Бочкотары». Художественный руководитель Антуан Витез, театральный режиссер. Очаровательный, умный. Тонкий. Режиссер этого спектакля Мари-Франс. Замечательные молодые ребята актеры, веселые, творчески заряженные воздухом свободы. Антуан рассказал о своих отношениях с Москвой. Договорился с Плучеком ставить в Сатире «Мольера». Но в министерстве культуры некая дама изрекла при первом намеке на гонорар: «Вы должны гордиться, что…», «Антуан: Mais c'est de la vulgarit»[69].

---

[66] Зинаида Алексеевна Шаховская.

[67] Вероятно, Софья (или Степанида) Власьевна – эвфемистическое обозначение советской власти.

[68] Людовик XIV.

[69] «Но это же пошлость».

Надписи на стенах различными почерками.

«Хожу – и в ужасе внимаю/ Шум невнимаемый никем,/ Руками уши зажимаю —/ Все тот же звук! А между тем… О, если бы вы знали сами,/ Европы темные сыны, / Какими вы еще лучами/ Неощутимо пронзены!»[70].

30/8

Ланч у Беверли и ее мужа Мишеля Горде («Нувель обсервер»). Письмо из Японии. Вечером – Жанна.

31/8

Поль Калинин. Внук первой эмиграции. Полный француз, к тому же католик. Метр Ренар.

Вечером – Присцилла у Гл.[71]

1/9

Обед с Квашами в русском ресторане Доминик. Лев Адольфович, владелец ресторана и литературный критик 86 лет, старый петербуржец, во Франции с 22-го года. Имени Доменик есть театральная премия. По-настоящему знает театр и пишет хорошо. И все-таки владелец ресторана. Политик. Интересно рассказал о де Голле, о его претензиях на личную власть.

Вечером у Е.Г.Э.[72] Вся семья любопытна. Общие беседы и деловые переговоры. Живут в банльe[73], тихая улочка. Об А.И.[74] с нескрываемым озлоблением. Звонок из США. Соня Д. Узнав, что я здесь, восклицает: «Какое счастье!».

Ехали через Булонский лес. Не похож на тот, который в представлении.

2/9

Утром – музей современного искусства. Очень много замечательного Пикассо. Зал русских авангардистов. Гончаров, Ларионова, Кандинский.

Вечером – Дин Ворт[75], Васин прошлогодний завкафедрой. Настоящий плакатный американец. Но Вася утверждает, что у него тысяча комплексов.

Жанна. Кино «Эпоха Людовика XV», поэтому меньше порнографии и язык ближе к моему хрестоматийному французскому, почти все поняла.

3/9

Магазин «Миледи» на Елисейских Полях. Уголок старого Парижа. Вроде «Дамского счастья» Золя. Очень приятно после всех супермаркетов, где бесцеремонные разноцветные руки копошатся в груде тряпья, а продавщицы, почти такие же равнодушные, как наши, болтают между собой. Наконец-то я дорвалась до вымеченной мной продавщицы, которая занимается только мной. Она хочет одеть меня с ног до головы. С отлично разыгранным восторгом подбирает мне тона к лицу. И что с того, что я знаю: я стара, как мир, и она, как бы ни старалась, не может разглядеть во мне прежнюю Женюшу. Зато я проглядываю. Вдруг она возникает в зеркале за каким-то туманом. Правда, на ней бушлат ярославского политизолятора, но я каким-то фантастическим усилием воли заменяю его этим парижским

[70] Из стихотворения Владислава Ходасевича «Встаю расслабленный с постели…» (1923).

[71] Гладилины.

[72] Ефим Григорьевич Эткинд.

[73] В пригороде.

[74] Александр Исаевич Солженицын.

[75] Американский славист, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

тэйером. Это только секунда, но она дает мне горькое счастье. Вот как это выглядело бы, если бы это надеть на меня тогда…

– Цены астрономические! – восклицает по-русски Вася.

А бойкая продавщица уловила, смеется, повторяет «астрономик», но услужливо разъясняет, что фирма готова ждать, если у месье и мадам нет сейчас с собой таких денег. Пусть мы оставим аванс, а они за это время подобьют элегантное пальто ватином, поскольку русские зимы так суровы. И охмурила. На все мы согласились, и теперь все Переделкино ахнет от моих обновок с Елисейских Полей.

Вечером – в гости к Ксении Рыженковой. По дороге – осмотр Пляс Пигаль. Центр сексуальной торговли. Вывески: «Самые красивые НЮ Парижа», «Мулен Руж» и без конца «Сексшоп». Игра электричества очень красива. Настоящие живые проститутки стройными рядами выставлены на глаза потребителей. Они отличаются от обычных женщин только обнаженностью груди. Говорят, они недавно бастовали, требовали распространения на них льгот, даваемых «секьюрете сосьяль»[76]…

Дом Ксении на окраине Парижа. Квартирка похожа на наши малогабаритные. Низкие потолки, нет лифта. Внутри у них какие-то фантастические изыски, стилизованные под Индию. Они, видите ли, йоги. Все в халатах, на корточках вокруг маленького стола. На полу подушки, курятся какие-то довольно отвратительные благовония. И сесть негде, и все блюда имеют какой-то мерзкий экзотический вкус. Муж Ксении тоже стилизован в этом же духе, так же, как и его французский друг. Беседуем об Индии, откуда они только что вернулись, на уровне учебника географии для пятого класса. Среди этой йоговской обстановки мечется пятилетний их сынок, которого никто не кормит и спать не укладывает, хотя уже поздно. Хорошо еще, что с нами Дин Ворт и его дама, славистка Ирина. Они немного разряжают эту обстановку индийского богослужения.

4/9

Приехал Пентираро. Очаровательный молодой красавец, прямо с экрана. Оживленно беседуем по-французски на основе взаимной амнистии. Допоздна работаю.

5/9

Обедаем вместе. Присоединился Дин Ворт. Беседа показывает все национальные различия между нами. Мы все люди приблизительно одной профессии, но, Боже, как мы разно судим обо всем! Проводы Дина в аэропорт Орли.

Вечером – кино «Девятисотый год». Три часа подряд. Есть очень сильные сцены, но тяжело ложится на психику картина революционной бесовщины на фоне порнографии.

К концу дня письмо от Г.Св.[77] и телефонный разговор с ним. Горькое разочарование. Завиральные идеи насчет «Нового мира», да еще на том самом номере, на котором остановился Твардовский[78]. Незамысловатое злобствование по адресу «Континента». И все из-за того, что каждому мальчику «хочется в мэтры, в кентавры…»

6/9

Подготовка к поездке в Нормандию…

[76] «Социальное обеспечение».

[77] Григорий Цезаревич Свирский.

[78] Смысл фразы неясен. А.Т. Твардовский вынужден был уйти из «Нового мира» в феврале 1970 г.

Андрей Вознесенский

Соловей асфальта[79]

Люблю прозу Василия Аксенова. Впрочем, проза ли это?

Он упоенно вставляет в свои вещи куски поэтического текста, порой рифмует, речь его драматургически многоголоса. Это хоровой монолог стихийного существа, называемого сегодняшним городом, речь прохожих, конкретная музыка троллейбусной давки, перегретых карбюраторов июльской Москвы. Впрочем, город ли это?

Грани города стерлись – в нем вчерашние чащи, теперешние лесопарки – все это взаимопроникаемо, это прозопоэзия. Потому ее можно читать вслух – как читали бы Уитмен или Хлебников свои тексты.

Уже 20 лет страна наша вслушивается в исповедальный монолог Аксенова, вслушивается жадно – дети стали отцами, села стали городами, проселочные дороги стали шоссейными, небеса стали бытом, «мода» стала классикой, – но голос остался той же чистоты, он не изменил нам, художник, магнитофонная лента нашего бытия, – мы не изменили ему.

Аксенов понятен не только русскоязычной аудитории, его читают, понимая как своего, и в Лондоне, и в Париже.

Сегодняшняя российская проза, как говорится, на подъеме. Голоса Трифонова, Битова, Окуджавы, Распутина звучат сильно и необходимо.

Дар Аксенова среди них уникален. Повторяю, это магнитофонная лента, запись почти без цензур сегодняшнего времени – города, человека, души.

Когда-то я написал ему стихи:

Сокололетний Василий!
Сирин джинсовый, художник в полете и силе,
ржавой джинсовкой твой рот подковали усищи, Василий,
юность сбисируй, Василий,
где начищали штиблеты нам властелины Ассирий.
Стали активами наши пассивы, Василий.

Имя, как птица, с ветки садится на ветку
и с человека на человека.
Великолепно звучит, не плаксиво,
велосипедное имя – Василий.
Первая встреча:
облчудище дуло – нас не скосило.
Оба стояли пред оцепеневшей стихией.
Встреча вторая: над черной отцовской могилой
я ощутил твою руку, Василий.
Бог упаси нам встретиться в третий, Василий…
Мы ли виновны в сроках, в коих дружили,
что городские – венозные – реки нас отразили?

[79] Опубликовано в специальном издании университета им. Джорджа Мейсона (США), посвященном Василию Аксенову («For Vassily Aksyonov Thoughts on Your Retirement George Mason Universiti, April 21, 2004»).

О венценосное имя – Василий.
Тело мое, пробегая по ЦДЛу,
так просвистит твоему мимолетному телу:
«Ваш палец Вас. Палыч! Сидите красиво».
О соловьиное имя – Василий.

Послушаем и мы городского, асфальтового соловья – Василия Аксенова.

Зоя Богуславская

Василий Аксенов[80]

Василий Аксенов, как принято нынче говорить, – фигура культовая. Мало кто из здравствующих сочинителей столь рано овладел сознанием поколения. Его стиль общения, сленг, пришедший из «Звездного билета», «Апельсинов из Марокко», «Затоваренной бочкотары» и др., стал повседневностью в молодежных компаниях и любовной переписке 60–70-х, приклеился к целому журавлиному клину молодых писателей, устремившихся за ним.

Аксенов – художник. Он занимается именно художественным творчеством. В повествовании доминируют образность, изобразительность, парадоксально влекущие за собой интригу и поступки персонажей.

Несмотря на опыт репрессированных родителей, он не стал диссидентом, его сопротивление больше всего обозначалось на уровне стилистики и свободы поведения. Много позже, вызвав на себя огонь хрущевского гнева на встречах с интеллигенцией, он становится фигурой и политической. Под голубым куполом Свердловского зала произойдет новый слом в его судьбе. Теперь в его биографию вплетаются моменты гражданской позиции, несогласия с чем-либо. Он протестует против ввода войск в Чехословакию, высылки Солженицына[81], его многолетнее противостояние цензуре – увенчается созданием альманаха «Метрополь», позднее названного бастионом гражданско-этического неповиновения. Комментарием к сегодняшнему политическому курсу станет серия его острых выступлений в ведущих СМИ.

Как личность Василий Павлович Аксенов был сконструирован из первых впечатлений костромского приюта для детей «врагов народа», затем – Магадана, где поселился в 12 лет с высланной матерью Евгенией Семеновной Гинзбург. По словам Василия Павловича – круг реальных персонажей «Крутого маршрута»[82] (принадлежащего перу его матери) состоял из выдающихся людей того времени: репрессированных ученых, политиков, художников, образовавших своеобразный «салон», содержанием которого были рассуждения на самые высокие темы. Влияние этих рассуждений на детское сознание трудно измерить.

Какая-то дикая, пронзительная жалость к невостребованным богатствам личности собственной матери, к погубленной в лагерях ее молодости, зазвучала в его прозе с особой остротой («Негатив положительного героя») после «ознакомления с делом арестованной в 1937 году матери». На ее тогдашнем фото: «анфас и профиль, взгляд затравленного подростка, бабушкина «кофтюля» на исхудавших плечах».

Мы видимся с Василием регулярно в течение многих десятилетий. Теперь каждый раз, когда он наведывается в Москву. Застать его на Котельнической набережной, где у них с Майей квартира, сложно. Он расписан по телевизорам, издательствам, интервью. Интерес к Аксенову с годами не ослабевает, его «рвут на части». При этом он никогда не похвастается. Не скажет: «Посмотрите «Итоги», «Герой дня» или сегодня полоса обо мне…». Или «В

---

[80] Опубликовано в специальном издании университета им. Джорджа Мейсона (США), посвященном Василию Аксенову («For Vassily Aksyonov Thoughts on Your Retirement George Mason Universiti, April 21. 2004»).

[81] 13 февраля 1974 года по решению советских властей А.И. Солженицын был выслан из СССР в ФРГ.

[82] «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности», автобиографический роман Евгении Гинзбург, драматическое повествование о восемнадцати годах тюрем, лагерей и ссылок, потрясающее по своей беспощадности и вызывающее глубочайшее уважение к силе человеческого духа, который не сломили страшные испытания. Книга написана в 1967 г. Первое издание в Советском Союзе датируется 1988 г. За границей оно увидело свет в 1967, сначала в Милане, а затем во многих других европейских столицах и в Нью-Йорке (тогда была издана первая часть и фрагменты второй). В дальнейшем книга была дописана. Опубликована спустя десятилетие после смерти автора.

Штатах только что вышла моя новая книга…». Спрос на Аксенова сегодня больше, чем на экземпляры его произведений. Личность порой перерастает творческий имидж. Былым компаниям, верному кругу друзей (Евг. Попов, А. Козлов, А. Арканов, Ю. Эдлис, Г. Садовников, А. Кабаков, и, конечно, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер) Аксенов нынче частенько предпочитает одиночество.

– Почему ты говоришь, что тебе пишется лучше в Вашингтоне и в Европе, чем здесь?

– В Вашингтоне за письменным столом у меня остается только один собеседник – В.П. Аксенов. В России слишком много собеседников, и я, так или иначе, стараясь им соответствовать, забалтываюсь. Сочинительство и эмиграция – довольно близкие понятия.

Он отдал дань разным жанрам: проза, поэзия, драматургия, публицистика. Спрашиваю его:

– Кем себя считаешь по преимуществу?

– Последним представителем умирающего жанра романа (умирающего в молодом возрасте, так как его можно считать «подростком» рядом с другими), – говорит Аксенов. – Я не поэт, а романист. И может быть, поэтому острее других, т. е. нероманистов, чувствую кризис романа. Уже сейчас испытываю какую-то ностальгию по любимому жанру. В процессе «романостроительства» у меня возникает особое почти лунатическое состояние. Домашние это заметили и даже начали в такие периоды называть меня «Вася Лунатиков». Вне романа меня никогда не тянет писать стихи, внутри романа то и дело начинаю ритмизировать и рифмовать.

Сочинительство, как главный способ общения и времяпрепровождения, выдает предназначенность Аксенова писательству. Похоже, сегодня это главный смысл его существования.

«Дело, может быть, в том, что я работаю в основном в самом молодом жанре словесного искусства, в романе, которому, возможно, приходит конец. Быть может, о нашем времени будут говорить: «это было еще тогда, когда писались романы».

– Как сегодня ты оцениваешь американский период жизни? Я имею в виду профессиональную деятельность в Штатах – преподавание в университете, сочинительство? Пожалуй, ты один из немногих, у кого здесь сложился имидж не только писателя, переводимого с русского, но и американского литератора.

Несколько вещей, как известно, написаны тобой по-английски. Помню, как еще до отъезда ты переводил «Регтайм» Доктороу для журнала «Иностранная литература».

– Я отдал двадцать один год жизни «американскому университету», точнее, преподаванию рус-лита и своей собственной фил-концепции мальчикам и девочкам (иногда и почтенного возраста) из разных штатов и стран. Университетский кампус для меня самая естественная среда, но сейчас я уже подумываю об отставке. Где буду проводить больше времени, еще не знаю. Надеюсь, на родине все-таки не вырастет снова тот сапожище, что когда-то дал мне пинок в зад.

– Если бы ты не писал, то что бы делал?

– Не знаю, что бы я делал, если бы не писал. Честно говоря, даже не представляю себе такой ситуации.

Майя Аксенова

Записи 10 сентября, 20 сентября, 20 ноября 1980 года

Ann Arbor (Мичиган)

10 сентября прилетели из Милана в Н.-Й.

Десять дней жили в Н.-Й. вместе с Васей, Аленой[83], Виталием[84]. Виделись с Бродским. Я раньше с ним никогда не встречалась, а Вася увидел его впервые после ссоры[85]. Живет он в страшной квартире, что-то вроде подвала, но с выходом в маленький садик, берлога гения. Чувствует себя неважно, но бутылка виски стоит рядом с ним, и он понемногу потягивает. Курит, пьет кофе. Был очень внимателен, подробно старался объяснить, как надо вести дела, какие нужны документы, где лучше преподавать. Сам он числится в Мичиганском университете, но жить там не хочет. Любит Н.-Й., и Мичиган для него тяжелая нагрузка. Последние годы проводит там только один семестр.

Каждый день встречи. Видели Пат Блейк[86]. Очень мне понравилась. Красивая, умная, прекрасный литературный вкус. Была очень внимательна. Приехала к нам с бутылкой водки, черным хлебом и солеными огурцами.

Айзик Клейнерман и Линда встретили нас замечательно. Мои ребята прилетели из Рима на день раньше нас, и конечно, этот засраный Хиас их не встретил, а когда после нескольких часов приехал их представитель, которого с трудом разыскали, он просто отказался их принимать и уехал, оставив семью с ребенком в чужом городе без денег на аэродроме. Алена в панике позвонила Айзику, и тот немедленно приехал и забрал их к себе.

На следующий день они встречали нас, предлагали остановиться у них в доме и все дни старались как-нибудь нам помочь.

Мила Лось[87] – очень элегантна. Работает в Тэд Лапидус[88]. Сын учится, роман с каким-то богачом из Гаити. По-моему, не очень счастлива.

Васин издатель Джонотан Галосси.

Парень тридцати лет, интеллигентный, собранный, никакой развязности (скорее застенчивый). Самое хорошее впечатление.

После Н.-Й. были два дня в Вашингтоне. Жили у Боба Кайзера[89]. Милая, чуткая семья. Две девочки.

В основном деловые встречи.

Интервью на «Голосе» с Людмилой Фостер[90].

---

[83] Дочь Майи Аксеновой от первого брака.

[84] Зять Майи.

[85] В связи с отрицательным отзывом Бродского об «Ожоге», в результате чего роман Аксенова был отвергнут американским издательством «Farrar, Straus and Giroux».

[86] Патриция Блейк – журналистка, литературный критик, редактор. В романе одиозного советского писателя-сталиниста Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» (1970) выведена под именем Порции Браун, как отрицательный персонаж (развратная американка, распространяющая в советском обществе «тлетворное влияние Запада»).

[87] Советская эмигрантка, бывшая жена драматурга Юлиу Эдлиса.

[88] Американское отделение известной французской дизайнерской фирмы, носящей имя своего основателя.

[89] Роберт Кайзер – корреспондент (в частности, аккредитованный в Москве в семидесятые годы), а позднее главный редактор газеты «Вашингтон пост».

[90] Сотрудница «Голоса Америки», вела программу «Книги и люди».

20 сентября прилетели в Ann Arbor[91].

Встретил Карл[92]. Эллендея где-то носилась и покупала нам матрас и необходимые для дома мелочи. Старались много и довольно нелепо. (Теперь, когда я к ним привыкла, меня это не удивляет.) Матрас не понадобился, телевизор работал плохо, квартира – полное дерьмо. Все-таки около месяца мы с Васятой прожили в этой квартире. Место новое, надо было оглядеться. Очень скоро мы поняли, что на Профферов рассчитывать не приходится (при полной их доброжелательности), и в один день сами нашли хорошую теплую квартиру, в самом центре, переехали, поставили телефон. Привели Профферов в дикое изумление, все сделали самостоятельно. Эллендея охала и ахала, говоря Васе, что русские сами ничего сделать не могут.

Немного о Профферах.

Огромный дом (бывший гольф-клуб). Просторный, красивый, много техники, на каждом шагу телевизоры (все плохо работают). Издательство в полуподвальном большом помещении, все последнее современное оборудование – как говорит Ефимов, используется на одну треть.

В издательстве работают Игорь Ефимов и секретарь Марша (местная, по происхождению полька, хорошо говорит по-русски). Два раза в неделю приходит помогать студент Крег, тоже учит русский язык.

В семье Профферов четверо детей. Три взрослых парня от первой жены Карла и маленькая замечательная девчушка – Арабелла. Ей два года.

Ложатся Профферы в пять-шесть часов утра, встают в два-три часа дня. Работают только ночью, мебель переставляют тоже ночью. Делают это довольно часто. Днем ходят разбитые, сонные. Иногда Эллендея просыпается и начинает носиться по дому. Что-то делает, едет в магазин, кормит свою большую семью. Карл всегда невозмутим. Маленькая Арабелла ведет точно такой же образ жизни. Только ночью еще пока не работает, а смотрит телевизор. Зато в два года знает уже все буквы. При этом ведут очень замкнутый образ жизни. В гости не ходят, в кино тоже, а о концертах и говорить нечего. Мы купили им билеты на джазовый концерт (Линды Рондстон), вытащили из дому, и они радовались как дети.

У Карла курс в университете, занятия, по-моему, два раза в неделю. Ходит, как отбывает повинность. Книги выпускают замечательные, но русские издания им не приносят дохода или очень маленький. Как говорят Профферы, издательство существует только за счет английских изданий. Но у меня сложилось такое впечатление, что они просто этого не знают, т. к. расходы по дому и издательские дела не разделяются. Расходы при таком доме и семье огромные, поэтому они периодически оказываются в очень тяжелом положении, но потом это как-то проскакивает, то ли займ, то ли очередной гонорар за перевод, в общем, пока существуют. Дай им Бог! Привыкла я к ним не сразу. Да и сейчас я с ними не близка, но все-таки относиться стала лучше, пытаюсь понять их. Люди они добрые, к Василию относятся прекрасно, Эллендея всегда старается мне помочь.

20 ноября.

Позавчера позвонили из Госдепартамента и передали, что у Жоры Владимова инфаркт (задняя стенка). Наташа Владимова нас разыскивает, кажется, хочет, чтобы мы организовали

---

[91] *Энн-Арбор* – «мичиганский «большой маленький городок», город-кампус с его университетской «так-сказать-готикой», ресторанчиками, лавками и копировальными мастерскими даун-тауна, ярко освещенными до глубокой ночи книжными магазинами толпами «студяр», запашком марихуаны, символизирующим либеральное меньшинство, и пушистыми зверьками, снующими среди поселений стабильного большинства…» – так описал его Василий Аксенов в своей книге об Америке «В поисках грустного бэби» (New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 200). Здесь располагалось первое американское издательство русской литературы «Ардис».

[92] Карл Проффер.

им приглашение. Очень расстроились, я поплакала. Представляем, как эти сволочи давят всех; когда мы еще были в Москве, Жора если и собирался уезжать, то не раньше чем через год. Вечером позвонили в Москву, и нас соединили с Наташей (очень странно). Рассказала, что 4 ноября Жору вызвали в Лефортовскую тюрьму и продержали там целый день как свидетеля по делу Татьяны Осиповой. На следующий день Жора попал в больницу с серьезным инфарктом. Сейчас он лежит в 71-й Кунцевской больнице. Решили попытаться уехать, ждут приглашения. Позвонили Игорю Белоусовичу[93], еще кое-кому, Крегу Витни[94] (Н. Т.). Очевидно, пошлем приглашение от Мичиганского университета (формальное), а Крег попытается дать сообщение в газете.

Войнович прислал открытые письма (свое и Ирины). У него очень тяжелое положение. В этих письмах он излагает все подробно. Пока его не отпускают. Мы думаем, что «они» решили над ним поиздеваться. Человек болен, похоронил близких людей[95] – самое подходящее время поизмываться.

Будем помогать, как сможем. Странно, что Лев Копелев, приехав в З. Германию 12 ноября, ничего нам не сообщил. Может быть, он серьезно думает, что его пустят через год обратно?[96]

В воскресенье (23-го) мы полетим в Н.-Й. Думаю, что там нам удастся более подробно обсудить все вопросы.

Васята работает очень много. К лекциям готовится серьезно, т. к. читает их на английском.

Джон Глэд[97]

Вася умер. Почти три десятилетия мы были знакомы. Пишу это куцее воспоминание о нем, сидя за тем же грубо оструганным рабочим столом и за тем же компьютером, на котором мы с ним раньше вместе правили перевод его «Московской саги». Теперь меня просят рассказать о нем читателям «Нового Журнала»[98], и хотя я знаю – не справлюсь, отказаться – нельзя. Признаю свое неумение заранее, друзья.

Я начал заниматься русским языком, будучи студентом и снимая комнату у бывшего прапорщика Белой армии. Помню, как в конце шестидесятых годов я играл роль Моцарта в пушкинской маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» в домашней нью-йоркской студии Татьяны Павловны Тарыдиной, бывшей актрисы Мариинского театра. Отравленный завистливым Сальери, я мелодраматично хватался за горло перед сидевшими на складных стульях бывшими офицерами бывшей Белой армии и бывшими власовцами, которые смотрели на меня с не меньшим удивлением, чем я на них.

Вашингтонским отделением русского «Литературного фонда» дирижировала в ту пору Елена Александровна Якобсон, и на собраниях Литфонда, если вы стояли сзади, видны были лишь лысины да ослепительно белые волосы. В восьмидесятые годы еще были живы эми-

---

[93] Американский ветеран Второй мировой войны, участник встречи на Эльбе.

[94] Крэг Уитни – корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс».

[95] Родителей жены Ирины.

[96] Лев Копелев и его жена Раиса Орлова были лишены советского гражданства.

[97] Джон Глэд (р. 1941), профессор русской литературы (США). Переводчик произведений Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга, Николая Клюева, Василия Аксенова и других; в 1980 г. получил премию за перевод «Колымских рассказов» Варлама Шаламова. В 1982–1983 гг. директор Института Кеннана по изучению России. Автор книг «Literature in Exile», «Twentieth Century Russian Poetry», «Russia Abroad: Writers, History, Politics», «Беседы в изгнании», многочисленных публикаций в американской и русской прессе.

[98] «Новый Журнал» – ежеквартальное независимое периодическое издание, основанное в 1942 г. в Нью-Йорке поэтом, прозаиком и критиком Михаилом Цетлиным и прозаиком Марком Алдановым.

гранты первой волны. Теперь этих людей, с их экстраординарными судьбами, уже нет, а белизна их волос перекинулась на меня.

Помимо первой волны, было в Вашингтоне и советское посольское общество, смотревшее на русского эмигранта как на отрезанный ломоть. Контактов быть не могло, и когда развалилась «империя зла», я долго не мог себя заставить ходить в Русский культурный центр, который открыли в том же здании, где мне в течение семнадцати лет регулярно отказывали в советской въездной визе.

А между тем «шумною толпою» уже появилась третья волна, состоявшая из советских эмигрантов, которые еще не успели тогда освоить свои еврейские корни и считали себя просто «русскими». (Или я был тогда настолько наивен, что ничего не понимал?) Новейшие держались вместе, немного контачили со старшим поколением и «совков» чуждались не меньше, чем «совки» их.

И Вася, и Майя вполне вписывались в эту третью волну, только Вася дружил еще с такими влиятельными журналистами, как Роберт (Боб) Кайзер, потом получивший место главредактора газеты «Вашингтон пост», и Питер Оснос, который тогда работал репортером, а позднее стал редактором крупного издательства «Рэндом Хауз». Как раз такие связи в большой степени и определили эмигрантское благополучие Васи, столь резко отличавшееся от бедности первых двух волн.

Помню радиоинтервью, которое Аксенов давал из Калифорнии (откуда же еще?!), по-моему, в 1980 году, только-только приехав в свое американское «изгнание». Хотя работу он получил в университете им. Джорджа Мэйсона под Вашингтоном, по характеру он вписывался именно в ландшафт калифорнийского пляжа. Ведь Калифорния – не штат американский, а отдельное государство, со своей культурой, пожалуй, не менее отличной от культуры американского Среднего Запада (где я вырос), чем грузинская культура от русской.

Где я возьму русские слова, чтобы передать истинно калифорнийскую раскованность Васи? He was laid back[99]. Была в нем также sophistication[100], но в сочетании со скептическим фрондерством советской художественной «элиты», хотя Америка – это демократия, где само слово «элита» чуть ли не под запретом, в то время как страна, откуда прибыл Аксенов, была глубоко кастовая.

Если вы не знали Васю, то наверняка видели хотя бы одно из многочисленных интервью последних лет; и в жизни он был в точности таким, как выглядел на телевизионном экране: слегка расслабленным (casual[101]), несколько саркастичным. Впрочем, таков был и его недруг Бродский, таким остается по сей день Анатолий Найман, другой член ахматовской четверки. По сути, это поза, но граница между игрой и сутью с годами размывается.

В 1978 г., после пяти лет, казалось бы, безнадежных ходатайств, выпустили из СССР как «невесту» мою жену Ларису, и мы купили большой особняк, где каждый год отмечали языческий праздник Halloween русским балом-маскарадом. Однажды, помню, мы подали гостям целого жареного кабана (на морду которого я надел пиратскую маску), другой раз – полторы сотни омаровых шеек. Кто только не приходил! Были, например, родители Сергея Брина, позднее основавшего фирму Google, но тогда еще мальчишки. Как заведующий русской кафедры, я устроил его бабушку преподавательницей русского языка. Зарплата мизерная, но семья была рада и такому скромному доходу. Бабушка переживала за внука и сетовала на то, что тот «ничем не интересуется, ни театром, ни музыкой, а только и делает, что балуется с компьютером, – что-то с ним будет?».

---

[99] Он был расслабленный.

[100] Утонченность, изысканность.

[101] [2] Обычный.

Помню, как на очередной Halloween явились и Вася Аксенов с женой Майей без маскарадных костюмов, но на Васе была голубая кепка с козырьком несколько милицейского вида, с буквами КПСС, а на Майе – такая же, но с надписью ВЛКСМ. Для желающих лепили маску, пользуясь марлей и медицинским гипсом, как делают, снимая посмертную маску. Не знаю, сохранилась ли у Майи Васина маска.

Хотя (а может быть, именно потому что) Вася не был человеком академического склада, студенты охотно записывались к нему как к artist in residence[102], и высшие административные чины университета гордились им.

В новой России его считали «живым классиком», и как-то раз он сам себя так охарактеризовал – не только без малейшего смущения, но даже категорично. Поскольку я давно уже имел дело с писателями-эмигрантами, подобные заявления были для меня не в новинку.

В Москве Майе вернули просторную квартиру ее бывшего мужа, кинорежиссера Романа Кармена, на одной из набережных столицы. Вася, вдобавок, приобрел виллу в Биаррице, на земле басков, где мог спокойно работать без постоянных звонков, которыми донимали на родине.

И вдруг – трагедия: погиб внук Майи. Молодой поэт покончил с собой в той самой «дышащей свободой» Калифорнии (по выражению Томаса Манна), судя по всему, от неразделенной любви. Все поменялось в одночасье. Бывшая гостеприимная, непринужденная обстановка аксеновского дома сменилась неизбывным трауром. Дочь Майи Алена и сама Майя взяли на себя роль плакальщиц, и не временно, а буквально до гробовой доски. Утешения не помогали. Время шло, утрата оставалась свежей раной. К этому у Алены присоединились ее собственные невзгоды. В итоге Вася вышел на пенсию, продал дом в штате Вирджиния и обосновался, если можно так выразиться, по оси Москва – Биарриц. С тех пор я Аксеновых не видел. Умерла Алена, теперь нет и Васи, и я не могу представить, каково бедной Майе.

Ушел писатель, но остались его книги. Василий Аксенов остро осознавал летаргию советской местечковости, ругал эту «развалившуюся кучу мусора». В своих последних произведениях, например в «Московской саге», пытался вдохнуть жизнь в российскую действительность подобием латиноамериканской фантасмагории, щедро сдобренной московским сленгом. «Затоваренную бочкотару» и «Ожог» он мне охарактеризовал как образцы сюрреализма. Он видел себя в роли эдакого литературного Сальвадора Дали, выкатившегося из поблекшей коробки брежневского соцреализма.

С самого начала литературной карьеры Аксенов считал себя приверженцем русского авангарда. Правда, сейчас уже не так просто определить, что, собственно, означало тогда быть авангардистом. Может быть, искренность, неприятие официальной, навязанной культуры. Аксенов приобрел славу еще молодежным писателем, но, по его собственным словам, «молодость безобразно затянулась, я бы сказал, и не только у меня, но у нашего поколения писателей…». Он стал одним из тех, кого позже стали называть шестидесятниками, представителем «десятилетия советского донкихотства», бунтарем. Если пользоваться терминологией русских формалистов, поза бунтаря перешла в литературную «доминанту».

Заграничное его пребывание, безусловно, подлило масла в огонь этой освободительной поэтики, но, несмотря на широкое паблисити, сказать, что он завоевал себе крупную славу в Америке, нельзя. В моем с ним интервью 1982 года (см. мою книгу «Беседы в изгнании», изд-во «Книжная палата»[103]) я спросил, как он видит свои, русского писателя, шансы найти американского читателя. «Я буду продолжать писать для тех же читателей, часть из

[102] Приглашенный преподаватель.

[103] «Беседы в изгнании». Издательство «Книжная палата», 1991. Книга исследует эмиграцию как явление культуры и социальной жизни, обогащая наше представление о соотечественниках за пределами Родины.

которых оказалась за границей. Но это не значит, что я не ищу американского читателя. Я думаю, что американскому читателю как раз интересно будет читать про неизвестный мир, читают же сейчас научную фантастику. Я думаю, что со временем, может быть, я как-то начну больше жить внутри американского общества. И это не значит, что я уйду из своего прошлого. Прошлого у меня достаточно, чтобы писать до конца жизни, сколько там ее осталось, я не знаю. Вот когда уезжаешь из страны в 48 лет, этого уж хватит тебе, чтобы писать, а новый американский опыт мне очень интересен. Вот, в частности, в «Бумажном пейзаже» у меня идут двенадцать глав жизни в России, а в последней главе все герои оказываются в Нью-Йорке. Прошло 10 лет, и они все в Нью-Йорке. И даже майор милиции оказывается в Нью-Йорке, работает телохранителем (бодигард). Вот мне это было интересно писать не только по формальному ходу, но еще и потому, что они сами не замечают, как меняется их речь». Восемь лет спустя, в дополнении к этому интервью, он прочертил путь, по которому, как он считал, русская литература должна была пойти в послесоветский период: «Надо вырвать литературу из водоворота злободневных событий. Это самое главное сейчас. Иначе литература рассеется. Не надо стремиться создавать актуальные вещи. Надо просто успокоиться и наблюдать со стороны. Раньше русский литератор всегда был вовлечен в политику. На него смотрели как на властителя дум. Он должен был заниматься устройством государства и прочим. Сейчас этого, слава Богу, не нужно делать. Пусть политики занимаются политикой. Освободите литературу от этого бремени».

Был ли он «живым классиком»? Если под этим подразумевать, что его имя останется в анналах русской словесности, ответ, безусловно, – да. Теперь многим хотелось бы видеть его имя рядом с именами Державина, Пушкина, Достоевского, Гоголя, Толстого, Булгакова, Ахматовой, Клюева, Мандельштама, Пастернака, Маяковского, в одном ряду с эмигрантами – Набоковым, Алдановым, Цветаевой, Бродским, Довлатовым, Хазановым. Прости, Вася, – пройдут годы, мутные воды художественных ценностей устоятся, и, боюсь, мы такого соседства не увидим. Но кто же уполномочил меня, аутсайдера, выносить такие безапелляционные суждения, возразите вы. Пожалуй, правда ваша. Как бы то ни было, факт налицо: трагическая советская интермедия нанесла жуткий удар по русской литературе. У известного эмигрантского лингвиста Романа Якобсона статья на смерть Маяковского озаглавлена «О поколении, растратившем своих поэтов». По большому счету, речь идет о разрыве между эпохами. Ничего уничижительного в моем, вполне, может быть, ошибочном, прогнозе для тебя нет, дорогой Вася. Ты прочно вошел в историю русской литературы, и в этом смысле все мы перед тобой в долгу. Мир праху твоему.

Желающим посмотреть мое с Васей видеоинтервью 1982 года отсылаю к Интернету: http://community.middlebury.edu/~beyer/ratw/glad

Людмила Оболенская-Флам[104]

О встрече с Аксеновым

Сегодня трудно даже представить себе, какой была Москва 1976 года в застойное брежневское время – столица полицейского государства с его бедным населением и бессмысленными лозунгами, украшавшими фасады домов. На фоне этой безрадостной действительности встреча с Василием Аксеновым осталась в памяти светлым пятном.

Был декабрь. Я прилетела из Вашингтона в связи с открытием официальной американской выставки, посвященной двухсотлетию США. Это была командировка от радиостанции «Голос Америки», где я в то время заведовала отделом культуры и часто сама выступала в эфире. Для меня лично поездка была исполнением заветного желания побывать на земле моих прародителей. Дитя эмиграции, я много лет мечтала когда-нибудь увидеть Россию своими глазами, прикоснуться к жизни ее людей. Но прикоснуться было нелегко. Несмотря на некоторое ослабление напряженности в отношениях между СССР и США, наши радиопередачи яростно заглушались, и, как представитель «вражеских голосов», я оказалась объектом пристальной слежки. Для советских граждан соприкосновение со мной могло обернуться неприятными последствиями вроде обыска, «предупреждения», а то и похуже. Я знала: навязывать кому-то свое знакомство было бы безрассудно. Исключением оказалась группа диссидентов-правозащитников, сама устроившая со мной встречу. Из этой группы двоих – Юрия Орлова и Александра Гинзбурга[105] – вскоре арестовали. Другим исключением стал Василий Павлович Аксенов.

Я знала, конечно, о нем как о выдающемся молодом писателе, чья проза так отличалась от казенных произведений в духе соцреализма. «Апельсины из Марокко», «Затоваренная бочкотара» – они дохнули чем-то новым и свежим… Аксенов и другие писатели-«шестидесятники» показали нам на Западе, что литература в России жива.

На Запад проникали сведения о том, что Аксенов не боялся ставить свою подпись под обращениями в защиту преследуемых диссидентов. А когда он приезжал по приглашению Калифорнийского университета в США, то, говорят, держал себя весьма независимо, в отличие от других советских визитеров. И все же, хотя мне очень интересно было с ним познакомиться, я не решалась добиваться встречи, дабы не накликать на его голову беду. Узнав стороной, что я в Москве, Аксенов сам позвонил мне в гостиницу «Украина», где я остановилась. Мы условились встретиться на следующий день. Но план усложнялся тем, что на следующий день было Рождество по новому стилю, и я была приглашена на утреннюю елку к моим американским знакомым из посольства. Не зная в точности, в котором часу я смогу от них уйти, я дала Аксенову номер их телефона. Чтобы окончательно договориться о встрече, он должен был позвонить мне туда до 14–00 часов. Но «органы» не дремали: покуда я была в гостях, телефон моих знакомых не принимал звонков, о чем мы и не догадывались.

---

[104] Оболенская-Флам Людмила родилась в Риге, училась в Германии, Марокко, Англии. С 1954 г. живет в США, под Вашингтоном. В течение многих лет была сотрудником русской службы радиостанции «Голос Америки» – корреспондентом, редактором, начальником отдела. Выйдя на пенсию, основала в 1997 г. комитет «Книги для России», который занимается сбором и доставкой в Россию эмигрантской литературы, периодики, архивных материалов, рукописей и произведений искусства, отражающих духовную и общественную жизнь российской диаспоры. Тесно сотрудничает с Домом «Русское Зарубежье» имени Александра Солженицына в Москве.

[105] Юрий Орлов и Александр Гинзбург входили в Московскую Хельсинкскую группу. С февраля 1977 г. членов хельсинкских групп, в том числе МХГ, начали подвергать арестам. Были арестованы Юрий Орлов и Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский и Мальва Ланда. Людмила Алексеева, Петр Григоренко и Виталий Рубин были вынуждены эмигрировать в 1976–1977 гг.

Решив, что встреча по каким-то причинам не состоится, я вернулась к себе в гостиницу. Часа через полтора, к моему изумлению, Аксенов заявился в «Украину» собственной персоной. Помимо того, что он не мог со мной связаться по телефону, было и другое препятствие: в его машине случайно(?) сел аккумулятор. По счастью, Аксенову удалось раздобыть новую батарею («прямо как на Западе!») и, в конце концов, за мной заехать. Зная, что в «Украине» у стен были уши, он пригласил меня в Дом литераторов.

По сравнению с убожеством столовых для простых смертных, писательский ресторан поразил меня вполне западным обслуживанием и ассортиментом блюд. Это была одна из привилегий членов Союза писателей, которые с удовольствием ею пользовались. Аксенов указал на некоторых завсегдатаев, назвав их по именам. Запомнился Солоухин, степенно закусывавший за соседним столиком.

Аксенов оказался занятным и остроумным собеседником. Какой разительный контраст с официальными лицами, которые не могли высказать ни одной самостоятельной мысли! О чем мы говорили? Вернее, о чем говорил Аксенов? О том, что его не печатают, о других опальных писателях, о том, что в этом самом доме исключали из Союза писателей Пастернака и Солженицына, о трусости тех, кто голосовал «за». Было ясно: Аксенову все это осточертело, и – будь что будет – он решил не бояться и не гнуть шеи. По тогдашним понятиям его поведение было даже вызывающим. Например, выходя из ресторана, он остановил кого-то из собратьев по перу и представил меня. Тот ошалел. Потом предложил отвезти меня в Переделкино, то самое Переделкино, где жили Пастернак и мой с детства любимый Чуковский… Прямо-таки подарок судьбы, еще бы не поехать!

К тому времени уже стемнело, шел снег, и всю дорогу за нами из Москвы следовала какая-то машина. Подъезжая к Переделкино, Аксенов решил показать мне старинную церковь. Она была заперта, хотелось хоть снаружи полюбоваться древним храмом, но очевидно это представляло угрозу государственной безопасности: сопровождавшая машина остановилась и в упор направила на нас слепящие огни фар.

– Может, лучше я вернусь в «Украину»?

– Ну, что вы, – ответил Василий Павлович, – поедем в Переделкино. Пускай себе едут за нами.

Приехали. Вышли из машины. Прошли к Дому творчества. Стряхнули с себя снег в вестибюле, сняли дубленки и прошли в гостиную, где покойно расположились маститые писатели: кто читал газету, кто в шахматы играл, кто дремал… «Вот, друзья, – провозгласил Аксенов, – Людмила Оболенская из «Голоса Америки»». Писателей взяла оторопь. Думаю, если б я свалилась с Марса, они были бы менее ошеломлены. Мы медленно прошествовали в комнату Аксенова. А они, остолбенев, не проронив ни слова, проводили этакую опасную невидаль испуганными взглядами.

Комната, причитавшаяся Аксенову, была скорее кельей. Кровать, стол, пишущая машинка… Не помню ее убранства, но помню толщенную рукопись, которую дал мне подержать ее автор. Это был «Ожог», книга, которую – Аксенов знал наперед – в СССР к печати не допустят. Ставка делалась на «тамиздат» в Америке. В связи с этим Василий Павлович попросил меня позвонить из Вашингтона человеку, представлявшему его литературные интересы в США, и что-то ему передать. Я с удовольствием согласилась выполнить его просьбу. А в тот момент мне казалось, что я держу на руках еще не родившегося ребенка.

Уходя, мы вновь прошли мимо напуганных писателей, окаменевших в своих позах. Ни один из них не решился хотя бы на молчаливый жест приветствия. Аксенов остался весьма доволен произведенным эффектом.

Года три спустя, в гостях у общей знакомой в Вашингтоне, мы очень смеялись, вспоминая эту историю. Но в промежутке я могла только издалека следить за тем, что происходило с Аксеновым и его творчеством. «Ожог» довольно скоро вышел в Америке и сразу обратил на

себя внимание. Талантливо и ярко написанный роман был вызовом всей советской системе. Опубликован роман был издательством «Ардис» в штате Мичиган. Его основал замечательный, к сожалению, рано умерший, знаток и любитель русской литературы профессор Карл Проффер. Ему с не меньшим энтузиазмом помогала его молодая жена Эллендея. Их стараниями в Америке вышло много книг, находившихся в СССР под запретом. Скажу попутно, что для исследователей «тамиздатского» явления архив, который Мичиганский университет получил от Эллендеи, настоящий клад. По нему можно восстановить, какими кружными путями из Советского Союза попадали сюда рукописи лучших писателей того времени, чем они готовы были рисковать и какую замечательную роль сыграли Профферы, знакомя с ними читателей на Западе.

Как-то мы узнали от Карла Проффера, что в Москве готовится выпуск первого бесцензурного альманаха «Метрополь» и что один из инициаторов этого дерзкого мероприятия – не кто иной, как Василий Аксенов.

Хорошо помню тот день, когда Карл Проффер, прямо с самолета, пришел к нам в «Голос Америки» с экземпляром этого самиздатского альманаха, на который мы все жадно набросились. Отдельные произведения из «Метрополя» мы стали передавать в эфир. В альманахе участвовали, помимо Аксенова, Битов, Ахмадулина, Искандер, Попов и Ерофеев. Последние двое за это были исключены из Союза писателей. В декабре 1979 года Аксенов, в знак протеста и солидарности с ними, сам вышел из Союза писателей. Теперь стало ясно: писателю Василию Аксенову в СССР места нет. В наступившем 1980 году он с женой Майей выезжает в США. В следующем году его лишают советского гражданства, акт, который Аксенов счел для себя за честь.

Поначалу Аксеновы поселились в Вашингтоне в многоэтажном доме, через улицу от нас и недалеко от Института им. Джорджа Кеннана[106], где Аксенову предоставили стипендию. В это время мы встречались с ним и Майей довольно часто и вместе с ними радовались выходу его новых книг: «Остров Крым» и «Скажи изюм». В последней, в иносказательной форме, описывалась история создания «Метрополя».

Для Василия Павловича наступила пора большого творческого подъема. Теперь у него были развязаны руки, хотя занят он был выше головы: когда кончилась стажировка в Институте Кеннана, его пригласили преподавать в университете им. Джорджа Вашингтона[107], а позже в университете им. Джеймса Медисона[108] в штате Вирджиния. За это время Аксеновы сменили несколько адресов: из скромной квартиры переехали в собственный кондоминиум, потом поменяли его на другой, а затем перебрались в пригород Вашингтона Ферфакс. Из-за дальности расстояний встречи сделались более редкими, чаще всего я видела Василия Павловича в стенах радиостанции «Голос Америки». Могу поставить себе в заслугу его регулярное участие в русских передачах. Его успешное сотрудничество с «Голосом Америки» продолжалось до тех пор, покуда существовал Советский Союз. Одновременно он выступал и по радиостанции «Свобода». Этой своей деятельности Василий Аксенов, со свойственной ему иронией, посвятил книгу «Десятилетие клеветы»[109].

---

[106] Институт им. Джорджа Кеннана возник в декабре 1974 г. по инициативе посла Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, возглавлявшего в то время Центр Вудро Вильсона, а также историка С. Фредерика Стара. Названный в честь Джорджа Кеннана-старшего, известного исследователя России в XIX веке, Институт способствует углублению и обогащению американских представлений и знаний о России и других странах бывшего Советского Союза.

[107] [1] Университет им. Джорджа Вашингтона (англ. The George Washington University, GW, GWU), частный исследовательский университет в Вашингтоне, округ Колумбия. Крупнейшее высшее учебное заведение в столице США, а также один из самых дорогих университетов в США.

[108] Университет им. Джеймса Медисона – James Madison University. Основан в 1908 году.

[109] Книга называется «Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя». Находясь в вынужденном изгнании, писатель В.П. Аксенов более десяти лет, с 1980 по 1991 гг., сотрудничал с радиостанцией «Свобода». Очерки, скопившиеся за десять лет, составили острый и своеобразный портрет умершей эпохи.

Владимир Нузов[110]

Жаль, что его нет больше с нами[111]

Почему вдруг я решил взять у него интервью – Бог весть. Возможно, потому, что у меня уже был опыт общения с Евгением Евтушенко, Григорием Гориным, другими «шестидесятниками». Василий Павлович был, если можно так выразиться, главным среди них.

В самом конце 60-х годов я выпросил у кого-то журнал «Юность» с аксеновской «Затоваренной бочкотарой». Кажется, никогда в жизни я так не смеялся! Читал друзьям вслух самые «ударные» куски, мы проливали слезы уже вместе. Гремевшие тогда «Звездный билет», «Коллеги» мне почему-то на глаза не попались, а вот «Пора, мой друг, пора», «На полпути к Луне», «Апельсины из Марокко», «Победа», другие ранние аксеновские вещи – сплошной кураж, игра словом, брызжущее фонтаном жизнелюбие…

Перед самой эмиграцией Аксенова, в 1979 году, в «Новом мире» были опубликованы «Поиски жанра»[112], еще раньше, в «Иностранке» – его блистательный перевод «Регтайма» Эдгара Доктороу. Написанные уже в эмиграции «Московскую сагу» и «В поисках грустного бэби» я тоже прочитал с удовольствием, а вот подаренный Василием Павловичем «Желток яйца» проглотить, увы, не смог…

Итак, в июле 1994 года я позвонил в один из пригородов Вашингтона. Так, мол, и так, говорю, Василий Павлович, это журналист имярек, хочу взять у вас интервью, помещу его в книжке.

– Книжка – это здорово! – были первые слова знаменитого писателя. – Приезжайте.

Помню, в поисках нужного дома я немного заблудился и к назначенному времени опоздал. Все это мой будущий собеседник после нашего трехчасового разговора, видимо, учел: сначала предложил мне, едва знакомому человеку, переночевать в его доме (что меня навсегда восхитило!), а после моего решительного отказа взялся показать автопуть к месту ночлега.

Я заготовил десятка полтора вопросов, по ходу дела какие-то из них выпускал, что-то добавлял.

С ним было легко, никакой звездности не было и в помине, где-то в средине разговора он сказал:

– У вас хорошие интонации, а это – главное…

Как он уловил какие-то интонации в моих вопросах – не возьму в толк. Интонации – ладно, вот похвалы мало от кого из коллег дождешься. Василий Павлович был первым…

Договорились о том, что я возвращаюсь восвояси и постараюсь в темпе расшифровать текст и прислать его по Интернету. Однако вдохновленный встречей и разговором с В.П., я вкалывал чуть ли не всю ночь, а утром, позвонив, слегка огорошил своего вчерашнего визави:

– Василий Павлович, текст готов!

Снова поехал по уже знакомому адресу, В.П. внимательно прочитал текст, не сделав – это я хорошо помню – ни единой поправки. Сие обстоятельство не говорит о какой-то мастеровитости автора этих воспоминаний – отнюдь! Василий Павлович в первый, но не

---

[110] Владимир Нузов – родился в 1941 Г. в Оренбурге. Окончил Московский энергетический институт. Автор нескольких книг стихов, рассказов, интервью. Печатается в московской периодике. Член Союза писателей Москвы. Живет в Нью-Джерси (США).

[111] Один из рассказов В.П. Аксенова называется «Жаль, что вас не было с нами» (*В. Нузов*).

[112] Роман «В поисках жанра» опубликован в журнале «Новый мир» в 1972 г.

в последний раз в нашем довольно долгом и тесном знакомстве, обнаружил широту души, немелочность, щажение чужого самолюбия. Редкие, замечу, качества, присущие пишущим, к тому же знаменитым людям.

Дальше в мой рассказ вступает еще одно действующее лицо: моя дочь Ира. Приехав в 1992 году в Америку в гости, она, как многие тогда, решила остаться, попросить политическое убежище. Документы проходят долго и нудно, а Ире не терпелось поехать в Италию – то ли на какой-то фестиваль, то ли на конкурс пианистов. Но с каким документом ехать? Тут, как это обычно бывает, появилась некая дама, из наших, взявшаяся снабдить Иру… нансеновским паспортом. Что это такое – не мне вам объяснять: когда-то, кажется, в тридцатых годах, он был моден, а в девяностых сыграл с Ирой злую шутку. Вылететь-то из Америки она вылетела, а вот влететь обратно так просто не получилось. Американцы, оказывается, этот самый нансеновский паспорт не признают! Ире, да и нам, родителям, узнать бы об этом заранее, да куда там! «Нансеновская» дамочка клялась, что Ира не первая, кому она сделала (в скобках заметим – всучила) паспорт-«вездеход», оказавшийся «лапшой на уши».

Время идет, Ира кукует в Италии (сильно не горюя, как она потом расскажет – все-таки Италия есть Италия), а мы в своем Нью-Джерси ломаем головы, как нашу дочь заполучить в Соединенные Штаты…

Друзья советуют: пиши в Иммиграционный офис, сенатору, конгрессмену. Но я решил – будь что будет! – написать прямо президенту Клинтону. Да писать не от себя лично – кто я такой? – а от имени знаменитых русских, живущих в Америке.

Мой сосед по Нью-Джерси великий математик Израиль Моисеевич Гельфанд[113] ознакомился с сочиненным мной текстом и подписал его.

Эрнст Неизвестный, видимо, наученный горьким опытом участия в подобных ходатайствах, произнес сомнительную фразу:

– Мне вы говорите, что Гельфанд подписал, а ему – что подписал я, так что ли?

Немного рассерженный, я привез Эрнсту Иосифовичу подписанное Гельфандом письмо…

Осталось получить подпись Аксенова.

Звоню ему в Вашингтон, объясняю ситуацию с дочкой. Он мгновенно соглашается письмо подписать, я – ему:

– Тогда давайте я вам текст прочту прямо сейчас, по телефону!

– Я что, не знаю, что ты умеешь писать? Ставь за меня закорючку – и дело с концом!

Недели через две мне позвонили из Минюста США, которому тогда подчинялся иммиграционный сервис, а месяца через три (американская бюрократия, как любая другая, торопиться не любит) Ира была дома…

Но точку на этом я не ставлю. Несколько лет спустя на концерт Ирины в Вашингтоне, в Филипс-галери, я пригласил Василия Павловича Аксенова. Пригласил больше из вежливости, без всякой надежды на отклик, а он взял и пришел! Да еще зашел (или я его затащил?) после концерта за кулисы, поблагодарил Иру за игру, сделал «музыкальные» комплименты.

Музыку Василий Павлович любил – это хорошо известно. Был поклонником джаза; замечательный саксофонист Алексей Козлов и основатель «Машины времени» Андрей Макаревич были его ближайшими друзьями. Но мало кто знает, что, будучи членом жюри очень престижной российской премии «Триумф»[114], именно он предложил присудить эту

[113] Израиль Моисеевич Гельфанд (1913–2009), один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования (до 1989 г. – в Советском Союзе, после 1989 г. – в Соединенных Штатах).

[114] Первая негосударственная российская премия в области высших достижений литературы и искусства, учрежденная в 1991 г. Вручается с 1992 г. Художественный координатор жюри премии – Зоя Богуславская.

премию за 1997 год ныне всемирно известному пианисту Евгению Кисину[115], что члены жюри единодушно сделали.

Как только в книжных магазинах Нью-Йорка появилась «Московская сага», я ее прочитал и предложил автору обсудить роман по телефону. Он показался мне довольно поверхностным, кое-что в нем (например, фамилия Градов) меня просто раздражало. Я прямо сказал об этом В.П., он оправдывался: «Я писал «Сагу» по-английски для американской публики, старался, чтобы им была понятна жизнь советских людей того времени, логика их поступков».

Телевизионный фильм «Московская сага»[116], вышедший лет десять (а то и пятнадцать) спустя после написания романа, привлек интерес зрителей, в нем играли замечательные актеры, фильм заставил меня посмотреть на роман Василия Павловича другими глазами, вспомнить о когда-то прочитанном с каким-то даже ностальгическим чувством.

Несколько раз мы пересекались с Василием Павловичем в Москве, я храню фотографию, на которой мы запечатлены у одной из колонн Большого театра… Приезжал он и в Нью-Йорк, но не часто, свое отношение к «столице мира» он высказал в том самом, вашингтонском, интервью: «Нью-Йорк хорошо воспринимается только под банкой…».

Однажды, после встречи Аксенова с читателями в Бруклинской библиотеке, мы на трех машинах поехали в наш первый, по американским стандартам убогенький, дом. Василий Павлович был с приятелем, моя жена и ее подруга соорудили на скорую руку стол, заказали пиццу. Сидим, ждем, когда ее привезут, шутим, выпиваем. Василию Павловичу понравилась наша собачка – такса по имени Ося. И В.П. старался незаметно кинуть под стол Осе всякие вкусности: ветчину, колбаску, что, вообще говоря, в Америке возбраняется – домашние собаки и кошки едят, как известно, свою специальную, видимо, довольно пресную и однообразную еду, скатанную в шарики.

Василий Павлович, у которого дома водилась собачка по имени Пушкин, конечно, знал об этом и, жалеючи, решил побаловать нашего Осю.

Время бежит незаметно, тут звонят в дверь, в переднюю входит высокий молодой человек, несущий перед собой огромную плоскую коробку. И на чистом русском языке вопрошает:

– Пиццу заказывали?

Мы все из-за такого удивительного совпадения – русский писатель, русский «пиццоносец» – покатились со смеху, приятельница жены вместо ответа спрашивает парня:

– А вы знаете, кто у нас в гостях? Василий Павлович Аксенов!

– Знаю, – тут же нашелся разносчик пиццы. – Вот он! – и показывает пальцем на вальяжного спутника Василия Павловича…

Аксенову посвящали стихи Ахмадулина и Евтушенко, Вознесенский и Окуджава, его друзьми были Юрий Трифонов и Андрей Битов, учеником (в хорошем смысле этого слова) – Виктор Ерофеев, то есть цвет русской литературы последней трети XX века. Он был, безусловно, исключительно умен и талантлив, но – одновременно – доброжелателен, остроумен, мягок в общении. Противительный союз «но», помещенный между словом «талант» и словами, обозначающими человеческие качества его носителя, как раз и отражает досадное, однако часто встречающееся несоответствие между личностью и талантом…

Он сказал как-то, что вся литература русского зарубежья страдает одним недостатком: угрюмостью. Он любил и часто вспоминал Сергея Довлатова за его веселый литератур-

[115] Кандидатуру Евгения Кисина, кроме В.П. Аксенова, выдвигали Владимир Спиваков и Зоя Богуславская.

[116] Фильм «Московская сага» вышел в 2004 г. Режиссер Дмитрий Барщевский.

ный нрав, отсутствие в его рассказах и повестях занудства, поучительности, каменножопной советской «сурьезности».

Сама долгая аксеновская эмиграция, его присутствие в Америке скрашивали нашу – что греха таить? – непростую жизнь в ней.

Без него и Россия, и Америка опустели.

Валерий Маевский[117]

Три жизни Василия Аксенова

Василий Аксенов прожил три совершенно различных жизни. Первой была жизнь в СССР, второй – жизнь в Америке, третьей – жизнь в послесоветской России и во Франции.

1960: Первое знакомство

В детстве мы жили с Василием, можно сказать, по соседству – в Татарии, оба переживали голод и нищету военного детства, у обоих семьи были разрушены сталинскими расстрелами и лагерями. Я это всегда потом помнил и был благодарен ему за антисталинистские темы в его книгах. И в своей последней незаконченной повести «Ленд-лизовские» Василий вернулся к этому нашему детству, которое помнит все меньше людей.

Заочно я познакомился с Василием в 1960 году, когда, будучи польским аспирантом-физиком в ОИЯИ[118] в Дубне, я прочел его первую повесть «Коллеги». После репатриации в Польшу в 1947 году я окончил Варшавский университет, но все еще сохранял теплый интерес к студенческой жизни в СССР. Раньше мне попались «Студенты» Юрия Трифонова, а вот теперь эти «Коллеги», где было трое приятелей, как и у меня, где герой был, как и я, неловким очкариком, только что из института, и даже его девушка называлась именем моей давнишней любви. Все темы книги перекликались с моей тогдашней жизнью, а частые вставки из песен и стихов хорошо передавали атмосферу тех лет.

Много лет спустя, уже в Вашингтоне, приехав после отпуска из России, Василий рассказывал мне, как летом он плыл по реке на теплоходе и ранним утром, проплывая мимо той деревни, где после диплома работал участковым врачом, увидел на берегу здание своей, описанной в «Коллегах», больницы (все такое же), проплывающее мимо в полной тишине, как привидение. «И я подумал: а ведь мог там остаться на всю жизнь, не начни я тогда писать», – сказал он мне.

Вернувшись из Дубны в Варшаву, я потерял писателя Аксенова из виду. Лишь спустя лет двадцать, когда я уже переехал в Вашингтон и преподавал там физику, я прочел в «Вашингтон пост» статью о нем, озаглавленную как-то вроде «Самый выдающийся писатель столицы США пишет по-русски». Тут я припомнил шестидесятые годы и ту первую повесть начинающего писателя, которая вызвала тогда во мне такой резонанс.

1984: Второе знакомство; американская иммиграция

В США у меня возникли проблемы с иммиграционным ведомством, которое не желало продлить мне визу для научных работников. И вот в один прекрасный день в 1984 году, когда мы с женой мыкались от одного враждебно к нам настроенного бюрократа к другому в иммиграционной святыне района Арлингтон, я вдруг слышу уже почти позабытую за годы в Варшаве и США русскую речь: «Так куда же нам идти?» Это были Майя и Василий Аксеновы, тоже в борьбе с американской администрацией. Мы познакомились, стали иногда звонить друг другу, встречаться.

---

[117] Маевский Валерий – профессор физики Университета им. Джорджа Мейсона, коллега и друг В.Аксенова по преподавательской работе.

[118] Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) – международная межправительственная научно-исследовательская организация в наукограде Дубна Московской области. Учредителями являются 18 государств – членов ОИЯИ.

Василий сравнивал нас – эмигрантов – с амфибиями, потому что нам постоянно приходится пересекать границу двух стихий: дома мы разговариваем и живем в русском или польском языке и культуре, а как только выйдем за порог – окунаемся в американскую жизнь. В разговорах и встречах с Василием я стал припоминать русскую речь, стал опять читать по-русски и начал с его книг, написанных за эти годы. Встреча с ним вернула меня к моему русскому детству. Я привык серьезно относиться к советским злодеям, а тут вдруг Аксенов в «Скажи изюм» издевается и насмехается над своими преследователями, дает им разные прозвища – ублюдки, волчьи ряшки и т. п., – а это сразу показывает их место, они уже не такие жуткие. Я был очень ему благодарен за «Московскую сагу», эту эпопею жизни под преступным ярмом сталинских ублюдков, но когда я его спросил, будет ли он дальше писать о тех временах, он сказал, что уже сказал по этой теме все, что мог.

Василий описал свое знакомство с Америкой в книге «В поисках грустного бэби», где блестяще отразил впечатления человека из Нашего Лагеря, такого как и я, попавшего в Штаты, включая и переживания иммиграционного процесса, например его интервью:

«Это была большая красивая черная женщина с большими золотыми серьгами.

– А где же у вас форма FUR-1980-X-551, – спросила она бесстрастно, но мне показалось, что ее бесстрастность дается ей с трудом и что какая-то странная антиаксеновская страсть готова вот-вот выплеснуться и обварить мне ноги даже через кожу английских ботинок.

Форма, запрошенная ею, как раз не относилась к числу обязательных… Чувствуя, что снова тону, но все-таки делая еще беспорядочные плавательные движения, я любезно сказал делопроизводительнице, что форма FUR-1980-X-551 мной утрачена, но для получения соответствующей информации ей достаточно обратиться к компьютеру.

– Вы что, учить меня собираетесь моему делу? – спросила она.

Знакомая интонация советских чиновных сук будто наждачной бумагой прошла по моей коже, но что-то в свирепом тоне делопроизводительницы бурлило и новое, нечто мне прежде неведомое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.